
Владимир Федоровский

Таганрог «в законе»
Очерки криминальных нравов

Таганрог 2000

ББК

Федоровский В.Г.

Таганрог «в законе»
Очерки криминальных нравов

Отв. редактор

В основу этой книги положены сенсационные уголовные и гражданские дела, рассмотренные таганрогским судом накануне третьего тысячелетия. Они помогут и читателям проникнуть в тайны грабительской приватизации, в секреты финансового обогащения ныне процветающих фирм, в механизм конкурентной борьбы, которая порой завершалась фабрикацией уголовных дел и убийствами.

Автор исследует реальные эпизоды нравственного падения конкретных людей в бездну алкоголизма, наркомании, проституции и педофилии, которые уже сегодня грозят нашему сообществу апокалипсическими катастрофами, все признаки которых автор подтверждает цифрами, фактами и документальными доказательствами.

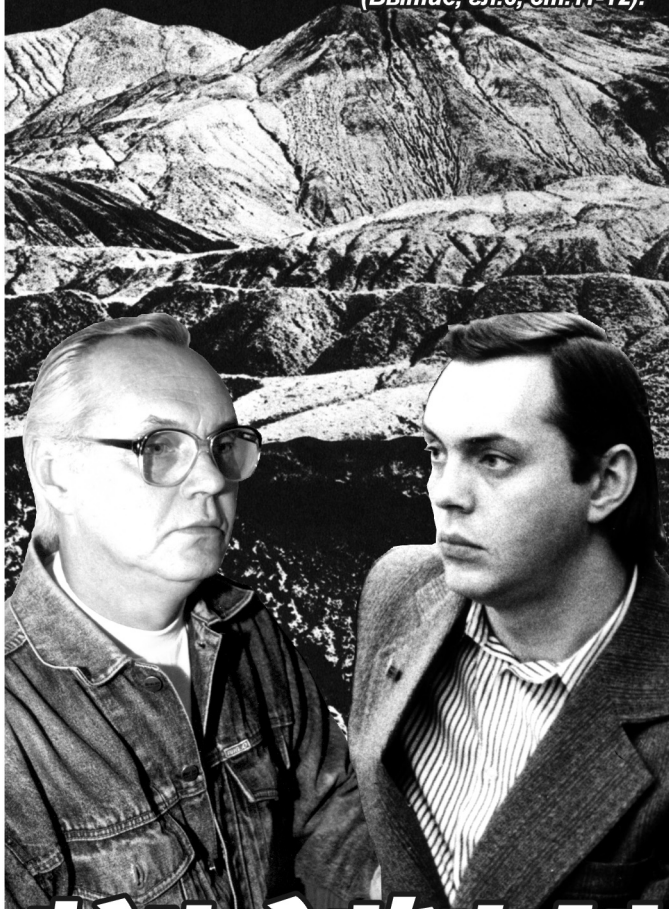
Таганрог: Издательство «Таганрог»
Лицензия №

ISBN

© В.Федоровский, 2000

"Но земля растлилась пред
лицем Божиим, и наполнилась
земля злодеями. И воззрел
Бог на землю - и вот, она
растлена: ибо всякая плоть
извертила путь свой на
земле."

(Бытие, гл.6, ст.11-12).

СОН РАЗУМА

Честно говоря, мы, наверное, уже все подустали от однообразия телевизионных программ. Включишь НТВ, а там «Криминал», «Чистосердечное признание», «Независимое расследование» или такого же сорта фильма: «Место встречи изменить нельзя», «Она написала убийство», «Улицы разбитых фонарей», «День рождения Буржуя». Да и из каждого кадра «Скорой помощи» кровь льется рекой. Переключишься на ОРТ, а там «Следствие ведут Знаатоки», «Человек и закон», «Убойная сила», «Великие сыщики»...

И это все, прости Господи, в первую седмицу Великого поста! О душе бы подумать, о вечном, о своем месте на земле и среди людей, о своем собственном греховном неумении жить и радоваться жизни, радуя других. Нет, выключайте телевизор и давайте лучше посмотрим наши городские и региональные газеты. Авось в них найдем чему порадоваться.

Передо мной «Газета Дона» №11 (ГД), «Ростовский курьер» №11 (РК), «Город N» №9 (ГН), «Таганрогская правда» №49 (ТП), «Таганрогский курьер» №11 (ТК) и «Город» №15 (Г). Будем надеяться, что разнообразие газет сулит и разнообразие тем, жанров и стилей. Чем-то живет наш славный Юг России?»

«Похоже, недоброй традицией становятся кровавые разборки между ближайшими родственниками. В одном из домов по ул. П. Тольятти был обнаружен труп Гончарова с тремя ножевыми ранениями в область сердца».

По подозрению в убийстве задержан родной брат покойного.

«На улице Водопроводной между металлическими гаражами был обнаружен труп со следами насильственной смерти. Удалось быстро установить личность покойного и задержать подозреваемого».

Это цитаты из «Таганрогского курьера» и «Города».

«Пропал Дима Шевченко, 1988 года рождения. Последний раз ребенка видели на станции Таганрог-I в сопровождении неустановленного мужчины...»

Рубоповцами задержана банда с ее главарем, которая занималась вымогательством и захватом заложников.

«Раскрытие преступления, связанного с изготовлением и сбытом фальшивых денег, требует мобилизации сил и средств. Анализ целого ряда таких преступлений, совершенных на

территории нашего города, говорит о том, что фальшивки в основном завозятся из ближнего зарубежья, из других городов».

Это уже сообщения из «Таганрогской правды».

«Андрей В., 1970 года рождения, застал свою жену Леночку с неким Витьком в собственной квартире и на своем диване. Разозлился Андрей и убил Витька консервным ножом. Его арестовали, а Леночка немедленно подала на развод».

Это уже прославляет таганрожцев «Газета Дона».

Да и «Городская площадь», не отставая от коллег, публикует судебный очерк «О чести бандита замолвите слово», в котором анализируется история возникновения и деятельности таганрогской банды грабителей Богдана Романенко.

Важность темы подтверждается тем, что этот же очерк перепечатывает «Таганрогский курьер» под заголовком «Избит и ограблен».

Можно бы, конечно, в очередной раз обвинить средства массовой информации в искусственном нагнетании страстей, но думается, что именно это единодушие подтверждает обратное: на страницы газет выплескивается только то, что уже переполнило общество, что уже сформулировалось в его сознании и настоятельно требует выхода. А вовсе не наоборот.

То, что мы видим на страницах обозреваемых газет, – информация исключительно «разрешенная», исходящая от самой милиции, но даже она (информация) свидетельствует о том, что формула «преступление – задержание» уже не срабатывает, что показатель «раскрываемости преступлений» уже ни в коей мере не может характеризовать качество работы милиции. Порой даже начинает казаться (глупо, конечно, парадоксально, но...), чем выше «раскрываемость», чем активнее растут ряды милиции, тем больше разгорается криминальный пожар в России.

Из истории нашего государства мы уже знаем, что такое «красный террор» и «белый террор». Сегодня мы столкнулись с явлением, у которого еще нет названия. Но очень похоже, что это «черный террор».

В судебном очерке «Убийца заработал на собственные похороны» «ГД» рассказывает, как два дружка зверски убили в Ростове предпринимателя Саркиса и двух его детей. Один из убийц не выдержал мучений совести, отдал награбленные деньги

жене и повесился.

Самоубийца не страдал от безработицы и безденежья. Что толкнуло его на самое страшное преступление? Очерк не дает ответа.

А вот еще одна история. И снова из «ГД».

«До сих пор на Дону грабили и убивали рядовых сельчан, фермеров, председателей колхозов... Тот же Егорлыкский район в 1996 году «прославился» убийством председателя ТОО «Роговское» Владимира Власенко. Ему бандиты сначала отрубили голову, а затем сожгли обезглавленное тело. Был убит и директор Егорлыкской потребкооперации. На следующий день после похорон неизвестные злоумышленники выкопали его тело из могилы и привязали к кресту...»

Это начало статьи «Первого кавалера Кавалерки ограбили». То есть ограбили уже самого главу района Александра Цыпкина. Сам он остался жив, но атмосфера в районе такова, что жизнь там и смерть – это только дело времени.

«Они напали сзади и вдвоем. Повалили старушку на пол в ванной. Она почувствовала на горле чужие руки, и сразу же страшная боль пронзила ухо...»

«... Потом в ванной обнаружат еще и утюг, а на шее женщины – следы от электрического шнура».

Это выдержки из статьи «РК» «Ветерана войны пытали в собственном доме». 77-летняя ростовчанка Тамара Колобова, к счастью, осталась жива, но сам факт и смысл преступления заставил бы содрогнуться даже Родиона Раскольникова.

Кандидату медицинских наук Л. М. Семеновой повезло меньше. Ее-таки убили. И все потому, что решила купить квартиру в поселке Крым. Статья в «РК» так и называется: «Врача убили из-за квартиры». Точнее, из-за денег.

«Как только Семенова вошла в гостиную, на нее напали трое... Женщину задушили... Бездыханное тело погрузили в машину, отвезли на пустырь и сожгли».

Поражает состав преступной группы. Среди убийц: мать – Рита Чубарова, ее дочь-школьница и двое друзей дочери.

И снова подчеркну: никто из них от голода не умирал.

А в это время в Новочеркасске «... рано утром во дворе собственного дома у гаража был застрелен пятидесятилетний Павел Топоров».

Об этом повествует статья в «ГД» «Кто отстреливает

новочеркасских «авторитетов».

«Жертвами необъявленной войны за последние пять лет стали 14 человек разного возраста и социального положения. Но их всех объединяло одно – то, чем они занимались официально, было, как говорится, лишь верхушкой айсберга».

И далее автор статьи подробно рассказывает о каждом из этих убийств и способах их исполнения. «Ни одно из этих убийств не раскрыто до сих пор», – завершает автор.

Ну, а прочих «пикантных» мелочей в «ГД» и «РК» и не перечислить:

- подрывник, приехавший в отпуск из Чечни, взорвал автомобиль «МАЗ» своего родственника;
- в Шахтах разгневанная женщина облила серной кислотой своего мужа и его любовницу (любовница уже скончалась);
- цыгане украли женщину и споили ее в таборе, чтобы завладеть квартирой пленницы;
- в поселке Нижне-Донском грабители силой ворвались в дом и похитили... алюминиевую кастрюлю, мясорубку и несколько алюминиевых ложек (сбор цветного металлолома принимает новые формы).

И только когда вся эта информация уляжется в сознании, начинаешь понимать, что имеют в виду, говоря о тотальной криминализации нашего общества.

Все вышеизложенное приводит лишь к одному выводу: ни государство в целом, ни его законодательные и исполнительные ветви, ни его силовые структуры, включая милицию, неспособны сегодня защитить рядового гражданина от преступных посягательств на его жизнь, здоровье и собственность. И даже высокая «раскрываемость» преступлений в нашем городе не может являться гарантией нашей безопасности. «Охрана порядка» и «раскрываемость» уже совершенных преступлений – это совершенно разные вещи, и чем больше и лучше делается второе, тем, значит, хуже обстоит дело с первым. Но и милицию здесь можно понять: не все в ее власти. Являясь структурой государства, она не может замахнуться на само государство, которое и есть главный преступник.

«ТП» публикует перепечатку из «Новой газеты» – интервью с генеральным прокурором Жeneвы Бернаром Бертосса, который сообщает:

«... у высших российских чиновников и у членов их семей имеются банковские счета в Швейцарии, и большие деньги, продолжающие поступать на них, вызывают у нас опасения...»

А скандал с «Бэнк оф Нью-Йорк»? А «уплывшие» за рубеж 350 миллиардов долларов (17 годовых бюджетов России)? А умирающее население страны, которое ежегодно сокращается на один миллион человек (за 10 лет – на 10 миллионов)? А обчисланные пенсионеры, которые в тысячных очередях стоят с исковыми заявлениями в суд? Разве все это не грабеж и убийство среди бела дня самим государством, самим бывшим президентом, спрятавшимся за Указ о неприкосновенности?

Взрывная волна преступных деяний на вершинах государственной власти дошла, наконец, и до самого основания нашего общества. И дошла она так быстро не потому, что у власти сегодня не стоят решительные коммунисты, а потому, что за четыре поколения их всевластия общество успело напрочь лишиться нравственного иммунитета. Общество еще тогда расколосось на лживую, беспринципную, жестокую и грабительскую власть и покорный, религиозно-невежественный, лишенный чувства добра и зла народ. А ведь еще евангелист Матфей предупреждал: «... всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (гл.12, ст. 25).

Вот и сбывается реченое, вот и убивает брат брата, вот и сговариваются на убийство мать с дочерью, вот и убивают с отцом его малых детей, вот и измываются уже не только над живыми, но и над мертвыми, распиная их на кресте, вот и нет уже покоя не только молодым, но и старухам, для которых их годы не становятся защитой.

Все можно! Все дозволено! И если бы жив был Достоевский, он бы объяснил, почему это происходит. Да он уже и объяснил: «Если Бога нет, то все дозволено».

На этот вопрос, к сожалению, не отвечает ни одна из обозреваемых мною газет. Правда, «Город N» пытается обсудить необходимость усиления роли государства в борьбе с коррупцией и преступностью. Да только куда уж дальше усиливать? Государство и сегодня всевластно в своем беспределе. А «дальнейшее усиление» его роли сведется лишь к сотне громких судебных процессов по стране, места сотни посаженных воров

займет новая сотня воров, да еще к тому, что наша городская милиция начнет отлавливать для самоокупаемого вытрезвителя вместо 270 по 500 человек в неделю.

Но и нам, гражданам, есть о чем подумать. Не может быть у безнравственного народа, не может быть нравственный правитель. Они там, наверху, точно такие же, как и мы здесь, внизу. И мы все вместе, и каждый в отдельности несем личную ответственность за то, что происходит вокруг, за те жертвы, которые пали от рук преступников. Потому что нет между нами любви и добра. Нет чувства вины и покаяния, к которым и призывает завершающаяся вторая седмица Великого поста.

Каинова печать

Сначала была дружба. Да такая, что они не чаяли души друг в друге. И называл Сергей Козловский Андрея Чебышева своим братом, а его жену Людмилу – своей сестрой. И продолжались эти, почти родственные, отношения не один год: встречались, общались, ходили друг к другу в гости, вместе отмечали праздники. Дружили жены, дружили мужья, дружили дети, и не было на свете людей более близких.

Хотя, как мне думается, эти отношения не могли быть совсем уж безоблачными. Родство душ – аргумент весомый, но ведь и птички небесные не обходятся без корма земного. А вот по этой части, если верить материалам уголовного дела № 1-298-99, семье Козловских везло не очень: и Сергей, и Лариса были безработными. Чебышевы же, хоть и не были людьми богатыми, но все же прокормить себя могли. Андрей служил майором налоговой полиции, Людмила работала кассиром в магазине «Олимпия», а значит, хоть и с опозданиями, но зарплату получали.

Кто чаще из двух семей накрывал праздничные столы, не удалось выяснить ни следствию, ни суду, и сдается мне, что они и не пытались это делать, но логика подсказывает, что в роли нахлебников чаще бывали Козловские. А доброхотные и хлебосольные Чебышевы даже не замечали, какой удар они наносили по самолюбию Козловского каждым праздничным блюдом.

И сложилась ситуация почти библейская. Помните: и принял Бог дары Авеля, а на дары Каина даже не посмотрел; и сильно огорчился Каин, и поникло лицо его. Короче, сожрала зависть Каина, и поднял он руку на брата своего, и убил Авеля. Подробности этого первого уголовного дела нам не очень известны, а вот его последствия – налицо: все мы, каиновы потомки, так и не расстались с завистью, не научились платить добром и за добро и за зло, а пакостливое свое начало проявляем на каждом шагу.

Сергей не стал убивать Андрея, но то, что он совершил, причисляется к грехам не менее тяжким – ведь сказано же: «не пожелай жены ближнего своего». А Сергей взял да и изнасиловал Людмилу.

Заявление и объяснительная записка Людмилы Чебышевой в третий отдел милиции довольно пространные, а поэтому я процитирую только те части, к которым мы еще не раз будем

возвращаться.

«13 июня вечером я гуляла с собакой. Подъехал друг нашей семьи Козловский Сергей и сообщил мне, что мой муж, который должен был в это время находиться в Ростове на обследовании сердца, из города не уехал и он готов отвезти меня к нему... Я без всяких подозрений села к нему в машину... По пути Козловский стал говорить, что обо мне ходят плохие слухи, что у него на меня есть компромат...»

Далее идет рассказ о том, как Сергей повез Людмилу на Солнечный пляж, как она безуспешно пыталась убежать, как он повез ее обратно.

«По пути он свернул к гаражам за бассейном «Садко». Я выскочила из машины. Он меня догнал и запихнул в машину. Он разорвал на мне одежду и изнасиловал на заднем сидении. Он меня не бил, зажимал рот, держал руками. После этого он отвез меня домой...»

Это заявление поступило в милицию рано утром 16 июня. А накануне ночью Козловский сбежал из города на своей машине и скрылся в неизвестном направлении. Появится он в Таганроге только через полтора месяца, и тогда машина уголовного судопроизводства заработает на полный ход.

Алиби Козловского будет разбито до основания. Его утверждение, что весь вечер 13 июня и всю ночь он провел дома, поминая умершего сына, опровергнут свидетели Иваненко Ю. Б., Трикона О. Г., Боженко О. Н., Курманова В. В., Столбецкий А. М. На месте происшествия будут найдены обрывки халата Чебышевой и пуговицы от него. Судебно-медицинская экспертиза подтвердит наличие следов физического воздействия на теле Людмилы, которые по срокам нанесения соответствуют дате преступления. Да и дальнейшее поведение Козловского (угрозы расправой в адрес Чебышевой) вынудит следствие усадить его за решетку и еще больше утвердиться в виновности подозреваемого. Что еще нужно?

Вот только судьи поведут себя как-то странно, а судебное разбирательство затянется на долгие два года. Бюрократизм? Волокита? Коррупция? Почему все то, что столь стройно, логично и доказуемо выстроил в своем обвинительном заключении следователь по особо важным делам прокуратуры города младший советник юстиции Владимир Алексеевич Петухов, судьи постоянно подвергали сомнению?

К первому приговору двигались целый месяц. В зале судебного заседания собирались трижды, но так и не пришли к решению, удовлетворяющему все стороны. Мало того, Козловскому назначили условную меру наказания. И что удивительнее всего, первым возмущился по этому поводу... сам Козловский.

Вот тогда я и решил первый раз повнимательнее присмотреться к этому делу. Суд искал и находил противоречия в главных, базовых доказательствах, меня же заинтересовали мелочи, детали, и они оказались весьма любопытными.

Как вы помните, преступление было совершено ночью 13 июня. Место преступления – машина Козловского. Место происшествия – гаражи за бассейном «Садко». От места происшествия до квартиры Чебышевых не более ста метров. Такое же расстояние от квартиры Чебышевых и от места происшествия до парадного подъезда третьего отдела милиции. Вот в этом «бермудском треугольнике» и зарождаются все те загадки, на которые и по сей день нет ответа. Интрига стала еще более закрученной, когда я узнал, что майор Чебышев до налоговой полиции работал в этом самом третьем отделе. Отсюда все и начинается.

Итак, ночь 13 июня и, как пишет Чебышева: «После этого он отвез меня домой». Что, по вашему мнению, «после этого» должна делать женщина, которую только что унизили, оскорбили и растоптали? Повторяю условие задачи: до райотдела милиции всего сто метров.

Свое поведение Людмила объясняет просто: в милицию не пошла, так как Козловский сторожил ее у подъезда, а позвонить не могла потому, что коварный насильник оборвал телефонный кабель. Неужели же он вот так, всю ночь и следующее утро не отходил от подъезда? Странный насильник! Ему бы следы заметать, алиби сооружать, а он, как влюбленный Ромео, чахнет под балконом Джульетты.

Но, как бы то ни было, а убедившись в тщетности попыток связаться с родным третьим отделом, опытная жена бывшего опытного милиционера сразу же направилась... в ванную комнату, чтобы смыть следы преступления. И делает это так тщательно, что спустя две недели (!) биологическая экспертиза только подтвердит ее чистоту и невинность, а следствие лишится

главного доказательства. И все же не будем столь строго судить человека, которого постигло горе и который находится в смятении и растерянности. Просто допустим, что так оно и было на самом деле. Тем более, что такое допущение сделал и следователь Петухов.

Не пошла Людмила в милицию и на следующий день, так как начальник ее мужа Базаров А. С. не советовал ей решаться на такой поступок без разрешения мужа.

– А вдруг Андрей не захочет огласки? – сделал предположение Александр Сергеевич.

Но вот что любопытно: утром 15 июня приехал Чебышев, совет состоялся, а в милицию они все-таки не пошли. Почему?

– Я хотел с ним разобраться, – позже объяснит Чебышев. И добавит что-то совсем уж несообразное:

– Если бы он извинился и объяснил все как-нибудь, например, опьянением, я бы его понял...

А я, простите, не понял ничего. Точнее, я, конечно же, восхитился высочайшим уровнем христианской терпимости Андрея. Ибо это наш долг терпеть, прощать и не осуждать ближнего своего. Но образ мышления и логика христианина и советского милиционера несовместимы, как параллельные миры. Там, где христианин будет терпеть и прощать, милиционер инстинктивно станет уличать, преследовать и задерживать. А поэтому, как мне кажется, не ради объяснений и извинений искал Чебышев Козловского весь день и вечер 15 июня. Были какие-то другие причины, которые так и не выяснил следователь Петухов. А жаль! Тогда, может быть, и уголовное дело приняло бы совсем другой оборот. И снова вопрос: не выяснил или не хотел выяснять? А может быть, знал это не хуже Чебышева? Но это уже совсем запредельная и оскорбительная для нашей прокуратуры догадка, а поэтому я отметаю ее как недопустимую. Иначе, как же жить?

Как бы то ни было, но Сергей своих объяснений Чебышеву не представил и извинений не принес. Я знаю об этом точно, потому что в уголовном деле присутствует расшифровка магнитофонной записи беседы Чебышева и Козловского, которую тайно делал сам Чебышев ночью 15 июня.

И снова недоумение. Человек идет по-братски «разобраться» с другом в скандальной ситуации, он настроен на примирение («... я бы его понял»), а магнитофончик все-таки прихватывает.

Идет с вполне конкретной целью: выяснить мотивы и причины изнасилования, но в процессе всей беседы это слово даже не произносится. Есть лишь туманные намеки («... расскажи про пятницу 13 июня... какую ты мне подлянку сделал?»). Согласитесь, что даже в уголовном мире вряд ли кто-нибудь квалифицировал бы изнасилование чужой жены как рядовую «подлянку». А уголовная феня от разговорной милицейской терминологии мало чем отличается. Нет, не об изнасиловании затевал свой разговор Чебышев и не зря он старался даже не вникать в детали «подлянки», а очень профессионально и умело вывел Сергея на подтверждение, что у того нет и не будет алиби на первых два часа 14 июня (то есть с нуля и до двух часов ночи). На этих двух часах впоследствии и будет строиться обвинение.

Это выяснение отношений и шпионская запись на магнитофон происходили в ночь с 15-го на 16 июня. «Операция» завершилась где-то около двух часов ночи, а уже в 7-30 супруги Чебышевы были в третьем отделении милиции (значит, Андрей так и не смог «понять» Сергея). И продолжились загадки «бермудского треугольника».

Время прихода в райотдел милиции нигде в уголовном деле не зафиксировано. Однако вычислить его не так уж и сложно. В 9-00 Людмила уже была на приеме в прокуратуре у следователя Петухова, и это отмечено в протоколе допроса. Значит, из райотдела она убыла не позднее 8-30. Не менее часа потребовалось и на дачу устных показаний и составление письменного заявления и объяснительной записки. Значит, 7-30 – время почти точное.

Что же погнало Чебышевых в милицию в такую рань, когда там нет еще ни начальника, ни его заместителей, ни следователей – ни-ко-го, кроме дежурной бригады и дежурного по райотделу майора Кириченко? А ведь здравый смысл подсказывает, что Андрей, как человек почти военный, не мог затевать такое грандиозное и скандальное дело, не посоветовавшись ни со своим бывшим начальником, ни с бывшими коллегами по службе. Да и те, хоть дела об изнасиловании и подведомственны исключительно прокуратуре, не оставили бы своего без поддержки. Убежден, что, на свой страх и риск, они без всяких письменных поручений прокуратуры могли произвести неотложные следственные действия по горячим следам (тем более, что такие поручения они потом все равно получили от Петухова). Могли отправить срочно

Чебышеву на биологическую и судебно-медицинскую экспертизы, могли немедленно задержать Козловского для дачи показаний и проведения соответствующих экспертиз, могли провести осмотр места происшествия. Этим они значительно бы облегчили работу Петухову. Они это сделать могли, но не сделали потому, что в райотделе ни-ко-го не было. А майор Кириченко молча зарегистрировал заявление, присвоил ему номер 617 и спокойно отправил Чебышеву вместе с этим заявлением в прокуратуру.

И в дальнейшем милиция вела себя крайне осторожно: ни одного шага она не делала без письменного поручения Петухова, ни одной инициативы, ни одного эмоционального всплеска (как будто не своего обидели). Казалось, будто райотдел сразу же дистанцировался и от затеи Чебышева, и от рьяности Петухова, и от всей этой, уже начинающей дурно пахнуть истории. Но об этом мы поговорим несколько позже.

А пока Людмила вместе с мужем едут в прокуратуру (а возможно, эта поездка состоялась и без Людмилы) и везут туда заявление и объяснение, которые с этой минуты будут именоваться «материалами об изнасиловании, поступившими из ОМ-3 УВД». А уже через пару часов на основании этих «материалов» будет возбуждено уголовное дело.

Честно говоря, сначала этот факт поверг меня в оторопь, потом я испытал настоящий и неподдельный страх. Это что же получается? Людям отказывают в возбуждении уголовного дела, убеждая их, что откровенное и явное убийство их родственника есть не что иное, как банальное самоубийство! Людям отказывают в возбуждении уголовного дела, когда воры очищают их квартиру до последней пылинки: говорят – «так и было». Людям отказывают в возбуждении уголовного дела, когда они с десятками травм лежат в больнице: говорят – «упал с лестницы!» Людям отказывают в возбуждении уголовного дела, когда вымогатели в погонах затаскивают их в абсолютно трезвом состоянии в вытрезвитель! А здесь?!

Значит, стоит написать заявление и объяснение, зарегистрировать их в милиции, затем привезти их Владимиру Алексеевичу Петухову и – в одночасье – готово дело?! Ау, барышни, не теряйте свой шанс!

Но, может быть, я слишком суров к нашей прокуратуре? Может быть, я напрасно иронизирую и у Владимира Алексеевича все-таки были серьезные основания для признания Чебышевой

потерпевшей? Может быть, что-то ускользнуло от моего непрофессионального взгляда?

Давайте еще раз обратимся к фактам и документам.

2

Итак, перед следователем прокуратуры на столе лежат три документа: объяснение и заявление, написанные в милиции, и протокол допроса, только что собственноручно заполненный Чебышевой. И все.

Заявление в милицию написано человеком, охваченным глубоким душевным волнением: буквы угловаты, разорваны, перо плохо поддается руке. Протокол – образец каллиграфии: нет тревог, нет волнений, нет забот. Такие метаморфозы за полчаса с человеком просто не могут произойти, и это подтвердит любой графолог. Но отметем и эти сомнения.

Вспомните, в объяснительной записке в милиции в восемь утра Чебышева писала: «... вечером я гуляла с собакой». В 9-00 в протоколе допроса она уже напишет: «... поздно вечером». Мелочь. Деталь. Но в профессиональной криминалистике события не измеряются временем суток, она верит только часам и минутам. Почему же это уточнение не заинтересовало следователя по особо важным делам? Почему он хотя бы из любопытства не выяснил, когда началось событие: «вечером», «поздно вечером» или «в полночь», как будет утверждать Чебышева потом, спустя два месяца? А это существенная разница. Если «вечером» и «поздно вечером» любители-собаководы еще выводят своих питомцев на прогулку, то «в полночь» этого никто из них не делает. Разве только в редких и крайних случаях: например, если нужно встретиться с человеком, которому не очень доверяешь. Козловский к таким не относился.

Хочется надеяться, что эти сомнения – результат элементарного непрофессионализма Петухова, и это область компетенции его аттестационной комиссии. В противном случае это выглядит как сговор: Чебышевы еще не знали точного времени, на которое у Козловского нет алиби, отсюда и расплывчатость формулировок.

Погодите! Но ведь у Андрея уже была магнитофонная запись, где это время точно обозначено (с нуля до двух часов ночи 14 июня). Значит, и запись эта была сделана не в ночь с 15-го

на 16 июня, а значительно позже? Тогда становится понятным, почему и протокол выемки магнитофонной записи, и протокол ее прослушивания и расшифровки датированы не 16 июня, а пятьдесят девять дней спустя, 13 августа.

Нет, что-то здесь не то! Либо у нас в городе в результате революционной капитализации окончательно перевелись профессионалы во всех областях, либо эйфория безграничной свободы окончательно подавила в них инстинкт самосохранения. Третьего не дано.

И все же, вернемся к сравнению документов, которым, бесспорно, в этот момент и должен заниматься Петухов.

Как вы помните, в своем милицейском объяснении (в восемь часов утра) Людмила точно и недвусмысленно указала: «... он меня не бил». Почему? Да потому, что Чебышевой нечего было предъявить майору Кириченко. Не было на ее теле ни одного синяка и ни одной ссадины. В противном случае она не преминула бы ему показать и документально зафиксировать даже микроскопическую травму: как-никак, а после посещения ванны это было бы единственное достоверное доказательство насилия. Но она твердо и уверенно пишет: «... он меня не бил».

Значит, у Чебышева ой какие непростые отношения с его бывшими коллегами. И значит, майор Кириченко не пошел бы на подлог. А значит, Чебышева просто в силу обстоятельств вынуждена была написать: «... он меня не бил».

А спустя всего один час в кабинете у Петухова абсолютно каллиграфическим почерком Людмила напишет: «... Утром 14 июня ко мне приехал Базаров и... увидел, что я вся в синяках и ссадинах».

Господи помилуй! Это уже что-то из области запредельного! Только что человек уверял, что его не били, сел в машину, добрался до прокуратуры всего за 15 минут и явился туда весь в ссадинах и синяках!

Ну, что ж, «есть многое на свете, друг Горацио...». Допустим, что и это возможно. Но неужели следователь, да еще по особо важным делам, не смог отличить свежую гематому от синяка трехдневной давности? Ведь били-то Людмилу только что, в машине. Или не били? Или он вообще не видел в этот день Людмилу, а заполненный дома протокол привез сам Чебышев? Если Петухова в тот день обуревали такие же сомнения, как и меня, а они не могли оставить его равнодушным, то он

просто обязан был привлечь Чебышеву к ответственности за лжесвидетельство и за попытку ввести следствие в заблуждение. Но нервы у Владимира Алексеевича оказались покрепче моих, а поэтому он довел возбуждение уголовного дела до логического конца. Возможно, для того, чтобы весомее уличить майора налоговой полиции. И уличил!

В адрес третьего отдела милиции Петухов отправил два письменных поручения.

Во-первых, он обязал начальника ОМ-3 задержать Козловского, который – цитирую: «скрылся с места жительства в неизвестном направлении на машине, подлежащей осмотру».

При этом, я по сей день не могу взять в толк: откуда Петухову поступила информация, что Козловский бежал? Никто ни из милиции, ни из прокуратуры дома у него не был, родных и соседей не опрашивал; Чебышев расстался с Сергеем всего семь часов назад, ан нет! – «скрылся». Вот это и есть истинный профессионализм: на семь аршин под землю видит!

И, во-вторых, поручил Петухов организовать обыск места преступления, то есть машины Козловского, в которой и было совершено изнасилование. Цитирую: «с целью обнаружения и изъятия пуговиц, чехла заднего сидения и иных следов».

Правда, милиция все перепутала и осмотрела не место преступления (машину), а место происшествия (территорию гаражей). Но в этом виноват, надо полагать, старший лейтенант Красуля, который еще не очень научился отличать место преступления от места происшествия. Но не то удивительно, что перепутали, а то, что – нашли! И пуговицы нашли! И обрывки халата нашли! И в 17-30 того же дня 16 июня Петухов знал, что в его руках важнейшие улики преступления. Улики против Чебышева!

Давайте процитируем еще раз милицейские объяснения Чебышевой. Помните, она написала: «... он меня догнал и запихнул в машину. Он разорвал на мне одежду и изнасиловал».

А вот протокол допроса в прокуратуре: «... стал рвать на мне платье... и совершил половой акт в машине».

Да и сам Петухов недвусмысленно поручал обыскать машину, чтобы изъять из нее пуговицы и «иные следы». А эти «иные следы», как и пуговицы, почему-то оказались не в машине, а рядом, на месте происшествия.

Если смоделировать эту ситуацию, то выглядеть она будет

весьма забавно. Представьте: Сергей порвал платье, совершил преступление, а затем, в присутствии Людмилы, аккуратненько вымел салон машины. А может быть, вымела она сама? Нет, так не очень забавно. Тогда иначе: Сергей порвал платье, совершил преступление, отвез Людмилу домой, до утра простоял под ее окнами, а утром вернулся на место происшествия и точнехонько в том же месте вымел салон машины...

Абсурдному предела нет. Но главное то, что этот абсурд перестает нас удивлять, еще реже он заставляет нас негодовать. Мы отупели, мы стали бесчувственными, мы перестали называть подлость – подлостью, гнусность – гнусностью. Мы смирились с мирским злом и ищем ему какие-нибудь округлые определения, как это сделал, например, суд, записав в своем решении: «неизвестно как пуговицы и обрывки ткани оказались на месте происшествия...»

Полноте, господа судьи, неужто так-таки и неизвестно? Козловский их там оставить не мог. Милиционеру Красуле они до лампочки. Петухов их в тот день в глаза не видел. Да и доступ к этой одежде был только у Чебышева и Чебышевой.

Вот тут бы и остановиться Петухову. Вот тут бы и отмежеваться от этой грязной истории. Тем более, что уже на следующий день, 17 июня, к нему поступили результаты судебно-медицинской экспертизы Чебышевой, в которых записаны черным по белому два взаимоисключающих утверждения.

Во-первых, со слов потерпевшей, эксперт отметил, что «Козловский ее не бил».

И, во-вторых, «установлены повреждения – кровоподтеки в области верхних и нижних конечностей, причиненные ударным воздействием тупого твердого предмета...»

А в переводе на русский язык это и называется «били». Да еще и палкой. Но не Козловский, раз уж на этом там настаивает сама Чебышева.

Так кто же бил Людмилу? То, что не Сергей, это уже ясно. У детектива Красули своих дел выше крыши. Петухов занимается только особо важными делами, к каковым лупцевание палкой не относится. Остается только сам Чебышев. Либо Чебышева – унтер-офицерская вдова, которая сама себя высекла.

И таких нескладушек в уголовном деле великое множество. Чего стоит одна только эпопея с биологической экспертизой!

У судебного медэксперта А. А. Гайдаренко 17 июня

Чебышева заявила, что после изнасилования она позавчера, то есть 15 июня, обращалась во вторую горбольницу, где была осмотрена и у нее были взяты мазки. Эти слова и зафиксированы в заключении эксперта № 607. Поэтому-то ее и не отправили в этот же день на повторную биологическую экспертизу.

В связи с этим позволю себе два небольших отступления.

Во-первых, если верить Чебышевой, что она была во второй горбольнице 15 июня, то возникает вопрос: почему в уголовном деле отсутствуют следы этого посещения? В нем нет ни справок, ни заключений врачей, ни результатов лабораторных экспертиз больницы.

Во-вторых, как вы помните, 15 июня Чебышев еще не собирался обращаться в милицию, он хотел найти Козловского, понять его и простить. И хотел он этого до двух часов ночи 16 июня.

Это что же получается? Муж носится по городу, как угорелый, ищет Козловского, а жена собирает справки для суда? А ведь Людмила – жена послушная: без совета мужа даже дорогу не переходит, чтобы попасть в райотдел.

Но это так, к слову. Главная интрига заключается в другом.

По утверждению Чебышевой, в больнице она была 15 июня. Мазки у нее взяли 15 июня. И если даже в больнице не сделали анализ мазков, то опечатать предметные стекла должны были в этот же день. А значит, на пакете должна стоять дата «15 июня». Между тем у Петухова в сейфе почему-то оказался пакет с датой «16 июня». И постановление на проведение биологической экспертизы он тоже выписал 16 июня.

Может быть, Чебышева ошиблась? Со временем у нее вообще проблемы. Ведь уже известно, что в ее представлении «вечер», «поздний вечер» и «полночь» это почти одно и то же. Нет, не могу допустить. Только душевнобольной человек может перепутать «вчера» и «позавчера».

Так кто же тогда брал мазки и опечатывал предметные стекла 16 июня? Может быть, сам Петухов? Ведь это лично он доставил пакет со стеклами на биологическую экспертизу спустя (!) две недели. И это отражено в заключении эксперта № 483, где так и написано: «постановление (от 16 июня 1997г.) и вещественные доказательства доставлены следователем 30 июня 1997г.».

Если наша прокуратура и в дальнейшем будет с такой же оперативностью закреплять улики и проводить неотложные следственные действия по горячим следам, то, право, нам не нужно рассчитывать на ее помощь в установлении законности и порядка. Авторитетные люди на своих «разборках» делают это гораздо быстрее и объективнее. Может быть, поэтому майор Чебышев и не обратился к ним, так как по опыту знал, что на «подлянку» они не пойдут. Себе дорожке.

На этом, собственно, можно и прекратить раскопки мелочей и деталей. Право слово, неинтересно! Тем более, что и Петухов уже на следующий день, то есть с 17 июня, потерял к этому делу всякий интерес. И документы не отражают ни одного его телодвижения вплоть до 5 августа, когда Козловский... самолично (без повесток и приглашений) явился в прокуратуру, чтобы выяснить, какую, по терминологии Чебышева, «подлянку» делают ему его лучшие друзья. Явился не сам, а с адвокатом и тем самым подписал себе приговор: документы, которые увидел адвокат, автоматически становятся официальными. С этой минуты Петухов просто обязан довести дело до обвинительного заключения и суда. А ведь он этого не хотел.

51 день Владимир Алексеевич Петухов держал уже открытое уголовное дело в наглухо закрытом сейфе.

51 день следователь по особо важным делам не проводил ни одного следственного действия в связи с этим делом.

51 день он даже не намекал начальнику третьего отдела милиции, что поручение прокуратуры о задержании Козловского не выполняется.

51 день, зная, что Козловский в бегах, Петухов не объявлял его в федеральный розыск.

Что это? Служебная халатность? Непрофессионализм? Хотелось бы думать, что так... Хотелось бы. Но после наглой явки в прокуратуру Козловского, да еще и без повинной, Владимир Алексеевич доказал, что работать он любит и умеет. И то, что было потеряно за 51 день, он с лихвой наверстал за 43, и уже к 16 сентября было готово обвинительное заключение, и уголовное дело закрыто. И все это было сколочено настолько профессионально, что суду потребовалось более двух лет для того, чтобы в нем разобраться и прийти к определенному решению.

Первый приговор суда вы уже знаете: Козловский был

признан виновным и приговорен к трем годам лишения свободы условно с испытательным сроком два года.

Мягкость приговора судьи Е. К. Турзаевой свидетельствует о том, что доводы следователя и обвинителя ее не убедили, а переступить через свои нравственные принципы она не смогла. И это радует. Значит, в этом кровавом хаосе зла нарождающегося капитализма еще остались люди, для которых по-прежнему незыблемы понятия: совесть, совестливость, стыд, честность, честь, достоинство. Значит, в миру, хоть для кого-то, но остаются ориентирами Божеские заповеди, в том числе и «не послушествуй на друга твоего свидетельства ложна». Но и вынести оправдательный приговор она не могла. И эта слабость прощительна. Страх – весомый аргумент в нашем городе.

И вот здесь, честное слово, я порадовался за Козловского, который смог подавить в себе этот страх и решил всем рассказать правду. Ту самую правду, которую он тщательно скрывал полгода, и даже сидя в тюрьме, и от суда, и от следствия.

Наступил момент Истины.

3

Но рассказать правду Козловский решился лишь после того, как отсидел сто двадцать дней в камере следственного изолятора, а затем получил условный срок наказания и, наконец, убедился, что вполне реально этот срок может стать безусловным, да еще и длительным. Кассационные жалобы и протесты Чебышевой и ее адвоката возымели действие, и к середине 1998 года судебная коллегия по уголовным делам Ростовского областного суда отменила приговор суда первой инстанции. Назревало новое разбирательство. И то, что без вновь открывшихся обстоятельств, фактов и доказательств это разбирательство будет не в его пользу, Сергей знал точно.

Еще 11 августа предыдущего года Козловский ни при каких условиях не собирался вмешивать в это дело своего «лучшего друга» Чебышева. И на прощупывающий вопрос следователя – «Как вы считаете, муж участвует в вашем оговоре?» – он отвечал очень определенно: «Думаю, что нет. Это она обманула его, а он ей поверил...»

Теперь ситуация изменилась: не раскрыть мотивы оговора

– значит собственноручно усадить себя в тюрьму. Выбирать не приходилось. А значит, не из любви к заповеди «Не лжесвидетельствуй» решился пооткровенничать Козловский. Подтолкнул его к этому сам Чебышев. Ну, и, конечно, Петухов.

В адрес Верховного суда и Генерального прокурора полетели заявления супругов Козловских, из которых следовало, что в ночь с 15-го на 16 июня 1997 года (то есть за десять часов до возбуждения пресловутого уголовного дела), с диктофоном в кармане, Чебышев явился к Козловскому вовсе не для выяснения обстоятельств изнасилования своей жены, а для того, чтобы потребовать у Сергея... 200 млн. рублей (по курсу того времени 33 тыс. долларов). И не в качестве отступного за изнасилование, а просто так...

Теперь необходимо было хоть как-то мотивировать и это вымогательство. Ведь не каждый же день являются к нам лучшие друзья, чтобы потребовать у нас «просто так», за здорово живешь, двести миллионов? Открыв первую карту, Козловский был вынужден открывать и вторую.

В целом же, на основе заявлений супругов Козловских вырисовывалась следующая картина.

Оказывается, майор налоговой полиции А. А. Чебышев уже давно и успешно занимался незаконной предпринимательской деятельностью, что ему строго запрещено делать по закону. Вместе с директором индивидуально-частного предприятия «Новый стиль» О. Н. Боженко и ее сотрудниками В. В. Курмановой, А. М. Столбецким, О. Г. Трикопа и Ю. Б. Иваненко (да-да, теми самими, которые потом свидетельствовали против Козловского) Чебышев доставлял из Осетии, хранил и реализовывал оптом и в розницу нелегальную водку. Учитывая, что эта подпольная деятельность налогами не облагалась, прибыли были баснословными.

Однако в связи с тем, что в органах наших внутренних дел работают и честные люди, Чебышев периодически попадался. И тогда фирме приходилось идти на непредвиденные расходы. Вот и на сей раз (13 июня 1997г.) Чебышев попался в Курске, где сопровождал нелегальный груз.

Помните тайно сделанную магнитофонную запись? Так вот она начинается следующим текстом:

Чебышев: – Принеси хлеб, сейчас пожрем. Так, Сережа, давай бумажку, сейчас напишу, что надо сделать...

(Это говорит человек, который только что узнал, что Сережа изнасиловал его жену. Это говорит человек, который на последнем судебном заседании заявил: «Жене я сказал, что его убью. Взял резиновую палку и поехал». Но не будем отвлекаться, послушаем запись.)

Козловский: – Что случилось?

Чебышев: – Да «хлопнули», но вроде частично разобрались...

Вот это «хлопнули» и подтверждает, что задержание было вполне реальным. В дальнейшем это докажет и суд. А судебная коллегия по уголовным делам Ростовского областного суда так и запишет в своем определении:

«... достоверно установлено по делу, что (Чебышев), являясь работником налоговой полиции, занимался, не имея на это права, предпринимательской деятельностью, ночью 13 июня 1997 года был задержан в городе Курске с грузом водки и... фирма понесла большие убытки...»

Но не убытки фирмы волновали в тот момент майора налоговой полиции. Уж он-то лучше нас знал нравы, царящие в нашем обществе. Деньги ему были нужны для того, чтобы замазать «историю», проще говоря – дать взятку тем «честным» милиционерам, которые его задержали. И размер этой взятки, как вы помните, должен был быть немалым. К сожалению, таких денег у «лучшего друга» Козловского не оказалось. И тогда поступило встречное предложение. Предоставим слово самому Сергею.

«Я ему отказал. Тогда взамен той суммы он потребовал с меня... квартиру... и машину ВАЗ-2109. Я ему и в этом отказал. Он мне угрожал, шантажировал, говорил, что подставит меня, что посадит в тюрьму, что наймет киллера... что подбросит наркотики, оружие... а потом заявил, что я изнасиловал его жену, что она отравилась и лежит в реанимации, а заявление лежит в милиции и он меня посадит».

Но и это было только полправды. То, что Козловский пытался представить как банальный шантаж и вымогательство, в ходе судебного следствия на заседаниях, которые периодически проходили весь 1998 и 1999 годы, выяснилась картина гораздо более неприглядная и зловещая.

А началось все еще в ту пору, когда майор Чебышев по поручению налоговой полиции арендовал у своего друга

Козловского его личную квартиру для конспиративных целей (то есть для встреч налоговых полицейских с их информаторами). И с тех пор эта квартира стала именоваться офисом Чебышева.

Насколько эффективно этот офис работал на налоговую полицию, не нам судить, но уже вскоре во всех трех комнатах удобно расположились О. Н. Боженко и В. В. Курманова. Те самые, из «Нового стиля». И началась активнейшая работа по добыче и реализации нелегальной водки.

Таким образом, оплачиваемый налоговой полицией «офис» одновременно стал и «офисом» подпольной фирмы с ехидным названием «Новый стиль». А новизна этого стиля заключалась в том, что бюджет нашей городской налоговой полиции (то есть наши с вами налоги) его ловким сотрудником был превращен в «общак», из которого черпались средства удачливыми бутлегерами. Иными словами, налоговая полиция, может быть, и не ведая того, сама частично финансировала незаконную предпринимательскую деятельность О. Н. Боженко и компании.

В незабвенные советские времена от журналистов требовали, чтобы они воспитывали читателей на положительных примерах. И даже критический материал должен был заканчиваться оптимистически, например, «... да, еще есть немало недостатков, но в целом...». Думаю, что сегодня эта формула безнадежно устарела. Мало того, она вредна. И говорить надо совсем о другом.

Если Чебышевы чувствуют себя так уверенно, что не боятся вовлекать в свои «разборки» ни прокуратуру, ни суды, ни милицию, то, значит, имеют на то полное основание и, значит, они уверены, что их поймут и им помогут. И таких Чебышевых можно называть как угодно – «ложкой дегтя», «паршивой овцой», «метастазой» – важно другое: они – свидетельство того, что в целом болен весь правоохранительный организм нашего государства. И само государство.

Когда наш первый президент заявил: «Разрешено все, что не запрещено», не многие поняли, о чем идет речь, а те, кто понял, взял на вооружение только первую часть лозунга. И разделился народ не по классам и расам, а по отношению к собственности. И появились те, кому есть что воровать, те, кому нечего воровать, и те, кто воровать не станет ни при каких условиях. Последних, конечно же, оказалось меньшинство. И

было бы идеально, если бы вот эти, последние, и оказались все на службе в правоохранительных органах. Но не случилось. И боюсь, что уже не случится.

За десять лет многое изменилось в России. Изменилось и в правоохранительных органах. На место уходящих на пенсию приходят новые кадры. Приходит и в милицию свежий молодец. И все чаще и чаще можно встретить блюстителей порядка, увешанных, как боевыми наградами, золотыми цепями. И даже личные жетоны они носят из чистого золота. Да и в высшую школу милиции сегодня принимают не тех, кто честен и бескорыстен, а тех, у кого есть большие деньги на оплату учебы. Кого мы получим после выпускных экзаменов, нетрудно догадаться.

Чебышевы тиражируются, размножаются делением, как инфузории, и становятся грудью на защиту теневого и криминального бизнеса. Их алчность уже нельзя оправдать неизбежными «шалостями» в процессе первичного накопления капитала. Сегодня само их существование угрожает не только экономике, но уже и безопасности России.

Конечно, не может не радовать заявление нового президента, что отныне в России будет только одна диктатура – закона. Но ведь этот самый закон не помешал посадить в тюрьму, а затем и на скамью подсудимых Козловского? И тратились деньги налогоплательщиков и на содержание обвиняемого, и на следственные действия прокуратуры, и на десять заседаний суда. Вертелась огромная дорогостоящая машина и только ради того, чтобы в конечном итоге вынести оправдательный приговор.

Не было изнасилования. И не могло быть. И следователь Петухов понял бы это сразу, еще 16 июня 1997 года, если бы внимательно прочел милицмейское объяснение Чебышевой. А там все сказано:

«13 июня, вечером, я гуляла с собакой...»

С собакой! Неужели этот факт не заинтересовал Петухова? Неужели он сразу не мог привлечь на помощь эксперта? А суд привлек. И вот его заключение.

«Собака Чебышевых относится к разряду служебно-розыскных. Однако в последнее время их не используют на этой работе из-за их злобности и агрессивности. Реагирует на команду «фас» и на любое движение хозяев. Оставить свою хозяйку без защиты не могла».

На сей раз у Чебышевых что-то не сложилось. Привычная

схема расправы с негодными дала сбой. И он был удивлен и разочарован. Суд оказался непокорным. То, что не удалось в полной мере достигнуть судье Е. К. Турзаевой, блестяще исполнила судья Л. Ф. Устинова. В ходе судебного следствия она не только последовательно разгромила всю доказательную базу Петухова, но и выяснила истинную причину конфликта и роль каждого из его участников. На этом можно было бы поставить точку. И все же какое-то смутное беспокойство продолжает меня тревожить.

Может показаться, что во всей этой истории Козловский – сторона пострадавшая, что на его долю выпала роль Авеля, погибшего от руки своего завистливого брата Каина. Так ли это?

Судом доказано, что Сергей на равных участвовал во всей этой водочной афере, где должностные обязанности каждого были строго распределены.

Козловский добывал и доставлял «тухлую» водку. Чебышев обеспечивал охрану и защиту от закона. А Боженко занималась хранением и реализацией. И все шло у них гладко не один год. Но ведь когда-то начал зарождаться конфликт?

Почему после задержания в Курске Чебышев обратился за помощью именно к Козловскому, а не к Боженко? Почему на скамье подсудимых оказался он, а не она?

Логика Чебышева понять можно: если доходы делили на троих, то и убытки должны были разделить по-братски. Ан не получилось. Козловский отказался участвовать в этом разорительном дележе. Мало того, он считал, что все расходы должны лечь на плечи Боженко. Она умыкнула у него последнюю партию водки. Она обжулила Чебышева на его долю в 50 тысяч долларов. И так далее, и тому подобное.

В конечном итоге получалось, что на всех сотрудниках фирмы «Новый стиль» и на их руководящем триумvirате уже негде ставить каиновы печати. Там, где начинаются большие деньги, нет и не может быть друзей, соратников, сослуживцев, товарищей, там растворяются сочувствие, совесть, стыд, честь. Ведь не зря же сказано еще две тысячи лет назад, что нельзя одновременно служить и Богу и мамоне. Мамона – это богатство. И там, где оно начинается, заканчивается благотворное и сдерживающее действие десяти заповедей. А тем более, если это богатство несправедливое. И превращаются люди в пауков в банке и жрут друг друга нещаднейшим образом.

С этим можно было бы мириться, если бы они поедали только друг друга, но беда в том, что они вовлекают в свое пиршество и правоохранительные органы. И превращается Закон в дубину, а Уголовный и Процессуальный кодексы в полигон, на котором уничтожаются конкуренты и «недобросовестные» партнеры. Яд мамоны повязывает всех круговой порукой. И не скоро этому придет конец. Если вообще придет. Скорее есть повод полагать, что от нравственного обескровливания придет конец России. Потому что выводов из этой невидимой, но разрушительной гражданской войны никто не делает.

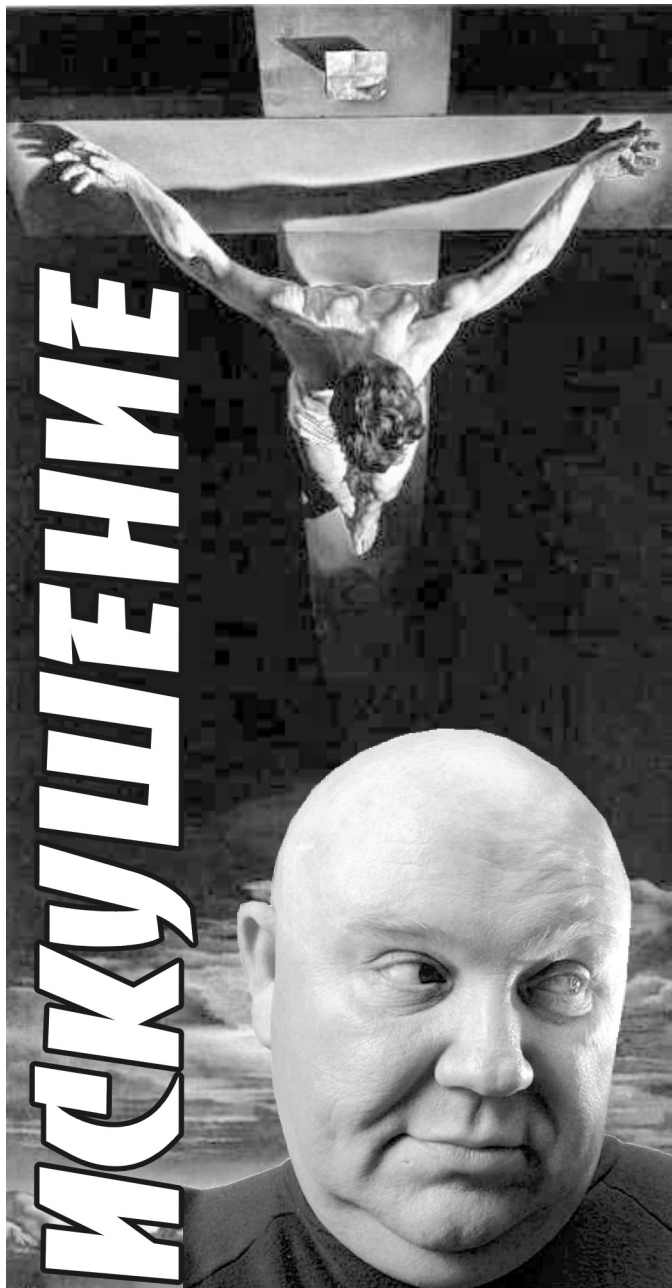
Прошло полгода с тех пор, как приговор суда первой инстанции под председательством судьи Л. Ф. Устиновой вступил в законную силу. И все это время я ждал, какой же резонанс вызовет у нас в городе это скандальное дело. Но все шло по заведенному еще в советские времена порядку.

Козловский бесконечно рад, что наконец-то отмылся от вылитого на него ушата помоев, и привлечь к ответственности лжесвидетелей и клеветников-каинов не собирается.

Прокуратура в порядке надзора не опротестовала решение суда, а значит, тоже смирилась с поражением своего следователя по особо важным делам.

Чебышев из налоговой полиции уволился по собственному желанию. Получил блестящую характеристику и теперь работает заместителем прокурора Зимовниковского района Ростовской области. Уверен, что соблюдение законности в этом районе теперь на должной высоте.

Все прекрасно!

Когда защитником Вани назначили Ольгу Сидоровну, Анна Петровна восприняла это как плохое предзнаменование. Какая женщина, даже если она и адвокат, станет самоотверженно защищать насильника? Эмоционально она все равно займет сторону потерпевшей. И Анна Петровна не ошиблась в своих предчувствиях.

Ольга Сидоровна побывала в тюрьме у Вани, побеседовала с ним, приняла участие в допросе следователя прокуратуры, но так и не приняла никаких решительных мер, позволяющих надеяться на успех в суде. Да и Анне Петровне без тени сочувствия она рассказала, что состояние ее сына угнетенное, что он во всем сознался, написал явку с повинной, глубоко раскаивается и просит передать потерпевшей Марине его искренние извинения. Есть ли какая-нибудь надежда на смягчение приговора? Трудно сказать. Хотя если родители Марины заберут свое заявление, то дело могут и прекратить. Но в таких случаях потерпевшие редко отказываются от своих показаний: если уж решились заявить, то идут до конца. Но попробовать можно...

И уже тогда Анна Петровна решила, что действовать нужно двумя путями: во-первых, просить, умолять, унижаться, отдать все, что у нее есть, но добиться благосклонности родителей Марины; и, во-вторых, нужно срочно нанимать хорошего адвоката.

Вот Ольга Сидоровна говорит, что на допросе у следователя Ваня рассказывал, как он заступался за Марину, когда Сашка Бондарь ее избивал. И потом, когда Сашка начал ее насиловать, он снова старался этому помешать. Разве это не смягчающие вину обстоятельства? Разве хороший адвокат не смог бы использовать это для защиты? Да и инициатива в изнасиловании была вовсе не Ванина, а Сашки Бондаря. Это он во всем виноват. А мой дурак, как коза на веревочке, пошел за ним. Теперь Бондарь в бегах, а мой парится за решеткой. И Марина, конечно же, все это подтвердит. Обязательно подтвердит. И хороший адвокат мог бы спасти Ваню.

На следующий день после встречи с Ольгой Сидоровной Анна Петровна понесла Ване в тюрьму передачу. В спичечный коробок она заложила записку:

«Ваня, сыночек, здравствуй! Если будет у тебя очная ставка с потерпевшей, проси у нее прощения, проси, умоляй! Я сегодня

пойду к ее отцу и буду разговаривать с ним, буду уговаривать пожалеть тебя. Ваня, мы будем нанимать хорошего адвоката, а ты, Ванечка, мужайся. У тебя еще все будет хорошо. Целую тебя, дорогой мой. Мама».

Возвратившись из тюрьмы домой, Анна Петровна долго не могла прийти в себя. Этот дом страданий раздавил ее, кажется, не только морально, но и физически.

Контрольно-пропускной пункт, кнопка звонка входной двери, жадное чавканье автоматического замка, бесстрастные лица охраны с дубинками, их пустые глаза, смотрящие сквозь посетителя, бесконечно длинный коридор с низким, давящим на голову потолком, скамейки вдоль стен, а на этих скамейках множество таких же растерянных и испуганных родственников, как и она. И не у кого узнать, выяснить. И только теперь она поняла, что вся ее дальнейшая жизнь станет сплошным ожиданием. Она будет ждать разрешений на передачу, ждать встречи с адвокатом, ждать допросов, ждать суда, ждать свиданий, ждать писем... Ждать, ждать, ждать. За все последующие годы ее душа превратится в вокзал, на который по неизвестному ей расписанию судьбы будут прибывать и убывать поезда, где будут сновать чужие пассажиры, где будет все постоянно меняться и только она, окаменевшая, будет стоять на месте и ждать...

Она плакала всю ночь и думала о том, как глупо и нескладно все получилось. Когда Ваня ей все рассказал, она испугалась и не знала, что делать. Побежала к родителям Бондаря и Клопова, с которыми Ваня изнасиловал девочку, и там узнала, что и Сашка, и Андрей еще вчера сбежали из Таганрога. Вот здесь и сработало стадное чувство. Если сбежали дружки, то значит, нужно бежать и Ване. И отправила она его к дальним родственникам в Пельгору, в Ленинградскую область. Думала – далеко, не найдут. Но только зачем? Неужели Ваня вот так бы всю жизнь и скрывался от федерального розыска? Неужели она сама, своими руками, готовила ему судьбу Сашки и Андрея, которые теперь, как волки, будут до старости шарахаться от красных флажков закона?

А как теперь жить ей? Как объяснить дочери, сестре Вани, что ее брат насильник? Как переживет это известие бабушка? Как смотреть в глаза соседям?

Ах, не бежать, не бежать надо было Ване, а падать на колени и на коленях ползти к родственникам Марины, каяться, рыдать, просить прощения и решать дело миром. Ну, а если

бы уж не получилось, то тогда пойти и сдать, и надеяться на милость Божью.

С этими мыслями Анна Петровна провела не одну ночь до того самого дня, когда ей предстояла встреча с новым и, как она думала, хорошим адвокатом.

Сергей Александрович был деловит, сосредоточен и всем своим видом внушал уверенность в том, что нет проигрышных уголовных дел, а есть плохие защитники. Он бросил обнадеживающий взгляд на Анну Петровну, лучезарно ей улыбнулся и начал разговор тем доверительным тоном, которым обычно опытные врачи беседуют с капризными пациентами.

– Ну те-с, рассказывайте, чем я могу вам помочь?

– Спасите, Сергей Александрович, – сразу же взмолилась Анна Петровна, – глупый он у меня. Дружки подбили. Если бы не этот Сашка, разве бы он удумал такое? Насиловать... Да еще и грабить...

Адвокат слушал внимательно, не перебивал, пристально и с сочувствием глядя в глаза Анне Петровне, и это ее успокаивало.

– Ваня очень тихий и стеснительный мальчик, – уже не торопясь продолжила она. – Еще когда он в школу ходил, его классный руководитель говорила, что он вообще незаметный. Общался Ваня только с мальчиками. К девочкам интереса не проявлял. Он до сих пор спит в одной комнате с сестрой и никаких глупостей не допускал никогда. Никаких сексуальных наклонностей...

Сергей Александрович понимающе улыбнулся и, подбадривая Анну Петровну, похлопал ее по руке.

– Ну-ну! Не расстраивайтесь. А как у него обстояли дела со спиртным? Выпивал?

– Что вы?! – всполошилась Анна Петровна. – Он даже не курил дома. Правда, по праздникам выпивал с ребятами, но никогда сильно не напивался...

– А вот у милиции другие сведения, – охладил ее адвокат. – Лейтенант Колтунов в своем рапорте пишет:

«Чесноков теряет контроль над собой после спиртного. Из-за этого довольно часто попадал в неприятные истории...»

– Да вы не пугайтесь, – поднял глаза от бумаг Сергей Александрович, – я это к тому говорю, что мне вы не просто

должны, а обязаны говорить правду. Всю правду. Если на суде вдруг откроются эти «неприятные истории», то я должен знать, как на это реагировать. Правду, Анна Петровна, мне – только правду. Как, по-вашему, виноват Ваня в изнасиловании и грабеже или не виноват?

– Ой, виноват, Сергей Александрович! – сокрушенно выдохнула Анна Петровна. – Так виноват, что не знаем, как и прощение вымолить у людей...

– Кто вам внушил эту глупость? – вдруг резко и жестко прервал ее адвокат. И Анна Петровна, не ожидавшая такого абсурдного вопроса, сразу же растерялась. Теперь перед ней сидел совсем другой Сергей Александрович. Мягкость, внимательность и предупредительность исчезли, как мираж, а из-за зловеще поблескивающих стекол очков на нее смотрели злые и решительные глаза. Казалось, что адвокат в своем напоре сейчас выскочит из собственной кожи, так натянулась она у него на лице, разгладив все добрые и безвольные морщинки.

– Так ведь Ваня сам во всем мне признался и Ольга Сидоровна говорила...

– Правильно, – язвительно продолжил ее мысль Сергей Александрович, – и следователю показания дал, и явку с повинной подписал. Только я-то вам теперь зачем нужен?

– Чтобы, значит, защищать... – окончательно упала духом Анна Петровна.

– Я идиотов не защищаю, – потеряв всякий интерес к собеседнице, отстраненно буркнул Сергей Александрович, и как бы рассуждая сам с собой, стал досадовать: – Это надо же! Стопроцентно выигрышное дело: соучастников преступления нет – все в бегах, свидетелей нет, вещественных доказательств нет, потерпевшая – и та ухитрилась после изнасилования девушкой остаться. Так был ли мальчик?

– Какой мальчик? – растерянно спросила Анна Петровна.

– Да ладно! – отмахнулся адвокат. – Классик один так сказал. Фразеология. Не обращайтесь внимания. Нет ничего у следователя. Понимаете? Ни-че-го! А значит, и суд может просто не состояться.

Анна Петровна не ожидала такого решительного, такого крутого поворота событий. Она надеялась, что защитник будет расспрашивать ее о жизни Вани, будет искать всякие черточки и детали, характеризующие его с лучшей стороны,

найдет смягчающие вину обстоятельства, поможет уговорить родителей потерпевшей. В общем, станет тем самым другом, на которого можно опереться в беде. Однако то, что предлагал Сергей Александрович, пугало своей масштабностью и противоестественностью. Оно грозило превратить ее большую, но все-таки личную беду в какой-то вселенский катаклизм, когда все перевернется с ног на голову, когда солнце будет светить ночью, а луна – днем, когда белое станет черным, а горячее – льдом. И она чувствовала, что в этом вулкане лжи кто-то обязательно сгорит, и этими «кто-то» могут вполне определенно оказаться и она, и Ваня. И все же неожиданность решения адвоката манила и притягивала своей убедительностью и совершенством. И простотой. Ведь это так естественно: солгал – и навсегда преградил путь беде. И не нужно ничего объяснять дочке. Не нужно ничего говорить бабушке. И соседи поймут: в милиции тоже люди, и тоже ошибаются. А может быть, и действительно не было ничего...

– Но ведь Ваня во всем признался... – в последней надежде на несостоятельность предложения адвоката подсказала Анна Петровна.

– Заставили! – сказал как обрубил Сергей Александрович.
– Били. Пугали. Пытали.

– А Марина?

– Ночь! В темноте все кошки серые. Перепутала.

– Так свидетели есть...

– Какие?

– Ну, эти... Шевцова и Дыряев...

– Дыряев – свидетель знакомства. И еще – он свидетель, что девушек провожали домой. А потом он ушел и ни изнасилования, ни ограбления он не видел.

– А Шевцова?

– Еще проще. Во-первых, она – лицо заинтересованное: как-никак подруга пострадала. А во-вторых, она видела не больше, чем Дыряев: да, познакомились, да, провожали. Вот и все. А потом она домой убежала. Бросила подругу. Вот теперь свою вину и заглаживает.

– Значит, нет никого? – переступив через сомнения и уже внутренне ликуя, спросила Анна Петровна.

– Я вам это и внушаю вот уже битых полчаса. Теперь вы видите, что мне не от суда вас нужно защищать, а от самих себя?

А это уже, простите, не мой профиль. Вам, милая моя, вместе с сыном психиатр нужен, а не адвокат.

– Помогите! – уже с каким-то облегчением зарыдала Анна Петровна. – Подскажите, что делать?

– Отрицать! – решительно заявил защитник. – Все отрицать.

В этот же вечер Анна Петровна села писать записку сыну. Ложь все еще пугала ее. Она понимала, что, ступив на этот путь, она, быть может, навсегда лишит и себя, и сына возможности исповедью и покаянием добиться прощения и очищения от греха. Но искуститель адвокат был так обаятелен, так прост и убедителен в своих доказательствах, что не верить ему Анна Петровна уже просто не могла. Она чувствовала, что в ней что-то сломалось и она становится другим человеком. Если раньше ее страдания, какими бы тяжелыми они ни были, все же приносили ей какое-то просветление, то теперь все ее естество заполнялось чем-то темным, тяжелым и липким. Она взяла ручку и, не чувствуя пальцев, написала:

«Ваня, здравствуй! Запомни все, что я тебе напишу. Сейчас твоя жизнь зависит только от тебя. Если в чем-то сознался – не беда. С сегодняшнего дня начинай все отрицать: не насиловал, не грабил. Как сказал адвокат, улики нет, доказательств нет, свидетелей тоже нет. Вот и стой на своем. Да, с ребятами вместе был, да, выпивал, а в полночь ушел домой, и в час ночи уже был дома. Стой только на этом. Если в чем признаешься, то сам подпишешь себе приговор.

Ты, Ваня, сейчас всего лишь подозреваемый и без твоих признаний тебя не осудят. Только ты сам можешь спасти себя. Пусть тебя бьют, пытаются – не признавайся. И то, в чем признался раньше, отрицай: запугали, заставили, писал под диктовку. Если на очной ставке Марина будет настаивать на своем, то ты тоже стой на своем: не насиловал, не грабил и вообще там не был, из города не убегал, а уехал заработать перед армией денег. Если она будет показывать на тебя, то ты скажи, что она все перепутала. Все вали на ребят, а их в городе нет...»

Анна Петровна прочла все написанное и задумалась. За открытым окном нагло и насмешливо трещали сверчки. Они как будто подначивали ее и по-своему убеждали в тщетности ее попыток. Да и она сама чувствовала, что не написала Ване

чего-то самого главного, самого весомого, чего-то такого, что почувствовала сама после встречи с Сергеем Александровичем. Она прислушалась к себе и решительно написала:

«Ваня, сейчас нужны силы нечеловеческие, чтобы выдержать все это. Человек в мире сам борется за свою жизнь. И не на кого ему надеяться. Сожмись в кулак. Стань наглым и злым. Стань хитрым, как лис. Стань волком, Ваня! Стань зверем!»

Вот теперь, кажется, все. Теперь он поймет. Теперь у него начнется другая жизнь. И в этой жизни уже не будет места тому тихому, доброму и ласковому Ванечке, каким она его помнила и знала все время. К добру ли это?

2

Тюрьма навалилась на Ваню, как болезненный бред или страшный сон, которые нельзя ни предотвратить, ни остановить. От его воли и желаний теперь уже ничего не зависело. И он почувствовал, как беспомощен, жалок и ничтожен человек, лишенный возможностей быть самим собой, принимать решения, хотеть или не хотеть, соглашаться или отказываться, выражать свои эмоции. Здесь, в одно мгновение, он стал мизерной частью чего-то огромного, бездумного и беспощадного.

С того самого момента, как машина, в которой он сидел в клетке, скованный наручниками, въехала в крытый ангар тюремных ворот, каждый его шаг стал направляться командами охранников, а он, как тряпичная кукла, передвигал ватные от страха ноги.

Заскрипела входная дверь кузова, и охранник, сидевший рядом с клеткой, открыл ее: «Выходи!». Ваня выпрыгнул из машины, и сразу же где-то рядом прозвучала команда еще одного охранника: «Вперед!». Он сделал несколько шагов. «Лицом к стене!». Рядом винтовочным затвором лягнул дверной запор. «Проходи!». Ваня шагнул в проем и оказался в длинном узком коридоре, в котором едва могли разминуться два человека. На фоне темно-зеленых стен этой щели камуфляжная форма охранников растворилась, и они стали единым целым с этим входом в чистилище. «Вперед!». Ваня слегка замешкался и сразу же натолкнулся спиной на жесткий конец дубинки охранника, следовавшего сзади. Он не ощутил никакой боли, но сразу

же почувствовал, понял, что именно так его инородное тело вправляют и будут вправлять в этот апокалипсический организм, пока он не станет его частью и не сольется с ним, не будет окончательно переварен и выброшен на свободу.

Ваня ускорил шаги и тут же оказался в конце коридора. «Лицом к стене!». Загремел засов очередного запора. «Вперед!». «Направо!». «Лицом к стене!». И снова чавканье замка. «Входи!». Дверь захлопнулась, и он оказался в комнате, похожей на подвал. Корявая штукатурка стен, побеленных известью, лавка, окрашенная половой краской, бетонный пол, в углу параша, высоко под потолком зарешеченное окошко и никаких признаков жизни. Только запах кирзы и хлорки свидетельствовал, что где-то рядом обитают люди.

Ваня боязливо присел на лавку, и это своеволие показалось ему кощунством, достойным наказания. Он испуганно посмотрел на дверь, но она безмолвствовала. И потянулись томительно минуты, часы, а может быть вечность.

Предупредительно по-старчески дважды крякнул замок, и Ваня вскочил с лавки. Дверь открылась. «Выходи!». «Стоять!». «Лицом к стене!». И еще раз двойное кряканье. «Вперед!». «Стоять!». «Лицом к стене!». «Входи!».

Его ввели в такую же, подвального вида, комнату, но в ней уже стоял письменный стол, а слева за решетчатой перегородкой на полу был установлен огромный непонятный аппарат с круглым стеклянным верхом. Здесь его раздели догола, одежду бросили на стеклянный верх аппарата, ощупали волосы, заглянули в уши, в рот, между ногами, сняли отпечатки пальцев и ладоней, сфотографировали, заполнили какие-то формуляры. И все это проделали, не проявляя к нему, к Ване, ни малейшего интереса. Как будто это не он, живой человек, стоял сейчас перед ними, а только его тело послушно выполняло все их команды, а его отлетевшая душа металась где-то рядом и пыталась обратить на себя их внимание. Но никто и ни разу даже не заглянул ему в глаза. И эта машиноподобная отчужденность пугала еще больше.

Раньше, до тюрьмы, его водили под охраной милиционеров, и те, каждый по-своему, но выражали свое отношение к нему: кто-то злобно, кто-то насмешливо, кто-то с брезгливой надменностью, но эти живые человеческие чувства – пусть и неприятные – связывали его с миром, не позволяли духовно и

душевно умирать. Здесь все было иначе. Бесстрастные команды следовали одна за другой, и никто не ожидал его реакции на приказы. Не выполнить их было просто нельзя. Ваня сам чувствовал, что даже мысль о неподчинении будет подавлена мгновенно и беспощадно. И наказывать его эти охранники в камуфляжной форме будут так же бесстрастно, как и отдают команды, не испытывая ни ненависти, ни злобы, ни даже простой человеческой неприязни. Наказывать будут так, как рубят дрова, чистят картошку, ощипывают курицу...

Только теперь он понял, почему тюремных охранников называют вертухаями. Это, может быть, и обидное, но очень точное название их профессии. В народе вертухом называют соединительный сустав между основным костяком и подвижной костью. Так и охранник соединяет зэка с государством. Сначала движется вертух, потом кость, сначала вертухай отдает команду, потом зэк знает, как ему жить. И отныне они одно целое...

Уже в третьей цементной камере, только рассеивателями воды под потолком напоминавшей душ, Ваня почему-то вспомнил Марину, и ему показалось, что это не он, а она стоит сейчас под струями воды, что это не он, а она испытывает страх, боль, унижение, беспомощность, что это она вынуждена сейчас выполнять чьи-то безжалостные, бесстрастные и бесстыжие команды. Как в ту ночь.

«Значит, вот как оно было», – мелькнула неуместная мысль. – Значит, и она – как я сейчас!». И ему стало жалко и себя, и Марину, и маму.

В камере, в которую его потом привели, едва помещались пять двухъярусных кроватей, и только одна из них, у самой параша, была свободна. Но не убогость бытия и замкнутость мизерного пространства поразили Ваню, а абсолютная отрешенность всех обитателей этого каменного мешка. Когда он вошел, а затем присел на свободную койку, никто даже не обратил на него внимания. Кто-то лежал, кто-то сидел на кроватях, кто-то мерно вышагивал туда и обратно в узких проходах между ними, и на лицах у всех было такое сосредоточенное выражение, как будто они все вместе решали какую-то очень сложную и важную задачу, ответ на которую от них потребовали немедленно. И никто даже не спросил, как его зовут, кто он, почему он здесь.

Это тягостное самосозерцание прервало очередное

чавканье замка, и Ваня сразу отметил, как напряглись лица всех обитателей камеры, как они застыли в напряженном ожидании с немым вопросом в глазах: «Кого?»

– Чесноков! – крикнул охранник. – К следователю! И Ваня, еще не понимая почему, вдруг испытал радостное облегчение: то ли в предчувствии конца своим мытарствам, то ли от желания выговориться и избавиться от мучивших его угрызений совести, то ли просто от возможности хотя бы на время покинуть это помещение и увидеть хотя бы одного нормального человека.

На допросе у следователя прокуратуры в присутствии Ольги Сидоровны, которая представилась его адвокатом, Ваня рассказал все: как праздновали Первое мая, как в парке познакомились с двумя девушками, как пошли их провожать, как случайно втроем остались наедине с Мариной, как Бондарь спровоцировал изнасилование и как они потом ограбили ее, сняв золотые украшения.

А следователь все спрашивал и спрашивал, уточнял детали, въедливо выпытывал такие подробности, о которых при Ольге Сидоровне даже стыдно было говорить, но он настаивал, и Ваня, краснея и пряча глаза, отвечал.

В эту ночь, несмотря ни на тяжелые вздохи сокамерников, ни на постоянно горящую лампочку под потолком, Ваня впервые за последние две недели после ареста спал спокойно.

А утром новый трубный клич охранника поднял Ваню с постели: «Чесноков! К адвокату!». После вчерашних бесстыдных признаний встречаться с Ольгой Сидоровной не хотелось. Но о его желаниях здесь никто не спрашивал, и он снова, как марионетка на ниточках, двинулся по коридорам, переходам и лестницам.

Однако в комнате для допросов Ольги Сидоровны не оказалось.

– Ну, здравствуй, Ваня! – приветливо поблескивая очками, сказал сидящий за столом неизвестный мужчина. – Садись. Ой, извини! Присаживайся. А я таким тебя и представлял, – и он, взмахнув кончиком ручки, как кистью, нарисовал в воздухе несколько замысловатых линий. – Нос картошкой, чубчик-челочка, глаз с лукавинкой – типичный Иванушка-дурочок из сказки. Да ты не обижайся. Я твой новый адвокат. Мать наняла. А зовут меня Сергеем Александровичем. Времени у меня в обрез, поэтому буду краток. Признался?

-
- Признался, – облегченно выдохнул Ваня.
 - Ну вот, я же говорил – Иванушка-дурачок...

Ваня непонимающе посмотрел на Сергея Александровича и уже попытался ему что-то возразить, но тот энергично перебил его намерение.

– Ты пойми: чувство вины, угрызения совести в том месте, где ты сейчас находишься, непозволительная роскошь. А кроме того, загляни в суть событий: ведь это не ты изнасиловал, дурачок, а тебя изнасиловали, и это не ты ограбил, а тебя собираются ограбить самым нещаднейшим образом. Не веришь? Давай проанализируем, что же произошло. Вы с ребятами целый день выпивали, а уже ближе к полночи пошли в городской парк. Зачем?

– Ну, погулять... – растерянно ответил Ваня, не понимая, зачем весь этот разговор и к чему клонит Сергей Александрович.

– Ты мне голову не морочь, – со скрытой угрозой в голосе прервал его адвокат. – Кто первый сказал: «Пойдем, девочек снимем»?

- Я не помню...
- Но кто-то же предложил?
- Да...

– То-то! Вот от этой печки, Ваня, и пляши. Вы пошли искать девочек нетяжелого поведения. И искали их там, где они всегда и обитают – у входа в парк. Много их там было?

– Много...

– А теперь ответь мне, Ваня, что среди всех этих проституток делала Марина? Погоди, не отвечай. Я уточню вопрос: что в полночь среди проституток делала пятнадцатилетняя девочка из хорошей семьи? Зачем она вырядилась в золото?

– Гуляла, наверное, – неуверенно ответил Ваня.

– В пятнадцать-то лет? В полночь? Среди проституток? – Сергей Александрович весело и заразительно захохотал. – Ты, Ваня, действительно, совсем дурачок! – он снял очки и стал платком вытирать невольно наворачнувшиеся слезы. – Хорошие девочки, Ваня, у хороших родителей в это время спят и видят во сне сникерсы, а Марина на охоту вышла. И не вы, а она вас «сняла». Это во-первых. А во-вторых, вы вина ей предложили выпить?

– Предложили...

-
- И она выпила?
 - Выпила.
 - Ну вот, видишь: «хорошая девочка» из «хорошей семьи» сначала в полночь шляется среди проституток, а потом с первыми же залетными парнями уходит в темную безлюдную аллею пить вино. Так?
 - Так.
 - И как ты полагаешь: все это от наивности, детскости, хорошего воспитания?

Ваня пожал плечами и почему-то побоялся поднять глаза на адвоката. Ему казалось, что это не Марину сейчас разоблачает Сергей Александрович, а его, и ему было стыдно.

– Никто никого, Ваня, за бесплатно не угощает. И это знают все, даже Марина. Приняла угощение – плати. Да она, собственно, и была к этому готова, что я тебе уже и доказал. И в суде докажу. И не было бы никакого уголовного дела, если бы вы не тиснули у нее золотишко. Как объяснить родителям пропажу? Никому бы она ничего не сказала. Что искала, то и нашла. А вот золото все испортило... – Сергей Александрович задумался.

– Да, вот еще что, – встрепенулся адвокат, – я знаю, что вы здесь все, когда прижмет, вдруг верующими становитесь, о Боге вспоминаете, о душе, о совести, о заповедях. Нет бы помнить об этом, когда пакости творите. Ну да ладно. Я вот для тебя специально выписочку сделал из трудов святого Иоанна Златоуста, авось поможет. – Он порылся в бумагах, лежащих перед ним на столе, достал четвертушку листа и стал читать, изредка поглядывая поверх очков на Ваню:

«Причиною же всех зол то, что девство остается таковым только по названию и все ограничивается только словами; а необходимейшее и особенно отличающее девство пренебрежено, и нет у них речи ни о благопристойной одежде, ни о спокойствии, ни о сокращении, но и говорят они о всем легкомысленно, и смеются неблаговременно, и тревожатся, и предаются удовольствиям более женщин, и стараются себе усвоить бесстыдство блудниц. Хотя они и не говорят: «прииди и поваляемся в похоти», не говорят словами, но говорят видом, не произносят устами, но говорят походкою, не приглашают голосом, но яснее голоса глаза. И это – особый вид прелюбодеяния. И они совершают грех вполне, если и не через совокупление, то через зрение. Если ты хочешь быть чистою, то для чего приглашаешь проходящих? Для чего

воспламеняешь этот огонь?»

– Уяснил, Ваня? Грех Марины был прежде твоего греха. Это она вас соблазнила, а евангелист Матфей сказал: «Горе тому человеку, через которого соблазн приходит». Так что забудь об угрызениях совести. Не тебе, а ей нужно сокрушаться и совеститься.

Ваня чувствовал, что во всех этих стройных и логичных умозаключениях адвоката есть какая-то червоточина. То есть головой он принимал все и даже радовался, что его наконец-то кто-то не только не ругает, но даже оправдывает, однако сердце отказывалось вмещать эту сладкую ложь. От того, что виноватой оказалась и Марина, его вина не стала меньше. Но эта мысль уже проваливалась в какую-то бездну и только слегка тревожила.

– Но ведь изнасиловали и ограбили, – с затаенной надеждой на еще более убедительную поддержку адвоката возразил Ваня.

– С изнасилованием мы уже разобрались, – отсек надежду Сергей Александрович. – Теперь перейдем к грабежу. За сколько вы продали золото?

– За шестьсот рублей...

– Правильно. А стоит оно тысячу. А родители Марины выставили тебе счет в суд на семь тысяч. Так кто кого ограбить собирается?

Но это еще не все, Ваня. Они с тебя не только деньгами хотят взять. Их дочка, к ее собственному сожалению, цела осталась, в школу ходит, мальчикам глазки строит, а вот тебе это после суда уже не грозит. С твоей 131-й статьей тебя на зоне в первый же день «опустят», «опетушат», и это, Ваня, уже подороже семи тысяч за золотишко. Так что не ты ограбил, а тебя намерены ограбить на целую жизнь и судьбу. Теперь уяснил?

Ваня не выдержал такого натиска. Он непроизвольно сжался в комок и почувствовал, как сердце подпрыгнуло к горлу и, пометавшись там, упало в самый низ живота. В глазах потемнело от страха и подкатившей тошноты.

– Так что же делать?

– Отрицать! От прежних показаний отказаться. Заставили. Вынудили. Нет, нет и нет!

С этого дня у Вани началась его третья жизнь. Первая – оборвалась той дурацкой первомайской ночью. Вторая

– наполненная страхом и раскаянием, закончилась после встречи с Сергеем Александровичем. Теперь он жил уверенностью в своей правоте и ложью адвоката. И эта ложь становилась сутью и смыслом его жизни. Она вытеснила из него и страх замкнутого пространства тюремной камеры, и брезгливость здешними нравами, и предельную напряженность при виде охранника. Тюрьма становилась для него привычным бытом. Не очень удобным, но вполне сносным. Перестали пугать даже наказания за нарушение режима. Сначала он заработал два замечания, а потом без особых переживаний отсидел и пятнадцать суток в карцерской клетке подвала. Мальчик становился профессиональным зэком. И все эти 180 дней на всех допросах, очных ставках, знакомствах с документами экспертизы Ваня упорно повторял только одно: «Нет, нет и нет!»

Уже накануне Нового года, войдя в комнату для допросов и увидев ликующий взгляд Сергея Александровича, Ваня понял, что произошло что-то необыкновенное.

– Все! – прошептал адвокат, оглядываясь на остекленную дверь, за которой расхаживал охранник. – Считаю, что ты свободен. Я пришел к соглашению с родителями Марины, и она изменяет свои показания. Ты понимаешь? Она ошиблась. Это был не ты. Мы победили...

3

А еще через месяц Ваню вызвали из камеры и повели теми коридорами, лестницами и переходами, по которым он впервые полгода назад вошел в тюрьму. Машина. Ворота. Ухабы дорог. Два поворота. Всего пять минут, и вот уже скрипит замок дверей кузова. «Выходи!».

Суд.

Этого дня он ждал и боялся. Но никогда не думал, что судебное заседание окажется таким скучным и формальным занятием. Ему казалось, что чернилами пропах даже зал, где решалась его судьба. Скучающие бесстрастные лица, и только стекла очков Сергея Александровича с каким-то вызовом отвечивают солнечными зайчиками. Он изредка поворачивает к Ване свое лицо, улыбается, заговорщицки прикрывает веками глаза и утвердительно кивает головой: «Все хорошо! Все идет

как надо».

А судья зачитывает и зачитывает вслух листы из уголовного дела, без всякого интереса перечисляет подробности и детали изнасилования и грабежа, что-то уточняет, переспрашивает, задает вопросы, по одному вызывает в зал свидетелей, которые со скрытой тревогой односложно отвечают: «Нет», «Не знаю», «Не видел», «Не помню», «Не говорил», «Не уверен», «Не думаю»...

Апофеозом стало выступление потерпевшей, которая «вспомнила», что это вовсе не Ваня ее насиловали и грабил. «Почему не вспомнили раньше?» «Голова болела». «Обращалась ли со своими головными болями к врачу?» «Нет, не обращалась».

Адвокат потерпевшей и ее родители уже просто уверены, что это не Ваня совершил преступление, и не имеют к нему никаких претензий.

Ликование Сергея Александровича было видно даже со спины. Он излучал победное сияние. Он на глазах превращался в вальжный монумент адвокатскому искусству. Он уже в душе праздновал выигрыш процесса.

* * *

Члены суда, казалось, не вошли, а разом втиснулись в совещательную комнату. Судья бросился к графину с водой. Первый заседатель почти упал на стул. Второй заседатель заметался из угла в угол, разводя руками.

Второй заседатель: – Ну, это, знаете ли, уж к одиннадцати – туз...

Судья (отдуваясь после каждого глотка воды): – Да, перестарались адвокаты...

Первый заседатель: – Нет, то, что они превратили судебное заседание в спектакль, я понимаю, но нам-то они какие роли готовили?

Судья (не скрывая раздражения): – Статистов! Они уже все за нас сделали: и судебное следствие расписали, как по нотам, и все показания исполнили под суфлера, и потерпевшую в марионетку превратили...

(Помолчали. Судья сел за стол и, успокаивая себя, стал перелистывать уголовное дело. Присел к столу и второй заседатель).

Судья: – Так, прочь эмоции, вернемся только к фактам. Потерпевшая снимает свои обвинения и отказывается от своих

прежних показаний.

Первый: – Да, но делает это тогда, когда следствие по делу уже закончено и готово обвинительное заключение.

Судья: – Значит, вы считаете, что у нас нет оснований ей доверять?

Первый: – Никаких!

Второй: – Кстати, и ссылка на болезненное состояние, в котором давались прежние показания, более чем наивна. Болезненное состояние есть, а за медицинской помощью по этому поводу все полгода не обращалась. Абсурд.

Судья: Хорошо. А какие основания доверять ее прежним показаниям?

Второй: – Они последовательны, стройны, логичны, психологически точны, подтверждены показаниями свидетелей и актами экспертиз.

Первый (как будто вспомнив что-то): – Да, и заметьте, что на протяжении полугода на всех допросах потерпевшей, на опознании подозреваемого, на очных ставках присутствуют и отец Марины, и ее адвокат, и ни разу от них не было слышно жалоб на болезненное состояние дочки и подзащитной. Мало того, они каждый раз подтверждали ее показания своими подписями. Что еще надо?

Судья: – Согласен. Показания потерпевшей в суде в расчет не берем.

Первый (с веселой хитрецой в голосе): – Ох и дороговато, наверное, стоили эти показания...

Судья: – Не отвлекайтесь! Теперь займемся самим обвиняемым, который тоже все отрицает. Какие есть мнения?

Второй: – А давайте начнем с того, от чего с таким усердием отвлекал наше внимание адвокат Чеснокова.

Судья (заинтересованно): – То есть?

Второй: – Вспомните: когда Чесноков приехал к родственникам в Пельгору, то он сразу же им сказал, что у него «неприятности с милицией в Таганроге». Помните?

Судья: – Да, я проверял – ни в одном отделе милиции в этот период времени за Чесноковым правонарушений не значится.

Первый: – Кроме изнасилования и грабежа...

Второй: – Ну, вот вам и собственное признание.

Первый: – А если учесть еще коллективное бегство из Таганрога и отказ родителей, ссылаясь на

51-ю статью Конституции, сказать, где находятся их дети...

Судья: – Имеют право.

Первый: – Право-то имеют, но зачем уходить в отказ, если дети ни в чем не виновны?

Судья: – Каждый из этих доводов сам по себе мало что значит и может трактоваться по – разному, а вот вкупе, да еще с признательными показаниями самого Чеснокова...

Первый: – Но ведь он отказывается от своих прежних показаний.

Судья: – Чушь! Адвокатские игры. Достаточно сравнить первичные показания потерпевшей и признание обвиняемого, чтобы понять, что написаны они независимо друг от друга. Ни под какую диктовку Чесноков свои показания писать не мог. Вот смотрите (листает уголовное дело). Марина говорит, что при знакомстве Бондарь и Клопов представились как Сергей и Борис, то есть назвались чужими именами. И только Иван назвал свое настоящее имя.

Второй: – Значит, уже тогда они имели умысел на преступление, а Чесноков об этом либо не знал, либо не поддерживал его.

Судья: – Скорее всего не поддерживал, так как в своих показаниях умалчивает факт подмены имен. Далее (снова листает уголовное дело). Марина говорит, что Чесноков пытался защитить ее от Бондаря. А сам Иван об этом даже не упоминает.

Первый: – Значит, он не придает значения этому порыву души. Считает его естественным.

Судья: – Правильно. Иван говорит, что Марина пила вино, а она от этого категорически отказывается даже в суде. Марина говорит, что Иван сорвал с нее золотую цепочку, а Иван утверждает, что спокойно снял ее через голову. И, наконец, Марина доказывает, что она сопротивлялась насилию, а Иван свидетельствует, что вела она себя вполне нормально. По крайней мере, не кричала, не плакала и физического сопротивления не оказывала. И таких несовпадений масса. О чем это говорит?

Второй: – Да о том, что каждый из них все эти детали трактовал психологически в свою пользу. Чтоб не выглядеть хуже в глазах посторонних. А значит, их показания абсолютно достоверны.

Судья: – Правильно. Поэтому показания, как и положено, схожи только по сюжетной линии и по событийному ряду, а

вот в деталях расходятся, и такое диктовке не подлежит. Есть сомнения?..

* * *

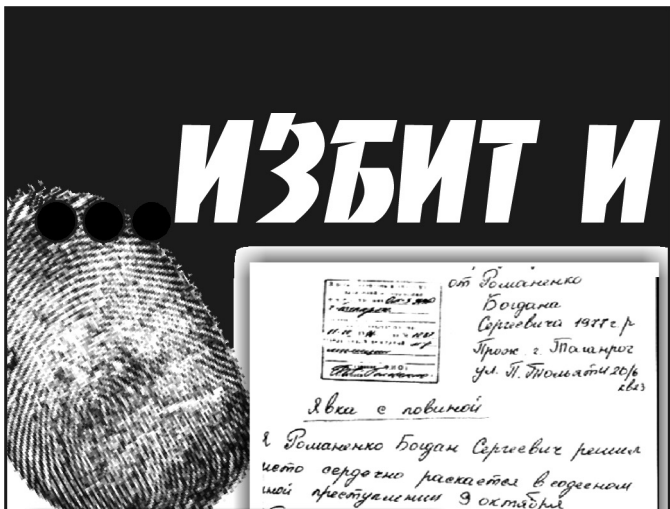
– Встать! Суд идет!

И снова началось занудное зачитывание текстов, и снова началось перечисление: кто, где, когда, как, сколько... Голос судьи звучал ровно и убаюкивающе, как у гипнотизера, и по его тону Ваня понял, что ему ничего не грозит, что суд – это простая формальность, что нужно, действительно, только собраться в кулак, как советовал Сергей Александрович, и можно избежать любой беды. Побеждает не истина, а воля. Ваня порой переглядывался с матерью, и они счастливо улыбались друг другу. Сергей Александрович, как переполненный цементом, уже выглядел живым памятником.

...«Семь лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима», – эти слова пролетели мимо сознания Ивана, и только по тому, как побледнела и заголосила мать, как растерянно начал озираться по сторонам Сергей Александрович, он понял, что произошло что-то непоправимое. Но разум отказывался принимать это.

«Глупости... глупости... ерунда какая-то...», бормотал Сергей Александрович и, уже повернувшись к Ване, кричал ему прямо в лицо: «Кассацию, Ваня, кассацию! Опротестуем!». И только теперь Иван понял, что и плачь матери, и истерика адвоката, и сожалеющие глаза всех сидящих в зале – все это шелуха, которая прямо сейчас свалится с него, и он останется один, обнаженный, перед Истиной, которую нельзя обмануть никакими ухищрениями. Начиналась новая жизнь.

ИЗБИТ И

*от Романенко
Богдана
Сергеевича 1977 г. р.
Прож.: Таганрог
ул. П. Тихомирова 20/6
2623*

Явка с повинной

*Я Романенко Богдан Сергеевич решил
что твердою решено в совершении
моей преступлении 3 октября*

*г.в. Симон. Приним
аровая личность 12
так войти в квартиру
иници из вызвана
ну двери и Симон и
лов собрался на
и. В то же время
икуи жидина квартиры
мо нанес ему удар
После чего ушел
и.к. Рядом в доме
что Симон Богдан
ири и стукнул его
обой. Мужжина*

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
 Главное Управление внутренних дел Ростовской области
 УВД г. Таганрога
 Следственный отдел

УГОЛОВНОЕ ДЕЛО
 № 9674767

по обвинению: _____
 _____ *РОМАНЕНКО Богдана Сергеевича*
 _____ *ГЛОБЕНКО Григория Ивановича*
 _____ *КОПЫЛОВА Сергея Владимировича*
 _____ *СИМОН Ярослава Владимировича*

*Романенко, Я и Копылов. Выезжаю
на работу "гидрок". Копылов позвонил в квар-
тиру №27, двери открыл, Симон
ирина Савельева атакуют в лицо, бросил
Романенко, я забегал в квартиру, разбил
палочку и стал оббивать шкаф*

ОТРАБЛЕН

Это дерзкое ограбление длилось всего несколько минут. Хотя и сегодня, много месяцев спустя, назвать совершенно точное время его начала и окончания практически невозможно.

Школьник Вова, примерно в 10 часов 20 минут утра, обратил внимание на пятерых парней, сидевших у его подъезда (заметьте: пятерых, а не четверых, которые потом и будут фигурировать в уголовном деле; эта очень важная деталь почему-то ускользнула из поля зрения следствия).

«По-моему, они что-то выпивали», – добавит Вова.

Одна из соседок пострадавшего вышла из своей квартиры в 10 часов 45 минут. На лестничной площадке она почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Обернулась и на междуэтажной площадке, ведущей вверх, увидела двух молодых ребят. Один из них был в джинсовой куртке.

Значит, трое других (а мы знаем, что их было трое) в это время были в квартире пострадавшего. То есть «операция» уже, наверное, началась.

Еще одна соседка в начале двенадцатого услышала доносящийся из квартиры № 27 грохот и шум, но значения этому не придала, так как знала, что там идет ремонт.

В. В. Винярка купил во дворе развозное молоко, зашел к себе в подъезд и уже хотел нажать на кнопку вызова лифта, но заметил, что на нем кто-то спускается вниз. На часах было 11.20.

Дверь лифта открылась, и из него вышел молодой человек в джинсовой куртке. Он стремительно рванул к выходу из подъезда.

Еще одна свидетельница проходила мимо квартиры № 27 в 11.10. Ее удивило, что дверь в квартиру была приоткрыта. А как станет известно потом, грабители 27-й, вломившись в нее, дверь за собой закрыли. Значит, в 11.20 «операция» была уже завершена, и приоткрытая дверь это подтверждает.

И, наконец, как заявит потом в своих показаниях грабитель Богдан Романенко, с места преступления они уходили все вместе, вчетвером, то есть он, Григорий Глобенко, Ярослав Симон и стоявший «на шухере» Сергей Копылов.

Значит, ушли они не позже 11 часов 10 минут.

Так кого же встретил у лифта в 11.20 Винярка? Кто прикрывал отход «великолепной четверки»? Чья джинсовая куртка успела намозолить глаза нескольким свидетелям? Так

все-таки четверо или пятеро?

Между тем, как вы увидите дальше, даже эти вопросы не самые главные в этом уголовном деле. Хотя, если бы следствие постаралось ответить только на них, то и тогда мы сегодня могли бы спать более спокойно.

А тогда, в 11.10, вяло текущие будни как будто раскололись надвое и события помчались во времени навстречу друг другу. Грабители и пострадавшие зажили каждый сам по себе, как в двух параллельных мирах. В одном – страдания, переживания, хлопоты, боль физическая и моральная, изнурительная формальность протоколов, актов, экспертиз. В другом – эйфория успеха, радость, веселье, алчная жажда удовольствий, стремление к наслаждениям.

И все это до поры до времени, до того самого момента, когда оба мира столкнутся в зале судебного заседания.

2

Я понимаю, что рассказывать о пострадавшем, который лежит сейчас у себя в прихожей с проломленной головой в разгромленной квартире, скучно и неинтересно. Тем более, что он еще жив и скоро, всего через несколько минут, преодолевая боль, поднимется, выйдет на лестничную площадку и позвонит в соседнюю квартиру. Ему откроет соседка, обомлеет, увидев его окровавленное лицо, а он только по ее губам поймет, что она что-то спрашивает. Он скажет: «Меня избили и ограбили...» И соседка побежит звонить в милицию и «скорую помощь».

В 11.45 дежурный второго отдела Антипов получит сигнал тревоги, отправит на место происшествия группу из семи человек, а сам сядет писать рапорт:

«... в квартире № 27 на 7-й Садовой площадке, 12 у Савельева Петра Владимировича произошло ограбление...»

К этому моменту наши грабители уже успеют не торопясь, чтобы не привлекать внимание прохожих, миновать бывший кинотеатр «Родина», дворами добраться по улице Лизы Чайкиной, сесть в такси и вырулить к Николаевскому переулку.

К местам назначения они приехали почти одновременно: милиция – к месту преступления, «джентльмены удачи» – к дворику детского сада на улице Яблочкина. Да и работа у них

началась примерно одинаковая: одни осматривали то, что осталось в квартире, другие – что из нее похитили. Правда, чувства они испытывали разные.

Для милиции это ограбление было дополнительной головной болью, и на лицах тех, кто составлял протоколы, опрашивал соседей, фотографировал перевернутую вверх дном квартиру, искал отпечатки пальцев, не было написано ничего, кроме досады.

Зацепиться было не за что. «Работали» в перчатках (значит, профессионалы). Орудий преступления на месте не оставили. Свидетели-соседи описывали грабителей достаточно четко, но по тем приметам, которые они называли, можно хоть сейчас на улицах брать сотни две молодых людей. Сам пострадавший тоже не мог ничего объяснить внятно.

Позвонили в дверь. Открыл, не спрашивая. Да и кого бояться: утро на дворе, соседи спуют по лестнице. Перед дверью стояли двое в черных масках-шапочках. Сразу же получил удар в лицо и стал падать вместе с нападавшим. Остальные мгновенно ввалились в прихожую и захлопнули дверь. Было их трое или четверо. Потом – удар монтировкой по голове, и дальше все как в тумане. Искали деньги и золото. Почему-то начали срывать ковры со стен...

Вот эти ковры, сорванные со стен, и стали светом в конце туннеля. Увезти их грабители не могли, так как возле подъезда не было машины. Унести на себе? Глупо! Остановит первый же встречный милиционер. Да и не уйдешь далеко с такой тяжестью. Значит, что-то искали за коврами. Но если искали «что-то», конкретное, значит, пришли именно в эту квартиру по наводке.

Собственно, и в показаниях пострадавшего промелькнул намек на это предположение: как только грабители ворвались в квартиру, один из них сказал: «Давно мы за тобой охотимся».

Без сомнения – по наводке. А наводчика, как известно из практики, нужно искать среди ближайшего окружения пострадавшего. Насколько ближайшего?

На стенах за коврами можно искать только тайник. А о тайниках не рассказывают ни друзьям, ни знакомым. Отсюда логика подсказывает, что наводчиком мог быть только родственник, посвященный в тайну. У Петра Владимировича Савельева таких родственников не было. А вот у его сожительницы Сухановой Нины Ивановны был. И звали его Виктор Суханов.

Витек точно знал, что золотые ювелирные украшения Нина Ивановна хранит за ковром в белом мешочке...

3

... А в это время во дворе детского сада тоже шел разговор о Викторе Суханове. Но оттенок воспоминаний был несколько иной: Витек не оправдал надежды...

Месяц назад Богдан Романенко и Гриша Глобенко отдыхали на даче своего друга. Там и познакомились с Виктором Сухановым.

Тогда Грише уже исполнилось 19 лет, а Богдан только подбирался к этому возрасту. Но в понятиях и того и другого «отдыхать» и «гулять» означало только одно – пить водку. Пили они ее сурово и серьезно. Любой врач-нарколог их нынешнее состояние здоровья мог определить как алкоголизм второй стадии; пили много и не пьянея, только с каждой рюмкой как будто осознаннее и настойчивее в них просыпался неведомый доселе зверь. А когда в горло падала последняя капля, этот демон уже настоятельно требовал все крушить и ломать вокруг себя, вонзая кулаки в чьи-нибудь теплые и мягкие тела, с восхищением слушать вопли и стоны, пить и снова крушить.

А еще им нравилось по утрам устраивать «разборы полетов», то есть вспоминать, кто и сколько вчера выпил, кто кому и что сказал, кто кого послал, кто первый ударил, кто ответил. Реплики одного дополнялись воспоминаниями другого. Хохотали, перебивали друг друга и с каждой минутой вырастали в собственных глазах. Чувствовали себя необыкновенно крутыми, властителями жизни и чужих судеб.

А главное, все это не находило осуждения ни у взрослых, ни у сверстников. Взрослые (нормальные взрослые), слыша где-нибудь в трамвае их бахвальство, сдобренное матом, брезгливо отворачивались. Старые, опустившиеся алкоголики, уже миновавшие их стадию развития, либо напрашивались к ним в покровители, либо боязливо отходили в сторону. Да и сверстники вели себя аналогично. Одни – демонстративно презирали. Другие – равнодушно отворачивались. Третьи – боялись. Четвертые – заискивали.

Третьих и четвертых было больше, и это перед ними Гриша

и Богдан демонстрировали свою крутизну. Это в их среде они добивались лидерства и самоутверждались таким примитивным, но эффективным способом. И некому было подсказать, что путь этот ведет не к самоутверждению, а к самоуничтожению.

Не обремененные интеллектом и знаниями, уже давно отставшие в своем развитии от более удачливых сверстников, ограниченные интересами исключительно «отдыха», они как будто самой судьбой загонялись в тот угол, из которого уже не будет выхода.

4

Свою «веселую» жизнь Богдан и Гриша начали еще за четыре года до ограбления квартиры Савельева. Им тогда едва перевалило за пятнадцать лет.

Богдан Романенко жил на улице Пальмиро Тольятти и весь район Дзержинки (от вокзала до Паркового) считал своей вотчиной. Здесь он и начал «гулять» вместе с Глобенко.

К этой парочке прибывались разные сверстники. В разных преступных эпизодах появлялись различные фамилии (Трусов, Кононенко, Рожнов, Королев), но Романенко и Глобенко соседствовали постоянно.

15 января в 21 час у общежития ТГПИ избит и ограблен С. А. Горшков. Потерпевший не хотел отдавать дипломат, и тогда Романенко впервые применил нож. Он полоснул Горшкова лезвием по кисти руки.

Потом этот нож будет применяться не однажды. Но тогда, 15 января, состоялась премьера Богдана. Кстати, и при нападении на квартиру Савельева все откажутся бить монтировкой по голове жертву. И тогда Богдан скажет: «Ладно, я это сделаю сам».

20 января в 18 часов у кинотеатра «Юность» избит и ограблен С. В. Лихота.

3 февраля в 5 утра ограблен ларек на Дзержинке.

13 февраля в 22 часа там же, попытка ограбления овощного магазина (выбиты витринные стекла).

5 марта в 20 часов в кафе «Андрюха» избит и ограблен В. П. Бондаренко.

Заметьте, что здесь перечислены только те эпизоды, которые зафиксированы заявлениями потерпевших, а затем

будут доказаны следствием и судом. Но учитывая, что в милицию обращаются далеко не все, испытавшие на себе насилие, то можно с уверенностью утверждать, что «гуляли» ребята с гораздо более широким размахом и гораздо чаще.

Финиша они достигли достаточно быстро. 17 мая Романенко, Глобенко и новая фигура в их компании – Сергей Копылов (тот самый Копылов, который потом будет стоять на «шухере» при ограблении квартиры Савельева) среди бела дня в Парковом переулке стали избивать С. В. Тищенко. Цель избиения общеизвестна – деньги. Но денег у Тищенко оказалось мало, едва хватило на винишко. И тогда, купив бутылку, жертву прихватили с собой, во двор детского сада.

Заметьте, дорогие читатели, эту странную, почти патологическую тягу наших нравственных недоносков к дошкольному воспитанию. После каждого преступления их тянет непременно во дворик детского сада. Вот и последний раз (после ограбления квартиры Савельева) мы их оставили во дворе этого заведения на улице Яблочкина. И сейчас они забились туда же, но только в Парковый переулок.

На Яблочкина они сейчас ликуют, пересчитывают добычу, недобрый словом поминают Виктора Суханова, который обещал гораздо больше.

А тогда, в Парковом, они знали, что рассчитывать больше не на что, и нуждались только в одном: они хотели до доньшка насладиться нравственными страданиями своей жертвы. И придумывали, как это сделать.

5

То, что произошло во дворе детского сада по Парковому переулку, пожалуй, наиболее ярко характеризует наших «героев» и заставляет задуматься в целом о природе преступности.

Американские ученые уже давно утверждают, что у преступников анатомия мозга несколько отличается от нормы. Особенно широко это открытие не афишируется (афроамериканцы обидятся), но и о перевоспитании человека в Новом Свете перестали разглагольствовать.

Верить в это не хочется, но поведение Романенко, Глобенко и Копылова там, во дворе детского сада, заставляет отбросить

любые другие предположения. И, действительно, можно понять, когда человек ведет себя неадекватно в состоянии агрессии и аффекта. Можно понять, когда он идет на преступление из корыстных соображений. Но что может заставить его в абсолютно уравновешенном состоянии, без всякой цели и мотивов издеваться над другим человеком? Получать наслаждение от его нравственных и физических страданий? Садизм? Да! Но ведь это слово тоже ничего не объясняет и не раскрывает первопричину.

А наши «джентльмены удачи» во дворе садика на Парковом сели кружком, в центр посадили Тищенко и стали потихоньку пить вино, используя голову своей жертвы вместо пепельницы: стряхивали на нее пепел, плевали, лили вино, гасили окурки. И при этом безудержно веселились: ну где еще найдешь такой аттракцион?!

Благо, что этот «подвиг» в том году стал последним. Садистов задержали и усадили в следственный изолятор. Шаг за шагом милиция восстановила подробности их бурной предыдущей деятельности.

Потом будет суд, который учтет и молодость преступников, и их искреннее сотрудничество со следствием, и чистосердечное раскаяние и ограничится условной мерой наказания. Романенко, Глобенко и Копылова освободят из-под стражи в зале суда. При этом судья воспримет радость освобожденных ребят как эмоцию людей покаявшихся, очистившихся от скверны, а они увидят в улыбке судьи жалкую гримасу побежденного правосудия.

6

Из камеры следственного изолятора они вынесут опыт и знания своих сокамерников, прожженных преступников, их способы и приемы борьбы со следственными органами и милицией, то есть время, проведенное за решеткой, станет своеобразными курсами повышения квалификации.

А еще они обретут новые связи: там, на нарах, судьба сведет их с Денисом Беляковым, который, при всей своей незаметности, сыграет значительную роль в истории, которую я рассказываю.

Кстати, вот таких незаметных людей вокруг наших трех «героев» сновало необыкновенное множество. Как в жизни,

так и на страницах уголовного дела. Они незаметно появлялись, оказывали какую-нибудь услугу или изменяли направление движения событий и так же незаметно исчезали. Но без них не могло бы совершиться ни одно преступление.

Теперь Романенко, Глобенко и Копылов снова едят тюремную баланду, а они, незаметные, оказывают на свободе новые услуги новым Романенко, Глобенко и Копыловым. Свято место пусто не бывает. И я не знаю, кто страшнее: откровенные воры и грабители или вот эти незаметные, которые живут за счет отчаянных злодеев и в то же время вскармливают и взращивают их.

Ну скажите: вот если бы тогда, на нарах, наша троица не познакомилась с Денисом Беляковым, разве у них появилась бы «блат-хата» в Петрушино, куда они впоследствии смогли бы свозить все награбленное?

Вот и сейчас, прямо со двора детского сада на улице Яблочкина, они поедут в Петрушино. И там на чердаке спрячат чемодан с награбленным добром из квартиры Савельева.

Так же странно и незаметно мелькнут в уголовном деле родители Белякова, отец которого не гнушался торговать ворованным, а мать первая смекнет, что произошло в доме Савельева, и бросится сжигать чемодан и маски-шапочки.

А откуда взялись маски? Еще в восемь утра того абсурдного и драматичного дня у грабителей их не было. И снова мелькает незаметная фигура по фамилии Алексей Тимошенко, а по кличке – Тиман. Почему-то именно в его доме грабители получают и маски-шапочки, и нож. Почему-то именно Тиман повезет на следующее утро после ограбления наших «джентльменов удачи» в Ростов сбывать золотую добычу. Да и задержат с этим золотом все того же Тимана.

А рядом будут мелькать незаметные лица Славы Назарова и девушек Ани, Тани и Юли.

Их тьмы и тьмы!

Но всю эту длинную веревочку завязало тугим узлом главное незаметное лицо – Витек Суханов. Он сам хотел ограбить свою родственницу, но понял, что без помощника не справится, вот и поделился идеей с Гришей Глобенко, а тот, в свою очередь, со своими друзьями, к которым примкнуло месяца два назад новое лицо – Ярослав Симон.

Посоветовавшись, друзья решили «кинуть» незадачливого

Витька. И «кинули».

И сейчас они сидели во дворе детского сада на улице Яблочкина (рядом с домом Симона) перед открытым чемоданом, сжигали документы Савельева и ненужные вещи, считали наличные деньги, прикидывали стоимость золотых украшений и ликовали.

7

Они еще не знали, что ходить на свободе им осталось ровно сутки. Но какие сутки! Ради них, ради воровской романтики этих суток люди и совершают преступления: воруют, грабят, убивают. В этих сутках квинтэссенция их жизни. Именно эти сутки они потом будут долгие годы вспоминать на нарах и на лесоповале. Чем черт не шутит, может быть, ради этих суток и стоит рисковать? Давайте хоть раз, если и не проживем, то хотя бы прикоснемся к атмосфере этих суток.

В этот день им не сиделось на месте. В этот день они носились из одного конца города в другой. В этот день они собирали гостей и меняли такси. Деньги и золото жгли карманы и руки.

Из детского сада сразу же поехали к машиностроительному техникуму и заказали там с 22 часов и на всю ночь сауну (а какая воровская романтика без сауны?). Затем махнули в Петрушино прятать чемодан. Оттуда снова к детскому саду, где высадили Симона (он, как прилежный сын своих родителей, должен был отчитаться перед своими предками о проделанной работе, да и спецодежду нужно было сменить на вечернюю).

А Гриша, Богдан и Сергей устремились в Северный поселок. Там, подхватив девушку Глобенко – Аню, рванули в ресторан «Версаль».

«Отдыхали» часа три. И снова в Петрушино: пригласить на званый ужин в сауну Белякова и его девушку Юлю.

Как отметит потом Беляков: «... приехали они ко мне сильно пьяные; все, кроме девушки Юли».

Но это и понятно: девушка ведь не должна надираться сильнее именинника (скромная девушка).

Время от 19-ти до 22 часов уже покрылось мраком и пьяным угаром. Его с трудом припоминают все участники поездки. Где-то пили, где-то кому-то продавали кольца, крестики, цепочки, потом снова пили.

Апофеоз начался в 22 часа. В сауну съехались, сошлись, сбредлись все участники последнего шабаша: Романенко, Глобенко с Аней, Копылов, Симон с Таней и Беляков с Юлей. Чуть позже подошли «незаметные» Алексей Тимошенко и Слава Назаров. Сходка началась.

Как принято, пили и занимались «разбором полетов». А вспомнить им было что...

Вот уже полгода наша «великолепная троица» (Романенко, Глобенко, Копылов) на свободе и фартит им необыкновенно. А все потому, что перестали «гопстопничать» с прохожими (все-таки свидетели) и перешли на более серьезные «дела». Значит, школа следственного изолятора не прошла даром.

Начинали с упражнений попроще: Глобенко обокрал квартиру своего родного брата, а Романенко обчистил дачу своего дяди. Причем сделали они это почти одновременно. Значит, не зря к ним прибился Витек Суханов: свой свояка видит...

Пытались заняться угоном машин, но дело это оказалось хлопотное: один раз едва унесли ноги, а второй – Романенко снова пришлось применить нож.

Потом вместе с Симоном «взяли хату» Гончарова, когда хозяева отсутствовали. И вот теперь квартира Савельева...

8

.. Ужин удавался на славу. Девушки «обслуживали» своих парней. «Холостые» парились, пили и закусывали. И только Романенко нервничал. Он хорошо знал своих подельников и был уверен, что они способны обокрасть не только брата, дядю и родную мать, но даже друга, а потому отвел Белякова в сторону и попросил его припрятать награбленное золото. И Беляков припрятал. В карман к Юле. С этого все и началось...

Сначала поддразнивали Симона за то, что он испугался крови в квартире Савельева. Слово за слово – и на голове у Симона разбили бутылку (в тот момент он даже не подозревал, как ему пригодится потом эта рана на голове).

Потом завопила девушка Симона – Таня, обнаружившая, что из ее одежды пропали ее личные золотые украшения.

Здесь же всполошился Романенко и потребовал у Белякова назад «общаковое» золото. Ревизуя его, выяснили, что пропали

золотые часы.

Стали бить Белякова. По ходу драки Глобенко обнаружил у беляковской девушки Юли золото, пропавшее у Тани. Но отдал его почему-то не Тане, а незаметному Тимошенко. Юле, не отходя от кассы, подбили глаз и переломали нос.

В это же мгновение кто-то заорал, что часы нашлись и Белякова бьют напрасно.

А в это время Симон валялся на полу в осколках стекла и истекал кровью...

... До ареста оставалось уже меньше девяти часов...

В милиции уже знали и примерный состав преступной группы, и то, чем она занимается сейчас, и даже то, что завтра, вернее, уже сегодня, часть этой компании отправится в Ростов сбывать награбленное у Савельева и друг у друга золото. Оперативная информация уже была отправлена в Ростов, и там уже ждали наших «джентльменов удачи». Каким образом милиция достигла столь блестящего результата – не наше дело. Да она и не поделится секретами своей оперативной работы. Но думается, что среди незаметных есть не только пособники преступлений, но и наши люди. И когда Романенко, Глобенко и прочие в утренней полудреме прислушивались к перестуку колес электрички, они уже тоже улавливали шестым чувством, что колеса эти наматывают сейчас не километры дороги, а их срок тюремного заключения.

Председательствующий суда В. В. Васильев вместе с народными заседателями приговорили: Романенко – к одиннадцати годам лишения свободы, Глобенко – к одиннадцати годам лишения свободы, Копылова – к девяти годам лишения свободы.

Симон пока лечит травму головы, полученную на дружеской пирушке. Но все рано или поздно заживает. И его суд еще впереди.

* * *

И все же очень хочется понять: правы американцы или нет? Действительно ли мозг преступника отличается от мозга нормального человека? Врожденный это порок или мозг видоизменяется в процессе творения зла?

Хотя верующие, православные люди говорят, что все значительно проще: где нет Бога, там нет нравственности. Где

нет Бога, там демоны и бесы одолевают человека, разрывают семейные узы, зомбируют его гордыней, завистью, ложью, сребролюбием. И избавиться от этих пороков можно только через покаяние.

Раскаялись ли наши «герои»? Вот кассационная жалоба осужденного Глобенко. Он жалуется на судью Васильева, который позволил в ходе судебного заседания потерпевшему Савельеву нелестно, «в грубой форме» отозваться о нем, Глобенко. Тем самым Васильев позволил Савельеву «... оскорбить мои личные честь и достоинство гражданина РФ».

Собственно, именно эта фраза и заставила меня взяться за перо. И очерк этот не о механизме преступления и его итогах, а о чести и достоинстве тех, кто вспоминает о них только после суда.

А американцы, наверное, правы...

Одержимые

– Бабушку Клаву я называла божьим одуванчиком. Она была очень доброй и приветливой. Я часто с ней разговаривала и всегда отдыхала душой, общаясь с ней. Она хорошая бабулька...

– Так за что же вы ее убили?

– Не знаю. Сама не могу этого понять...

Этот разговор следователя и Ольги Сызрановой состоялся два месяца спустя после тех кошмарных дней, которые и сегодня Ольга с большим трудом восстанавливает в своей памяти.

После убийства она пила пять дней подряд. И каждый раз, когда ее сознание выныривало из алкоголя, она испытывала ужас от содеянного, и страшные картины одна за другой вставали перед глазами. И она снова пила и снова проваливалась в небытие.

В промежутке этих пяти дней Ольга обнаружила себя лежащей на сидении вагона электрички. Вокруг никого. Ночь. Тишина. Огни светофоров, как глаза диких зверей, светятся за окном. И бубнящий голос железнодорожного диспетчера о чем-то предупреждает через громкоговоритель, сварливо перечисляет чьи-то грехи, выносит приговоры.

Она вышла из вагона, спотыкаясь о рельсы, обошла здание депо, пролезла под вагонами еще одного стоящего поезда и оказалась на привокзальной платформе. По причудливой башенке над центром вокзала поняла, что находится в Дебальцево. Но как она здесь оказалась, понять не могла.

Под железнодорожным мостом она села на лавочку и уже в который раз попыталась восстановить события минувших пяти дней.

Все было как обычно, как всегда, как все пять лет, которые она торгует водкой. Товар покупает у себя в родном городе Торезе по дешевым украинским ценам, потом привозит его в Таганрог и продает по ценам российским. Разница в ценах и позволяет ей едва сводить концы с концами. А на содержании у Ольги и старуха мать и две дочери-невесты. От этой ежедневной гонки за рублем впору и отчаяться, и озлобиться. Но при чем здесь бабушка Клава? И почему именно она?

А тогда, 18 марта, Ольгу с самого утра постигло несчастье. Приехав в очередной раз в Таганрог с товаром, она вдруг обнаружила, что по дороге у нее вытащили двести рублей. Оценить размер потери может только тот, кому доводилось на

эти двести рублей жить целых полмесяца. Да и тот, для кого эта сумма составляет дневной бюджет, тоже веселиться не станет.

Расстроилась Ольга, огорчилась, а лекарство – вот оно, под рукой. Вышла на привокзальную площадь Восстания, купила пирожок, села на лавочку, вытащила из своей дорожной сумки одну из бутылок водки и приложила к горлышку.

За последние годы эта химиотерапия стала для нее привычной и даже необходимой.

«Быть у ручья и не напиться?!» – подбадривали друг друга риторическим вопросом-лозунгом подружки Ольги по бизнесу и убегали из зимней стужи куда-нибудь в тепло, чтобы на ходу выпить по сто граммов, снова прибежать на рабочее место и, пританцовывая на снегу, распевать осипшими голосами: «Водочка! Водочка! Кому дешевая водочка?».

Сначала и она пила «для сугреву», а потом уже и по необходимости. Не могла не пить. Водка стала спасительницей: она надежно отгораживала от этого злого и непредсказуемо-агрессивного мира, она разрешала все житейские проблемы, она сводила все потребности и желания к простейшим физиологическим отправлениям. В то утро с бутылкой водки она справилась быстро. И наступило желанное облегчение. Отступили и обида, и сожаление об украденных деньгах. Хотелось только сохранить вот это накатившее состояние равновесия и благодушия. К счастью, какой-то мужичонка стал угощать ее вином, которое он таскал с собой в пластиковой полулитровой бутылке. И она с радостью согласилась...

А вот что было потом?

2

... В Таганрог она приехала рано утром. Первую бутылку водки выпила не позже девяти часов. Мужичонка с вином объявился часов в десять...

А потом она уже помнит закатное солнце. Багровый отсвет в окнах домика. И яркая кровь, растекающаяся по полу...

Затем на какие-то доли секунды включился звук, и она услышала крики и стоны бабушки Клавы. И только потом, как будто со стороны, увидела себя, размахивающую железным

сифоном для газирования воды. Помятый сифон поднимался и опускался на голову бабы Клавы. Сам собой, без всяких ее усилий и желаний. Старушка уже не сопротивлялась и только хрипела что-то похожее на «убили, уби-ли, у-би-ли...».

Ольга схватила какую-то тряпку и заткнула своей жертве рот, чтобы не слышать эти ужасные звуки. И только теперь окончательно пришла в себя. Сознание стало ясным и четким. И все в ней задрожало от страха. Она испугалась не содеянного, не за здоровье жертвы, а за себя. Она почувствовала страх загнанного зверя, которого теперь будут преследовать, будут гнать и гнать, пока у него не иссякнут силы...

И она побежала. И вот бежит уже пятье сутки подряд, меняя города и электрички, заливая страх оставшейся в сумке водкой, и ничего не может понять.

Не может понять, почему у нее поднялась рука на бабушку Клаву? Не может понять, почему не оказала ей помощь, когда осознала, что, не желая того, совершила преступление? Не может понять, где она находилась в промежутке между утренней выпивкой и вечерним убийством? Не может понять, куда и зачем она бежит? Не может понять, почему, несмотря на многосуточный гон, она все время возвращается в каком-то заколдованном круге: Таганрог – Торез – Дебальцево?

Завершался день 23 марта.

Потом (как и принято в классических судебных очерках и статьях) были задержание, арест, допросы, обвинительное заключение и суд. Сейчас Ольга отбывает свой семилетний срок наказания. Вместе с такими же, как она, осужденными Сызранова строем идет на утреннюю поверку, на завтрак, на работу, на обед... И мечтает о свободе.

Здесь она понаслышалась таких историй, по сравнению с которыми ее убийство бабы Клавы кажется вполне незамысловатой «мокрухой»: дочери убивают матерей, матери – детей, дети напрочь вырезают всех родственников. И все чаще и чаще на вопрос-зачем она это сделала? – пожимают плечами или, как и Ольга, говорят: «Не знаю. Сама не могу этого понять!» И при этом, заметьте, все они проходили судебно-психиатрическую экспертизу и, если сегодня уже находятся за решеткой, то это значит, что врачи-психиатры и психологи на вопрос, поставленный судом, ответили: «Вменяем».

В этом есть что-то недоступное разуму. Может ли

вменяемый человек совершать ужаснейшие деяния, которые потом не может ни объяснить, ни оправдать? А самое главное – он не может найти причину или мотив этого преступления. Поэтому они так и называются: безмотивные, или немотивированные, преступления.

Однако дать явлению название – это еще не значит его объяснить, а тем более понять.

Что же с нами происходит?

Риску предложить вашему вниманию три гипотезы, три ответа на этот вопрос, а вы уж выбирайте сами, какой из них вас больше устраивает. И каждую из гипотез проиллюстрирую материалами уголовного дела. С одним из них – Ольги Сызрановой – вы уже познакомились. И, думаю, сами уже нашли ответ на вопрос: почему это преступление стало возможным? Уверен, что подавляющее большинство из вас (если не все) скажут: во всем виновата водка. И будут правы. Но ведь и у пьянства – тем более в таких масштабах – есть свои причины. Вот до них бы докопаться...

С порога отметаю самое наивное утверждение, что люди пьют из-за трудностей сегодняшней жизни, безысходности и нищеты. Вранье. В противном случае алкоголиками были бы только пенсионеры и инвалиды. Кому сегодня труднее, чем им? Пропивать ровно столько, сколько хватит на безбедное существование, и нелогично, и абсурдно. Не пей – и не будешь бедствовать. Отрезвись – и увидишь выход из безвыходнейшей ситуации. Не нужно менять местами причину и следствие: мы пьем не в результате всеобщего обнищания, а обнищали в результате всеобщей алкоголизации.

Готов утверждать, что и милый сердцу многих социализм, и СССР, и социальную защищенность граждан, и нормальное детство, и достойную старость мы попросту пропили. Все вместе.

Бывшее руководство советской империи почувствовало надвигающуюся опасность еще двадцать лет назад. А потом в 1985 году был знаменитый Указ «Об усилении борьбы с пьянством». И не был он ни проявлением самодурства, ни выражением старческого маразма наших вождей. Просто они владели серьезной информацией, недоступной нам, они знали цифры статистики, которые тщательно скрывались от народа, они были знакомы с результатами многих научных исследований.

Одно из них, пожалуй самое любопытное, провел французский ученый Моррель. В десятках клиник по всей Франции он отобрал большую группу больных с явно выраженными признаками тупости, идиотизма и бесплодия. А затем стал тщательно изучать биографии не только самих больных, но и их предков до четвертого колена, то есть отцов и матерей, бабушек и дедушек, прабабушек и прадедушек. Это была огромнейшая многолетняя работа: он опрашивал односельчан больных, поднимал истории болезней, рылся в церковных, полицейских и судебных архивах, беседовал с родственниками исследуемых больных. Таким образом, Моррель реконструировал развитие болезни на наследственном, генетическом уровне. Результат, к которому он пришел, поверг его в изумление.

Еще затеяв исследование, Моррель полагал, что причиной тупости, идиотизма и бесплодия окажутся либо какие-нибудь однотипные инфекционные болезни, либо перенесенные предками схожие по характеру травмы. Каково же было его удивление, когда он обнаружил, что общим во всех родовых биографиях был только один признак – злоупотребление спиртным.

В целом картина выстраивалась таким образом:

- в первом поколении – алкогольные излишества и сопутствующая им нравственная испорченность;
- во втором – откровенное пьянство, безволие, деградация личности;
- представители третьего поколения (все, без исключения) страдали ипохондрией, либо меланхолией, либо были склонны к убийству и самоубийству;
- наконец, четвертое поколение – тупость, идиотизм, бесплодие.

Результаты исследования Морреля сразу же стали известны всему миру. Население стран Востока, где исповедуются буддизм и ислам, и раньше не злоупотребляли спиртным, теперь же окончательно наложили на него вето. В развитых странах Запада научная сенсация Морреля вызвала активное движение за здоровый образ жизни. Теперь там пить и курить стало просто немодно. И только один алкогольный оазис продолжает процветать на планете – Россия.

Нас пытаются убедить, что так было всегда, что Россия пила, пьет и будет пить, что «веселие Руси – питье есть» – сказанное князем Владимиром – навсегда определило судьбу

нашего народа.

Все это ложь, потому что все познается в сравнении. В крестьянской православной Руси пить было некогда. Весенний день – год кормит. И в эту пору года о спиртном и не думали. Что прогуляешь летом, того недосчитаешься зимой; и в летние дни не разгибались от восхода до заката. Осень – пора уборки. Мыслимо ли пить в страду?!

Позволяли себе расслабиться только в дни осенних свадеб. А потом начинался Рождественский пост – и снова строжайший запрет на спиртное. Короткое Рождество – и снова Великий пост. А там и новая посевная начиналась.

Кто нарушал эти правила, тот становился бедняком, гольтьбой, дедом Шукарем, деревенским дурачком-пьяницей. Таких жалели, но такими и брезговали. Их бедность была заразной, и от них шарахались, как от прокаженных. В те времена никто не путал причину со следствием, все понимали и знали, что пьяница пьет не потому, что беден, а беден он потому, что пьет.

И все-таки сегодня многие не склонны верить этим идиллическим картинам истории и, ссылаясь и на художественную литературу, и на высказывания крупных ученых, говорят: «Побойтесь Бога! Россия всегда пила, пьет и будет пить. И нисколько ей это не вредит!»

Давайте на минуту согласимся с этим утверждением. Мало того, я процитирую высказывание крупнейшего психиатра дореволюционной России И. А. Сикорского, который писал: «Раньше было пьянство, а с XIX века начался алкоголизм с его неизбежными последствиями... поражением нравственности, работоспособности».

Остужу горячие головы: то, что Сикорский почитал алкоголизмом, нынешние психиатры не сочли бы даже невиннейшим и легким расстройством здоровья. Сошлюсь на статистику.

В 1863-1866 годах алкогольных напитков в пересчете на чистый спирт на душу населения ежегодно приходилось в среднем по 4,55 литра. Эта цифра казалась пугающей, и уже тогда начали бить тревогу. На ноги были подняты и сенат, и Святейший Синод. В России стало возникать и поддерживаться мощное трезвенническое движение. В результате уже к 1876 году потребление алкоголя снизилось в пересчете на спирт до

4,18 литра в год на душу населения. Еще через десять лет – 3,32 литра. А уже к 1900 году – 2,46.

Добавлю к этому, что в 1914 году в России был объявлен сухой закон, который продержался до 1925 года. И когда советская власть этот закон отменила, то в первый же год потребление алкоголя поднялось (аж!!!) до 0,88 литра спирта на годовую душу населения. То есть в день один россиянин (включая младенца) потреблял 4,8 грамма водки. Каково?!

А вот когда в 1985 году дряхлеющий коммунизм начал издавать указы и постановления по борьбе с пьянством, то на душу населения в год уже приходилось по 21,8 литра спирта. То есть в день на душу населения (включая младенцев) приходилось уже по 120 граммов водки (в 25 раз больше). А сравните эти показатели с показателями 120-летней давности. И если то состояние пьянства Сикорский называл алкоголизмом, то что же происходит сейчас? Как назвать это явление?

Сегодняшний уровень потребления алкоголя уже просто перестали измерять. Но я, думаю, не ошибусь, если цифру 1985 года попросту удвою. Нет, не ошибусь.

Пить же в России по-настоящему начали в годы Великой Отечественной войны (фронтовые сто грамм). И после нее. А это значит, что сейчас в пору расцвета входит третье поколение алкоголиков. То самое третье поколение, которое Моррель и характеризовал как склонное к ипохондрии, меланхолии, убийству и самоубийству.

Кстати, у этого, третьего поколения уже тоже растут дети, и вот что об этом, четвертом поколении, говорит статистика. Восемь из десяти детей рождаются с отклонениями от физиологической и психической нормы. За последние двадцать лет в 10 раз увеличилось количество умственно отсталых. Уже сегодня 400 тысяч детей признаны инвалидами. Из года в год возрастает детский суицид.

Значит, прав все-таки был Моррель: вырождаемся мы с вами, дорогие мои. И причина преступления Ольги Сызрановой (и подобных ей) не столько в пьянстве, сколько в болезненном унаследованном душевном и духовном состоянии, которое без водки не очень заметно, а в состоянии опьянения говорит само за себя.

Согласен с вами – это мрачная гипотеза. Может быть, вторая будет веселее...

Многие исследователи и ученые успокаивают: все идет так, как и должно идти. И хотя картина мира получается не очень радужная, изменить мы в ней не можем ни одного мазка.

Они утверждают, что разумный подход к проблеме – это вспомнить, что все мы, кроме всего прочего, еще и животные. А законов биологии и особенно экологии никто не отменял. А они гласят, что у всех живых существ есть встроенные в поведение инстинктивные ограничения численности. Как только живых существ становится на планете слишком много, этот механизм ограничения включается сам собой, и повадки существ бессознательно меняются. Отсюда – агрессия, направленная на уничтожение себе подобных и самоуничтожение.

Эту теорию еще в начале XIX века предложил англичанин Мальтус. С ней спорили, ее отвергали, доказывали, что и накормить, и вылечить можно всех, что войны разумом можно прекратить, но не учли того, что нельзя поменять инстинкты, нельзя изменить человеческое подсознание. И как только нас становится много, как только от скученности становится неуютно, механизм самоограничения популяции включается автоматически. В чем это проявляется?

Симптомы болезни и у нас, в России, и на Западе сегодня примерно одинаковые. В первую очередь теряется интерес к деторождению. Женщина утрачивает свое основное предназначение, и на авансцену выходит унисекс: теперь уже все равно кто, с кем и как. Просыпается терпимость к гомосексуализму. Растворяется материнский инстинкт: детей оставляют в роддоме, сдают в детские дома, продают, морят голодом или просто выбрасывают на помойку. Цифры статистики, процитированные выше, это ярко подтверждают. Беспорядочный секс становится нормой. Распадаются семейные связи. Семья заменяется тусовкой. Наркотики, пьянство, круглосуточные танцы на дискотеке, компьютерные игрушки, многочасовое смотрение телевизора, пустой треп ни о чем. Неуравновешенные подростки обоих полов, разгоряченные наркотиками, спиртным и половыми гормонами, сбиваются в криминально-террористические банды и развлекаются забиванием ногами насмерть случайных прохожих

на глазах у улюлюкающей толпы. Когда нет под рукой предмета забав, режут друг друга или просто вешаются. А если уж и это не веселит, то тогда режут горло собственной матери...

Жутковато? Но это реальность, в которой мы живем. И так же реально то, что все это ведет к смерти культуры в целом, культуры человеческой цивилизации. А началось все с разрушения культуры религиозной. Но об этом несколько позже. А пока обещанная иллюстрация из очередного уголовного дела.

... К своим 25-ти годам (согласно протоколу допроса) Ольга Карлихина имела: среднее образование, двоих детей и множественные ножевые ранения; не имела: судимости, мужа и работы. Правда, ножевые ранения появятся уже потом, а в тот день, о котором пойдет речь, их еще не было.

У Александра Дядика, который был почти ровесником Ольги, с биографией было еще проще: имел он только среднее образование, во всех же остальных графах стояли прочерки. Но связывало Карлихину с Сашей вовсе не сходство анкетных данных, а тот самый унисекс, о котором мы говорили выше.

Их отношения можно было бы считать серьезными, если бы хоть кто-нибудь из них в ходе следствия или судебного разбирательства вспомнил о детях. Нет, ни одного слова. Как будто и не было этих детей никогда ни у матери, ни у ее случайного любовника. Да и встречались-то они всего пару месяцев, вполне эпизодически. А потом еще на пару месяцев потеряли друг друга из виду. И, естественно (точнее, противоестественно), у Ольги появился новый дружок – Виталий, который, может быть, даже и не догадывался о наличии у подружки детей (прятала она их в соседней комнате под присмотром подруги).

Вот так и получилось, что в один из будних дней, совсем не располагающих к застольям, Ольга привела к себе домой Виталия и еще одну любовную парочку. Понятное дело, сели выпивать.

А в это время Саша у себя дома готовился к своему, предстоящему через двое суток, дню рождения. Готовился основательно. Уже к вечеру выпил бутылку водки, перессорился с мамой и бабушкой, высадил кулаком оконное стекло и, прихватив литр самогона, отправился к Карлихиной.

Вот так, как поется, и «встретились два одиночества».

Ольга, конечно же, не ждала Сашу, но принять – приняла. Самогон его выпили. А когда дело дошло до унисекса, выставили его за дверь.

Обидно стало Саше. Он пошел домой, взял нож, возвратился назад, перелез через забор, пробрался в спальню и в темноте, не видя куда, стал наносить ножевые удары. К счастью, любовники остались живы, но пострадали изрядно.

Справедливости ради следует отметить, что потом Саша вел себя вполне по-мужски: вину свою признал безоговорочно и полностью, знакомиться с завершенным уголовным делом отказался, на суде не юлил. Виноват так виноват. Но вот мотивы своего преступления убедительно объяснить не смог.

Убивать не хотел. Но ведь в темноте это могло случиться? Могло. Дети остались бы сиротами? Он об этом не думал. А Виталий чем виноват? О существовании Саши он даже не подозревал. Да и Саша к Виталию не испытывал неприязни: когда закончился самогон, полночи бродили по городу вместе в поисках нового.

Сплошные загадки: не хотел, но сделал, не мог, но совершил. И абсолютное выпадение памяти на лица, имена, темы разговоров, последовательность событий, причины поступков. Вот это и роднит преступления Ольги Сызрановой, Саши Дядикова и еще одно, о котором речь пойдет ниже.

Порой начинает казаться, что это не они сами совершили злодеяния, а их руками и ногами руководил какой-то опытный кукловод. Слишком все целенаправленно, слишком наполнено тем духом времени, признаки которого мы перечисляли выше, говоря о мальтузианской теории развития современности.

Дух времени. Каков он?

Компьютерщик Линус Торвалдс определил его кратко и емко: мир перешел грань от общества выживания к обществу развлечения со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Все это было предсказано. Апостол Павел не был компьютерщиком, как Торвалдс, не был исследователем, как Моррель, и еще за 1800 лет до Мальтуса предсказал: «Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержаны,

жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отрехшиеся. Таковых удаляйся» (2. Тим.3,1-5).

Епископ Игнатий Брянчанинов несколько позже добавит: «Люди забудут Бога, забудут небо, забудут вечность и в обольщении своем все внимание устремят на землю, на доставление себе неизменного благосостояния» (в ту пору слово «развлечение» еще не было в ходу). То есть, все будет направлено на удовлетворение плотских потребностей. Праздник плоти, пиршество плоти, плоть как цель и как средство – вот что такое «общество развлечения».

А «дела плоти известны, – снова предупреждает апостол Павел. – Они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство... вражда, ссоры, зависть, гнев... ненависть, убийства, пьянство...» (Гал.5, 19-21).

Так о чем же мы говорим? О чем рассуждаем? Какие причины исследуем в преступлениях Сызрановой и Дядик? Какого кукловода отыскиваем в их неосознанных поступках? Вот же он – Кукловод!

Святому Андрею однажды явился демон и предсказал: «Придет время и человеки будут злее меня и малы дети превзойдут стариков лукавством. Тогда я не буду учить людей ничему, они сами будут исполнять волю мою!»

И исполняют, как исполнили, не желая того, Сызранова и Дядик. Только так можно объяснить их деяния.

Гипотезы Морреля и Мальтуса, возможно, и справедливы, но анализируют они, к сожалению, не причины, а уже последствия вселенского Зла, которое воспринял и которым стал руководствоваться человек. Третья же, и последняя, гипотеза, а точнее – аксиома, не требующая доказательства, заключается в том, что все беды исходят из наших разрушенных отношений с Богом. Если нет Бога, то нет и дьявола, а значит, нет и злых духов и нет одержимых этими духами.

«Упорное неверие в бытие злых духов есть настоящее беснование, – предупреждал святой Иоанн Кронштадтский. – Отрицающий злого духа человек уже поглощен дьяволом».

Еще хуже полуверие.

«Откуда у вас вражды и распри? – вопрошает апостол Иаков, и сам же отвечает: – не отсюда ли, от вожелений ваших, воюющих в членах ваших? Желаете – и не имеете;.. просите и не

получаете, потому что просите не на добро, а чтобы употребить для ваших вождлений» (Иак.4,1-3).

Анна Черная вместе со своим гражданским мужем Николаем Демидовым решили помянуть дочь (от первого брака Анны), которая похоронена на Марцевском кладбище.

Туда же пришли и супруги Моисеевы – Наталья и Сергей. Наталья поминала своего отца.

Обе супружеские пары знакомы были шапочно, но вот свели беда и благая христианская традиция. Правда, традицию эту они понимали по-своему: поминали не молитвой, не панихидой, не божественной литургией, не раздачей милостыни, а по-язычески – чаркой водки. Потом еще одной и еще... Сначала на кладбище, а затем и дома у Анны Черной.

Ну, а уж если начали по-язычески, то и закончить надо было так же – кровавой жертвой. И это уже зависело не от них. Одержимость злыми духами уже витала над застольем. И когда мужчины вышли на кухню покурить, тут-то все и случилось. Не было ни ссор, ни скандалов, ни размолвок; не было слышно ни повышенных голосов, ни криков... Просто Сергей вышел из кухни с двумя ножевыми ранениями груди, а вслед за ним вышел и Николай с окровавленным ножом, который он разглядывал с изумлением и испугом. В его взгляде был немой вопрос: «Неужели я это сделал?»

Только благодаря усердию врачей одни поминки плавно не перешли в другие: сердце Сергея заштопали, и он остался жив. А вот Николай, которого все характеризовали наилучшим образом, отбывает срок наказания. Но, может быть, это и есть тот самый срок, который предоставил ему Господь для духовного возрождения. И для назидания всем нам, которые, по словам апостола, «осустились в мудрствованиях своих». Мы ищем корень всех бед в теориях и гипотезах, в экономических и политических кризисах, в пьянстве и вырождении нации, в саморегуляции численности популяции; и некогда нам голову поднять, посмотреть на звездное небо и увидеть в нем Вечность, а в этой Вечности – себя.

ВСЕ КРУТИ И ДА

Ее нашли на вокзале. Грязную, страдающую от педикулеза и лишаев Дашу привела к себе домой какая-то сердобольная бабушка. Отмыла, отогрела, накормила, уложила спать, сокрушенно покачивая головой, рассматривала вздрагивающее во сне тельце девочки. Оно было в синяках и ссадинах, а кожа по-старушечьи дрябло отвисала на проступающем скелетике. Бабушка прожила очень длинную и очень непростую жизнь. Она не понаслышке знала, что такое горе: еще помнила голод начала тридцатых годов, помнила пахнущие керосином лепешки в оккупированном Таганроге, незаживающей раной ныла память о муже, отправленном в лагерь на десять лет «без права переписки», о детях, похороненных один за другим. Она осталась одна. Чтобы выжить на пенсию в 280 рублей, бабушка покупала подешевле на все свои деньги свежее сало и рыбу, солила их и продавала подороже. Когда совсем не оставалось ничего, просила милостыню. И мечтала только об одном, чтобы Бог поскорее прибрал ее к себе. Иногда по вечерам она ходила к соседке смотреть телевизор, и они вместе никак не могли взять в толк: почему в то время, когда на экране такая хорошая, такая прекрасная жизнь, они сами живут как будто в другом мире? Почему для россиян нет важнее проблем, чем «олвейс с крылышками» или война в Чечне? Почему им нужно радоваться появлению на карте города Марцевской развязки и Академии тяжелой атлетики, если вот здесь рядом, в бабушкином домике погибает ничейная девочка Даша? Но такие вопросы возникали у бабушки только на мгновенье, не вызывая ни раздражения, ни досады, ни озлобленности. У нее теперь были другие заботы – выходить девочку. И она отпаивала ее травами, с радостью отдавала свой последний кусок хлеба, из своего лучшего платья сшила ей кое-какую одежонку, ходила по соседям, у которых есть дети, выпрашивая поношенные туфельки, пальтишки, шапочки. А длинными темными вечерами, когда тишину в домике нарушали только мерно тикающие ходики, она расспрашивала девочку о ее прошлом житье-бытье...

Когда развелись мать с отцом, Даша не помнит. Ей было тогда года три. Не знает и причину развода. Отец ушел и больше не вернулся. Не взял с собой даже свои вещи, которые потом донашивал появившийся вскоре отчим.

Сначала праздновали новую свадьбу. Праздновали долго. Так долго, что Даша уже не могла отличить, где заканчивалась

свадьба и начинались какие-то другие праздники: Новый год, день рождения, День Советской Армии, 8 Марта, Пасха... Потом были какие-то поминки, потом пили с горя. Шумели, дрались, били посуду, ломали мебель. Потом мирились и снова пили.

Потом, когда в доме уже не осталось ничего, что можно было продать и все друзья родителей исчезли бесследно, Даша поняла, что в чем-то виновата и она, потому что мать и отчим стали бить ее нещадно, как только она показывалась им на глаза. И тогда она старалась приходить домой как можно позже. Проскальзывала мимо пьющих или уже спящих родителей в свой уголок и там затихала. Днем, если ее не пускали на улицу, старалась не вылезать из-под родительской кровати и там ждала, когда ее вот-вот позовут и снова будут бить. А однажды ей приснилось, что она тонет и не может пошевелить ни рукой, ни ногой. Удушье было мучительным и болезненным. Теряя сознание, она собрала последние силы, рванулась к поверхности воды... и проснулась. Мать, отброшенная ее рывком, лежала на полу с подушкой в руках и злобно шипела: «Гадина! И умереть как следует не хочет! Все равно убью, сволочь!» С этой ночи страх не покидал Дашу никогда.

В доме, если не было очень холодно, она уже не ночевала. Перебралась в собачью будку. Там, уткнувшись в лохматую шерсть Дружка и чувствуя его родное и доброе тепло, видела свои самые фантастические сны. А снилась ей всегда самая лучшая на свете еда: хлеб, макароны, картошка, лук.

А потом ее мать повела первый раз в школу. Мать была пугающе трезвая, разукрашенная синяками, губной помадой и тушью для ресниц. Она дала Даше новый портфель, взяла ее за руку и вывела со двора. А когда переходили запруженную транспортом улицу она, дождавшись момента, толкнула Дашу под автобус...

Водитель едва успел затормозить. С посеревшим лицом он медленно выпал из кабины, как в замедленном кино, подошел к матери и наотмашь врезал ей по разноцветной физиономии. На том все и закончилось.

А еще через три года мать посадили в тюрьму за воровство соседских кур. Сидела она недолго. Освободилась и исчезла. В Таганроге ее больше никто никогда не видел. И стали они вместе с родным отцом Даши значиться во всех документах «безвестно отсутствующими» как без вести пропавшими.

Последующие три года Даша прожила в своем доме с отчимом. А он продолжал бражничать, как будто вокруг ничего не изменилось. С утра до ночи по комнатам бродили какие-то чужие люди, пили, бранились, дрались. Отчим перестал ее бить, называл доченькой. По ночам иногда клал к себе в постель и делал больно. Даша не понимала, что происходит, но к ее извечному страху добавилось еще какое-то смутное чувство безысходной тоски. Теперь уже ей самой хотелось умереть.

Неизвестно сколько продолжалось бы это страдание, если бы однажды отчим не привел себе новую жену. Дашу снова выгнали в собачью будку. И это ее спасло. Ночью после очередного загула запыльхал дом. К утру от него ничего не осталось. Увезли и обгоревшие трупы приемных «родителей».

А Даша осталась на улице одна. В школу ходить перестала. Днем собирала пустые бутылки, сдавала, покупала еду. Ночевала в подвалах и на чердаках. Иногда попадала в компании к бомжам, и они от нее требовали того же, что и отчим. И тогда она превратилась в зверька, который боится всех двуногих. Плакать разучилась. А когда было совсем плохо, забивалась куда-нибудь в уголок, сворачивалась клубочком и стонала...

Вот такой и нашла ее чужая бабушка. В то время Даше исполнилось двенадцать лет. И жить бы им вместе, если не счастливо, то тихо и мирно. Но беда не приходит одна. Бабушка даже не болела, а как-то незаметно погасла и умерла. Но перед смертью успела-таки оформить какие надо бумаги, и сразу же после похорон бабушки Дашу забрали в детский дом.

Возможно, судьба Даши взволнует и растрогает не многих наших читателей. Да и тот, кто ей посочувствует, сведет свои рассуждения к конкретным причинно-следственным связям: девочка осталась сиротой в результате алкоголизма родителей. Вывод: алкоголизм враг. Вот и все. Однако сквозь эту конкретную биографию уже сейчас проглядывают черты очень серьезного и грозного явления, обретающего на наших глазах статус национального бедствия.

Научно-методический центр образования Ростова-на-Дону опубликовал справочно-рекомендационное пособие «Как защитить права ребенка». В нем-то и собраны статистические данные, не позволяющие благодушествовать. Помните лозунг прежних времен: «Дети – наше будущее!»? Так вот давайте и

заглянем в это самое «наше будущее».

Сегодня в России 36,7 млн. детей. А вот если проанализировать данные предыдущих лет, то окажется, что количество детей ежегодно сокращалось на 500-700 тыс. человек. Это результат и уменьшения рождаемости и, в еще большей степени, увеличение смертности, которая у нас в три раза выше, чем в Европе. Все это привело к тому, что восьмилетних детей у нас уже сегодня в три раза меньше, чем 18-летних. Задумайтесь о последствиях.

Но ведь важно не только количество «нашего будущего», но и его качество. Так вот, восемь из десяти детей рождаются с отклонениями от физиологической и психической нормы. За последние двадцать лет в 10 раз увеличилось количество умственно отсталых. Уже сегодня 400 тысяч детей признаны инвалидами. Из года в год возрастает детский суицид.

И, наконец, последняя сокрушительная цифра: по разным данным, в России сегодня насчитывается от двух до четырех млн. беспризорных детей. И даже если мы усредним эту цифру и сведем ее к трем млн., то все равно она достигнет уровня 1918 года. Но этот факт, хотя и страшен сам по себе, еще не является национальным бедствием.

Дело в том, что у беспризорников времен гражданской войны не было родителей. Они были сиротами. В шлейфе же нашей трехмиллионной беспризорности тянется шестимиллионная армия «безвестно отсутствующих» родителей-маргиналов. Кто они?

Их средний возраст – 35 лет. А это значит, что родились и воспитывались они как раз в период активного строительства коммунизма и впитали все его прелести. Подавляющее большинство – бывшие члены ВЛКСМ. Образование – среднее. Основная профессия – неквалифицированные рабочие и мелкие служащие. Интеллект – ниже среднего. Безынициативные, послушные, исполнительные. Отношение к советской и партийной властям – боязливо-подобострастное. Отношение к государству – потребительское.

С точки зрения номенклатуры, эти люди – идеальный материал для построения социализма и коммунизма. С ними не было никаких хлопот. 70 лет партия строила и подравнивала живое дерево нации, чтобы создать подобный гибрид. Создали – и здесь же предали, оставив без социальной защиты и работы.

Весь, как один, партийно-советско-комсомольский

номенклатурный аппарат бросился строить капитализм и, преуспевая в благородном деле, ушел далеко вперед. А гибрид остался там, в середине 80-х, с его идеалами, целями и желаниями. Лишенный государственной подпитки, не приученный к личной инициативе, не умеющий приспосабливаться, он стал загнивать и разлагаться.

Нравственных устоев у него не было и раньше (где нет Бога, там нет и нравственности), а теперь без руля и без ветрил его понесло в такие глубины, где педофилия – не более, чем легкое развлечение.

Но Бог с ними, с гибридами, им уже не помочь. И, как советует Евангелие, оставим мертвецам хоронить своих мертвецов. Но что делать с детьми? Оказывается, наша новая капиталистическая система и им не оставляет никакого выбора. Пока они находятся в детских домах (а в Таганроге таких ребят около четырехсот), они еще социально защищены. Но вот приходит время выбирать выпускнику детского дома свою дальнейшую судьбу и выясняется, что институты и колледжи для него практически закрыты.

Путь один – в ПТУ. Но и здесь оказывается, что не во всякое, а только в то, в котором есть общежитие, а таких у нас в городе всего три. Значит, выбор сводится всего к четырем рабочим профессиям: строитель, металлург, плотник, швея. Эта безысходность приводит к тому, что выпускники детских домов невидимой рукой снова сбиваются в три стаи в трех общежитиях ПТУ.

Лишенные так опостылевшего им воспитательного детдомовского контроля, они полной грудью вдыхают маргинальную гарь Свободы. И здесь они уже становятся легкой добычей для криминала. Воровство, наркомания, проституция из разряда хобби переходят в разряд основной профессии. Круг замкнулся.

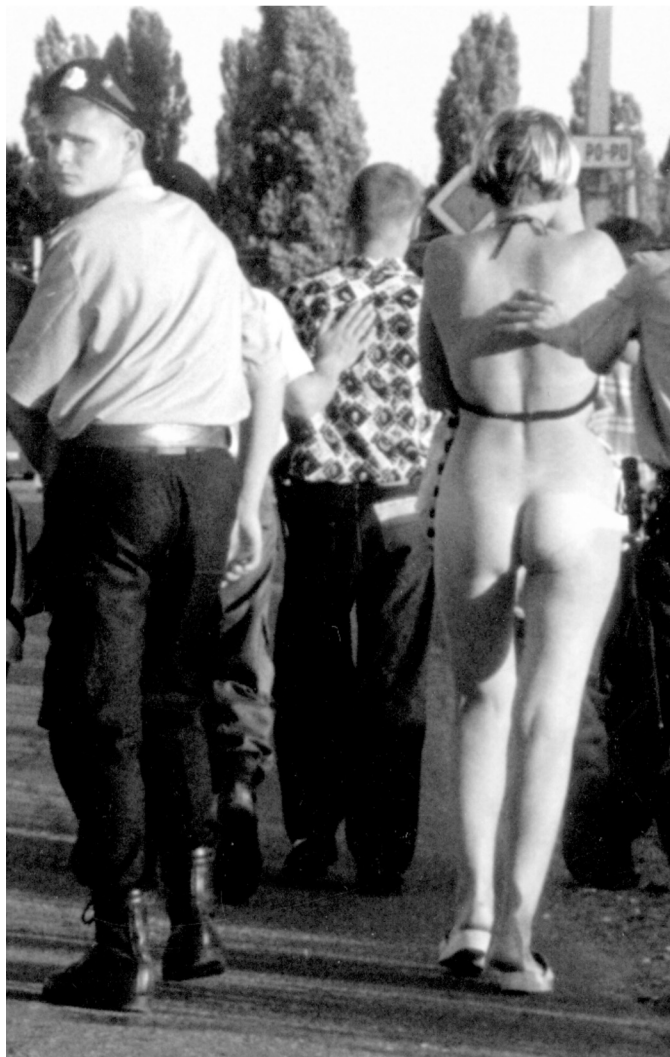
Есть ли выход из этого положения? Я думаю, есть. Но только не нужно надеяться на государство. Оно немошно, а потому прожорливо и эгоистично. Ему самому нужна поддержка. Но вот если у вас завелись лишние 10, 50, 100 рублей, отнесите их лично в любой детский дом. Вам будут рады. А когда вы увидите тамошнюю детвору, вы все поймете. Вас встретят десятки внимательных глаз. Их взгляд быстрый, цепкий, настороженный, мгновенно оценивающий человека и в то же время как будто молящий: «Я здесь, я хороший, обрати на меня внимание, я так

давно тебя жду...»

И не нужно, никто вас не просит усыновлять или удочерять ребенка. Просто уделите ему внимание. А если сойдется характерами, установите над ним патронаж (есть такая форма взаимоотношений). Это ничего не будет вам стоить. Возьмите к себе домой ребенка на выходные дни, сходите с ним в кино, в театр, в парк, почитайте книгу. Привезите к себе летом на дачный участок. Помогите ему увидеть мир прекрасным и многоцветным. Научите его смеяться и радоваться, и Бог воздаст вам. Потому что дети действительно наше будущее. Ибо их есть Царствие Небесное.

ПРОФЕССИЯ

ИЛИ ДИАГНОЗ?

У пивного ларька суетились два экзотического вида мужичка. По их внешности можно было безошибочно определить, что банный день не значился в их расписании уже больше года. Да и одежку в «секонд-хенд» вряд ли бы кто принял обратно.

Они страдали. Долго рылись по всем карманам, собирали вместе и пересчитывали копейки. Наконец недостающее выпросили у прохожих и купили одну кружку пива на двоих.

Пили попеременно, чинно и не торопясь. Завязалась беседа с разбором вчерашних «полетов». Как потом стало ясно, обсуждали третьего.

– Совсем плохой стал, – констатировал первый.

– Да... – поддержал второй. И ведь наравне шли...

– А какую чепуху понес?! – встрепенулся первый.

– Нет, ты скажи, что я ему сделал? – возмутился второй,

– А он меня в глаз...

– Нельзя его больше в порядочную компанию брать.

– Опустился человек...

Беседа погасла. Но зато оба приосанились, а в глазах замерцали огоньки все возрастающего чувства собственного достоинства. Приятно было осознавать, что ты еще не пал так низко, как третий.

Эта сценка происходила давно, еще в доперестроечные времена, когда слово «бомж» воспринималось как ругательное, а категория лиц, к которым оно относилось, считалась презренной и достойной осуждения. Но уже с тех пор боюсь судить наотмашь, боясь оказаться в роли тех двух мужичков, которые давали оценку образу жизни третьего. Потому, что, наверное, уже тогда понял: мы все – одно целое, человечество – это единый организм планеты. И если в этом организме больна хотя бы одна клетка, то остальные могут чувствовать себя комфортно лишь до поры до времени. Или иначе: чем ниже и невозвратнее падает в бездну один человек, тем неизбежнее он прокладывает туда путь всему обществу.

Еще лет десять назад эта тема, как и все связанное с эротикой, в читательской среде вызывало необыкновенный ажиотаж. Журналы и газеты шли нарасхват. Интересовали подробности. Сегодня о проституции говорят так же буднично, как о хотдогах и гамбургерах. Хотя нужно сразу заметить, что это явление пришло к нам не «оттуда».

Российская проституция имеет свои, российские же корни и

существовала всегда, даже в пору самого грозного и кровавого террора. Да и после, когда сформировалась новая общность людей – «советский народ». И для этого вовсе не нужно было выходить на панель (почему-то именно «панель» считается рабочим местом проституток).

Браки по расчету, служебные романы из карьерных соображений, расплата за дефицит, «товарообмен» в процессе веселого времяпрепровождения – все это та часть айсберга проституции, которую общество всегда стыдливо прикрывало ханжеской советской моралью. Оно (общество), как те мужики у пивнушки, комфортнее чувствовало себя, зная, что есть те, которые еще ниже, чем оно само, и с которыми можно «бороться».

Уже 4 декабря 1922 года с вершин новой власти спускается документ «О мерах борьбы с проституцией». Читая его, в который раз приходишь к выводу, что все в жизни повторяется: «Что было, то будет, и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» – предупреждал Екклесиаст. Вот выдержка из документа.

«Новая экономическая политика вызвала вновь усиление исчезавшей проституции. Из разных мест Республики приходят сведения о возрождении всех видов профессиональной проституции, тайных притонов, сводничества. Волна проституции, разлагающая общественную жизнь, растет, а вместе с ней растут и неизменные ее спутники – венерические болезни. Мы обращаем внимание всех органов местной власти на неотложность самой решительной борьбы с указанным злом...»

Обратите внимание на постановку вопроса: «волна проституции разлагает общественную жизнь». То есть здоровая общественная жизнь – сама по себе, а разлагающая проституция – сама по себе. И стоит уничтожить последнюю, как первая станет еще здоровее. Вот только не ясно, почему из недр здоровой общественности, как из пены морской, появляются проститутки?

И, во-вторых, почему, несмотря ни на какие запреты, здоровая общественность пользуется их услугами?

И, наконец, что нам делать с Карлом Марксом, который почему-то утверждал, что именно спрос рождает предложение, а не наоборот? А если следовать логике вышеуказанного документа и не обижать классика, то значит, спрос на проституток

рождается в среде самих проституток, а вовсе не в здоровом обществе. Простите, но это что-то совсем уж несусветное! И жизнь подтвердила абсурдность такого вывода.

Летом 1941 года советская власть бросила на произвол судьбы мирных жителей Таганрога, оставив их на милость победителя: без средств существования, без работы, без продуктов питания, без денег. Догадайтесь с трех раз: что произошло с волной проституции, которую большевики к 41-му году задавили на корню? Правильно! Проклятая волна снова начала разлагать «здоровую общественную жизнь». Но теперь уже – оккупантов.

Ормс-комендант города объявил набор девушек в публичные дома. На триста вакантных мест выстроилась очередь в... 600 человек. Это не считая тех девушек, которые и без публичных домов принимали клиентов у себя на квартирах.

Однако нужно отдать должное большевикам, которые, искореняя проституцию, пользовались не только привычными методами – «сажать» и «не пущать», но и традиционными дореволюционными. Они как-то догадывались, что проституция какими-то немислимыми связями соединена с деньгами, с экономикой. Поэтому в своем документе от 22-го года рекомендовали, например, проявлять при увольнении женщин, вызываемом сокращением штатов, особую осторожность в отношении наиболее необеспеченных и экономически неустойчивых групп (одинокие женщины и бесприютные девушки, беременные, матери-одиночки, женщины с малолетними детьми). А также оказывать помощь безработным женщинам недостаточной квалификации.

Предлагалось открывать дома временного пребывания для приезжих необеспеченных девушек, создавать для них артели промышленного и земледельческого типа, проявлять заботу о беспризорных детях.

Тогда это было нужно. А кому это нужно теперь? Найдите хоть один документ муниципального или федерального уровня, в котором откровенно признавалось бы наличие в нашем городе или области этой самой проституции. Нет такого документа.

Между тем, как свидетельствует статистика, профессионально проституцией занимается 0,5-1% от общей численности населения, а это значит, что в Таганроге в этом бизнесе промышляет более тысячи девушек, в Ростове – более

пяти тысяч, а в целом по России – более полумиллиона человек. Еще 500000 – подпольными фирмами командированы «на заработки» в дальнее зарубежье.

Миллион неустроенных судеб. Миллион несостоявшихся семей. Миллионы нерожденных детей... И все потому, что и общество в целом, и номенклатурно-олигархическая власть нового капитализма предпочитают идти по проторенному пути либо небескорыстного игнорирования проституции как явления, либо осуждения проституток. И категорически не желают признать формулу Маркса.

Деньги – это эквивалент тех товаров и услуг, которые могут быть предложены обществу. Их не меньше и не больше, чем этих товаров и услуг. На этом равновесии держится вся экономика. Это первое условие. Второе – деньги, как и энергия, не могут возникнуть из ничего или исчезнуть в никуда. Просто они перетекают из одной части общества в другую.

Иначе говоря, если у меня на зарплату госслужащего появился «Джип», то это значит, что кому-то не выплачена стипендия. Если мой сосед на ту же зарплату приобрел «Вольво» – это значит, что матери-одиночки не получили детских пособий. А вот теперь, если мы с соседом заправимся как следует виски, сядем в свои машины и поедем проветриться, то обязательно встретим по дороге и студентку, и мать-одиночку. Где? На панели.

На этом закончим введение в краткий курс политэкономии и перейдем к конкретному свидетельству. Это фрагмент беседы с Мариной Ш. 1974 года рождения (беседа записана 12.12.99 г.).

«В нашем деле я уже десять лет. Начинала соплячкой, школьницей. В девятом классе тогда училась. Насмотрелись мы с девчонками фильмов об интердевочках. Ретивое взыграло. Решили попробовать.

Три подружки нас было. Втроем и с веселыми ребятами познакомились. Ну, не ребятами, конечно. Они мужики семейные были. Нам по шестнадцать, а им лет 30-35. Кооперативщики. Какие-то они там махинации с банковскими кредитами прокручивали. Но мы в это не вникали. Платят и ладно.

Ребята наши денег не жалели. Время проводили в основном в саунах, на базах отдыха или на дачах. Часто к ним какие-то партнеры приезжали или, как они говорили, «нужные люди».

Тогда мы с ними развлекались. А иногда нас просто передавали другим кооперативщикам. На время. На неделю, на месяц.

В то время на улицах девчонки еще не стояли. Нас по телефону вызывали. Но уже тогда таких, как мы немало было. Кое-кого кооперативщики к себе на работу брали. Кого секретарем, кого продавцом. Но это так, по совместительству. Главной работой прежняя оставалась.

А года через три-четыре всех этих кооперативщиков как корова языком слизала. Кто разорился, кто сбежал, а кого-то и убили. И компания моя «ночных бабочек» (так мы себя тогда называли) рассыпалась. Ирка замуж вышла. Удачно. За милиционера. А Анжела СПИД подхватила. Три года назад умерла. В общем, осталась я одна.

Ну вот, а тогда, в 94-м году, что-то произошло. Я хоть и совсем зеленая была, а сообразила: клиент меняется. Раньше мы на свое дело как на забаву смотрели. Весело, приятно, еще и деньги платят. Ну, не без разборок, конечно. Иногда можно было и по морде схлопотать. А с 94-го года клиент жесткий пошел.

С кооперативщиками мы вроде как дружили. И они нас жалели, и мы на них как на любовников смотрели. А эти нет... По-прежнему вызывали по телефону. Платили. Но чувствую, что презируют, как на кусок мяса смотрят. То групповуху затеют, то еще какое-нибудь паскудство. И при этом поиздеваться стараются.

Кто они были? Да всякие: и торгаши, и залетные, и из банков, и из комитетов, и менты, и таможня. Вот только с бандитами я никогда не связывалась.

Кого больше? Ну, наверное, клерков от коммерции и госслужбы. Крутые услугами уличных не пользуются.

А через пару лет звонки прекратились. Безработной я стала. А почему – не могу понять. Вышла на улицу и ахнула. Батюшки! Да на каждом углу толпа девчонок. Конкуренция! Понемногу разобралась.

В кабаки нечего соваться. Там свой контингент. И своя «крыша». Если и не убьют, то сделают очень больно. В саунах свои девочки по вызову. Это элита нашего «профсоюза». Значит, остается улица.

Но улицы тоже все разбиты по участкам. На каждом участке своя бригада. Во главе – бригадирша. Хочешь стоять – бригадирше отстегивай, а она уже с ментами расплачивается.

Самая демократичная улица Греческая. Она разбита на три участка: «Театральный сквер», «Таганрогская правда», «Солнечные часы». У входа в читальный зал библиотеки Чехова всегда ментовская машина дежурит, нас охраняет. Контингент здесь постоянный, но периодически сменяемый. Новеньких стараются быстренько «посадить на иглу». Тогда они все, что зарабатывают (за вычетом бригадирских), будут на наркотики тратить. Сгорают быстро. Год – два и кранты. Потом новенькие приходят.

А наркотиками думаю, снабжают те, кому бригадирши «налог» отдают. Могут и точки назвать, где колются.

На Греческой я уже ветеран. Пятый год стою. И выживаю только потому, что прихожу редко. Заработала на жизнь – и ладно. К бригадам не прибиваюсь: снаркотят быстро. На работу в компании или за город стараюсь не ездить. Чурок обхожу стороной. Звери. Богатых папенькиных сынков тоже боюсь. Самые жестокие. Если не убьют, то покалечат. Когда менты нас на «субботники» забирают (так называется бесплатная отработка в их компаниях), не отказываюсь. Можно последнего куска хлеба лишиться.

Вот так и живу. Многих подружек похоронила, многим передачи в больницу ношу. Кое-кого посадили: клиентов обкрадывали. Приютила у себя бездомную девчонку несовершеннолетнюю. Чтоб в притон не попала. Может, поблагодарит когда.

А вообще по Греческой можно определять, что в городе делается. Вот появляются медсестры. Значит, врачам зарплату не дали. Потом знакомлюсь с учительницей. Тоже все понятно. К концу месяца студентки табуном валят...

Чего хочу? Замуж. И хочу, и боюсь. За кого замуж-то? Кругом одни отморозки. Нормальных людей, наверное, уже и не осталось. А может, это я сама отморозком стала. Ни любить, ни плакать... Знаете, как в сказке о Снежной Королеве: приходят сюда на Греческую трепетные девчонки – по нужде приходят, – а потом попадет в сердце льдинка – и все. Не жена она уже, не любовница, не мать...»

Постоянно задаюсь вопросом: в какой России хотят жить в будущем наши нынешние власть имущие? Они клянутся, что в богатой и счастливой. Но кто ее такой сделает? Давайте

немного сосредоточимся и внимательно проследим за цифрами демографии. Сегодня в России проживает боле 140 млн. человек. Из них 40 млн. – пенсионеры. 36,7 млн. детей, школьников и студентов. 65 млн. – взрослое, способное к воспроизводству население.

Обратите внимание на цифры 65 и 36,7. Это значит, что в каждой семье в среднем по одному ребенку. Это значит, что через 25 лет, когда Бог призовет к себе всех сегодняшних пенсионеров, на их место станет нынешнее репродуктивное население и соотношение трех магических цифр станет уже таким: 65 млн. – пенсионеров, 36,7 млн. – репродуктивных, 18 млн. – детей (именно 18, так как в каждой семье будет по-прежнему по одному ребенку).

Спроецируем ситуацию еще на четверть века вперед. В 2050 году Россию будет населять 60 млн. человек. Это в лучшем случае. В самом благоприятном. Но если учесть, что уже десять лет подряд население России ежегодно сокращается на один миллион человек (смертность превышает рождаемость), и если эта тенденция сохранится, то к 2050 году Россию будет населять всего 10 млн. человек.

Уже сегодня восьмилетних детей в три раза меньше, чем восемнадцатилетних юношей и девушек. А это значит, что через десять лет наша армия сама по себе уменьшится втрое. Неужели вы думаете, что 10-миллиардное население планеты (к 2050 году) позволит 10 миллионам наших потомков (соотношение 1000: 1) занимать одну шестую часть Земли?

Это и есть апокалипсис России. Через полвека ее уже не будет на политической карте мира. И если наши власть имущие это понимают, то тогда и я понимаю, почему все миллиарды долларов России уплывают в зарубежные банки. Но те, у кого нет счетов в «Бэнк оф Нью-Йорк», или в Швейцарии, или на Кипре, одумайтесь! И даже те, у кого есть солидные сбережения (здесь и сейчас), которых хватит на три поколения, не обольщайтесь. Деньги будут, поколения – нет!

Половина взрослого мужского населения поражена алкоголизмом. Каждый третий из молодых уже пробовал наркотики. Восемь из десяти детей рождается с отклонениями от физиологической и психической нормы. Количество больных СПИДом за прошлый год только в нашем регионе увеличилось на тысячу человек. Гаснет инстинкт материнства: при живых

родителей в детских домах содержится сегодня около миллиона детей. Идет нравственное и физическое вырождение нации.

«Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержанны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся».

Это апостол Павел. Все это он предвидел еще две тысячи лет назад. А он знал, что говорил.

Не успокаивайте себя тем, что в вашей семье все нормально. Ваша дочь – не проститутка (пока). У вас есть работа, связи, сбережения. Это самообман. И в комфортабельной каюте тонущего корабля можно до поры до времени чувствовать себя уютно. И при этом испытывать свое превосходство над теми, кто уже ниже ватерлинии. Вот только не нужно, подобно тем мужичкам у пивного ларька, возвращать на их беде свое чувство собственного достоинства. Пусть первый, кто без греха, бросит в них камень.

ФОРМУЛА

БЕДЫ

А случилось то, что и должно было случиться. Что не могло не случиться. Все последующие события уже были заложены в ту сжатую пружину, которая начала стремительно распрямляться в тот самый момент, когда родители Инны решили, что она вместе с двумя детьми должна жить отдельно от них.

Возможно, они тогда заботились о ее благе: живя совместно с родителями, личную жизнь не устроишь. А может быть, руководствовались вполне эгоистичным желанием избавиться от хлопот: не всем нравится в расцвете сил и здоровья возиться с внуками.

Как бы то ни было, а Инну отправили «на поселение» в деревню.

Но отселить – это еще не значит снять с себя ответственность за дальнейшую судьбу дочери и внуков, тем более что судьба Инны уже была непростой.

«Личная жизнь моей дочери практически не сложилась с самого начала, – расскажет потом мать Инны – Галина Николаевна следователю прокуратуры. – Она закончила институт, вышла замуж и уехала в Минеральные Воды. Вскоре ее первый муж загулял, и она вернулась домой. От первого брака у нее остался сын Дмитрий. Потом она вышла замуж второй раз. Этот муж сильно пьянствовал, и она с ним рассталась. От второго брака у нее дочь Юля...»

Вот здесь бы и опомниться, остановиться, задуматься над тем, что теперь, кроме личной жизни Инны и ее родителей, появились еще две жизни, две судьбы – Дмитрия и Юли, понять, что три взрослых человека, безусловно, отвечают за них и перед Богом, и перед людьми.

На одной чаше весов оказалась любовь к самому близкому, на другой – к себе, самому дорогому, на одной – мораль христианская, на другой – мораль советская, языческая, атеистическая. Вторая чаша оказалась весомее, и было принято решение о разделении семьи.

Родители со своей благополучной судьбой остались в городе, а Инна со своей «несложившейся личной жизнью» и с двумя детьми поехала в деревню, где родители загодя купили ей полдома. С этого все и началось.

А деревня даже не подозревала, какие потрясения ее ожидают в самом ближайшем будущем, сколько судеб будет

поломано в первый же день приезда Инны в Бессергеновку.

Деревня жила своей жизнью. Здесь все у всех на виду. Жителей меньше тысячи. Откровенно бедствующих единицы. Кормятся и от земли, и от работы в городе, и море не лишает своих даров. И все же эти благоприятные условия никого не располагают к благодущию. Все знают, что каждый кусок приходится зарабатывать тяжким трудом.

Женщины не разгибаются в огородах. Мужчины после трудового дня в городе не отлеживаются на диванах – вламывают по хозяйству до поздней ночи. Когда одну из деревенских спросили: «Бабы, почему вы такие злые?», она ответила: «Потому что у нас мужья дюже суровые». Каждый выживает, как может.

Но зато и праздники в деревне отмечают так, как в городе и не снилось: широко, раздольно, с песнями и танцами под гармошку, с длинной чередой похмельных дней. А когда эти праздники спрессовываются в годы, то не все выдерживают этот кошмарный ритм труда и разгула. Кто-то по инерции задерживается в «праздниках» до конца жизни. И тогда рушатся личные хозяйства, а окончательно спившиеся, оставшиеся без работы каждое утро собираются на обрыве у берега моря в размышлении, как бы «поправить» здоровье.

Но и те, кто еще не дошел до жизни такой, никогда не откажутся от дармовой стопки, не брезгуют и любой работой, за которую сулят магарыч.

Не отказался и Виктор, когда однажды среди дня пришел к нему приятель и рассказал, что недавно каким-то городским продал половину своего дома, а вот теперь приехала новая хозяйка и надо бы помочь разгрузить и перенести ее скарб, а заодно и новоселье отметить. И Виктор пошел на магарычевое дело.

Этот день он запомнил навсегда: 25 марта 1990 года. Инна сразу же поразила Виктора своей статностью, молодостью и красотой. И была в ней какая-то тайна, загадка, которая завораживала и манила, обещая то счастье, которое можно было увидеть только в кино.

В общем, Виктор влюбился с первого же взгляда. И с каждой минутой это чувство в нем крепло и росло. А когда перенесли вещи, расставили все по своим местам, сели отметить новоселье,

выпили и закусили, он понял, что уже просто не может отсюда уйти, что дом, жена, дети – это уже не его, а совсем другая, чужая жизнь, а в этой жизни есть только он и Инна. Инна и он.

Виктор не вернулся домой в семью ни в этот день, ни в последующие долгие девять лет.

А Инну деревня не приняла сразу же и категорически: мало того, что с двумя детьми от разных мужей, так еще и чужого мужа умыкнула в одночасье. Бессергеновка загудела, как улей. Мужички помоложе скабрёзно ухмылялись, постарше – надсадно крякали, а женщины негодовали: кто злорадно, кто искренне, а кто и ошеломленно, разводя руками. Однако не было ни одного человека, кто заподозрил бы в «преступной» связи Виктора и Инны настоящее и большое чувство.

«Ешь с голоду, а люби смолоду, – поучали старики. – Какое там чувство? Сорок лет мужику, жена, дети взрослые... Шляя под хвост попала. На свежатинку потянуло. Ничего, перебесится и домой вернется...»

«На чужом несчастье счастья не построишь, – сокрушенно вздыхали старухи. – Молодая еще, на двенадцать лет моложе Виктора, горя не хлебала, а иначе бы знала, что такое осиротить чужую семью...»

«Не любовь это, бабоньки, а бесовщина, – шептались молодые, – вынет она у него всю душу, а потом и за наших мужиков примется...»

И во всех этих пересудах была своя правда, от которой никуда не уйдешь. Виктор бездумно разрушил свою семью, нанес ей боль и оскорбление и вместе с Инной совершил не просто опрометчивый поступок, достойный порицания или осуждения, а бросил вызов деревне. И деревня этот вызов приняла и заняла круговую оборону.

Уже утром 26 марта Виктор и Инна стали изгоями, мишенью всех насмешек и злословья, предметом сплетен и нравоучительных семейных бесед. Они стали прокаженными, от которых все шарахались и боялись подать руку. И уж если такая беда случилась, им бы сразу понять, что добром все это не кончится, и бежать бы им из деревни стремглав, без оглядки, на край света, предварительно покаявшись и повинившись перед бывшими домочадцами Виктора, но они этого не сделали, понадеявшись, что авось пронесет, авось притрется, авось стерпится да слюбится. И этим подписали себе приговор. И не

только себе, но и всем близким и родным людям.

– Ну, а как вы относились к этому браку? – спросит уже потом, девять лет спустя, следователь прокуратуры Корикова у матери Инны.

– Плохо! Очень плохо, – решительно ответит Галина Николаевна. – Мы ведь с мужем знали, какой он человек...

– И какой же? – Да с ним даже родная мать не захотела жить.

– То есть?..

– А вот так. Когда ему исполнилось восемнадцать лет, мать отдала ему и его сестре свой дом, а сама ушла жить в другое место. И что бы вы думали? И сестра с ним жить не смогла – ушла.

– А вы, Галина Николаевна, узнавали, как он жил со своей первой семьей? – поинтересовалась Корикова.

– А как же! У него было двое детей. Сейчас они уже взрослые. Да и тогда были не маленькие. А жену он систематически избивал, а потом, в конце концов, ее спойл. Как видите, все повторяется.

– К Инне он относился лучше?

– Да что вы?! – как от наваждения отмахнулась Галина Николаевна. – Он вообще по складу характера садист. А здесь еще ревность. Он считал ее гулящей, оскорблял при детях, постоянно избивал.

– И вы не вмешивались? Не пытались его приструнить?

– Почему же это не пытались? Мы с мужем, отчимом Инны, приезжали в Бессергеновку, заступались за нее. Но мне кажется, что от этого было еще хуже.

– Это почему же?

– Так ведь он однажды и меня избил, – выпалила Галина Николаевна и внимательным оценивающим взглядом посмотрела на следователя.

– А в милицию обращались? – не выдавая своей реакции на предыдущий ответ, спросила Корикова.

– Не только обращались, но и на пятнадцать суток его однажды определили. И что вы думаете?

Корикова промолчала.

– Он через десять дней домой вернулся. Вы Виктора не знаете. Он очень хитрый человек. А когда трезвый, умеет просто

влезть в душу. Вот это его и спасало. Инна – слабохарактерная женщина. Он с ней поговорит – она его и прощает. Да и любила она его, очень за ним ухаживала, буквально прислуживала ему.

– Ну, а как он относился к детям? – уже заканчивая допрос, спросит Корикова.

– Плохо! Очень плохо, – ответит Галина Николаевна. – Избивал их так же, как и Инну. Дети боялись его и почти постоянно жили у меня. А когда подросли, сами стали вызывать милицию. Из-за Виктора внук Дима и учебу бросил. А как ему учиться, если отчим все ночи напролет буянит?

Корикова попрощалась с Галиной Николаевной, закончила оформление протокола допроса свидетеля и еще раз перечитала его.

То, что рассказала мать Инны, в корне отличалось от показаний матери Виктора. Корикова перелистала папку уголовного дела. Так, где они? Вот: листы дела номера 43 и 44.

«Надежда Григорьевна, пенсионерка, 1925 года рождения, проживает в селе Бессергеновка».

«С первой семьей Виктор жил хорошо. И никаких претензий к его первой жене у нас не было. И она, и старшие дети просили Виктора вернуться домой. Значит, он им был нужен. Значит, они ценили и любили его. А что была за человек Инна, все видели: дети от разных мужей. А она пила, гуляла, за детьми не ухаживала. В доме у нее нечего было есть. Везде грязь, детвора голодная, холодная.

Конечно, это не нравилось Виктору. Поэтому и были драки. Так ведь она сама бросалась на него, избивала, поломала переносицу.

А в этом году, в январе, ее сын ударил Виктора ножом в спину. Виктор пожалел его, заявлять в милицию не стал, долго лежал в больнице.

Что она имела против сына, я не знаю. Он всю жизнь работал, чтобы прокормить семью. И ничего, кроме работы, не знал. А Инна только пьянствовала. Наше село маленькое, и все происходило у всех на глазах. Люди были возмущены ее поведением и уже собирали подписи, чтобы лишить ее материнства...»

Корикова, как опытный следователь, понимала, что, с учетом поправки на стремление оправдать своего собственного ребенка и с той, и с другой стороны, претензии и тещи, и свекрови

все же в целом были и объективны, и справедливы.

О том, что Инна злоупотребляла спиртными напитками, свидетельствуют не только показания людей, которые ее хорошо знали, но и официальный документ – справка наркодиспансера, где Инна состояла на учете с 1996 года.

Но и Виктора трудно назвать пострадавшей стороной. Его мать, Надежда Григорьевна, сама подтверждает: «Конечно, сын, как мужчина, мог выпить, но ведь он всю жизнь работал, старался для семьи и терпел пьянку Инны». Да и дочь Виктора от первого брака, Оксана, того же мнения: «... бывало, что отец выпивал, но я не считаю его алкоголиком, он все время работал».

Что в понятиях той и другой женщин является «злоупотреблением», трудно сказать, но вполне очевидно, что распространенное в Бессергеновке бытовое пьянство (помните деревенские праздники?) для них вполне терпимая норма. И последствия этой нормы их не удручают:

- 29 декабря 1997 года Виктор избил свою шестилетнюю дочь Надежду (это его общий ребенок с Инной), девочка попала в больницу;

- 10 июня 1998 года Виктор осужден на шесть месяцев исправительных работ (условно) за бытовой дебош;

- 7 октября 1998 года за те же действия оштрафован на 18 рублей;

- 1 декабря 1998 года взрыв насилия продолжается, и Виктор оштрафован на 10 рублей;

- 4 апреля 1999 года он избивает жену уже с таким остервенением, что ему вновь грозит судебное разбирательство, однако милиция проявляет «терпимость» и в возбуждении уголовного дела отказывает.

До трагической развязки остается всего три месяца.

Наш народ никогда не отличался тихим и смирным нравом. А все более поздние легенды о необыкновенном терпении и терпимости русского народа относятся скорее к области желаемого, чем к действительности. Свидетельством тому вся кровавая история России, «бессмысленность и беспощадность» которой заставили вздрогнуть еще Пушкина.

Летописец Нестор, говоря об обычаях и нравах первославян, 900 лет назад отмечал:

«А живяху они звериньским образом, живуще по-скотски:

убиваху друг друга, ядяху все нечисто, и брака у них не бываше, но умыкиваху уводы девица».

Думается, что эти строки не нуждаются в переводе: и убийства, и дичайшая нечистоплотность, и несоблюдение постов, и стремление умыкнуть чужую девицу, чужих мужа или жену сохранились и по сей день. Не помогло и тысячелетнее христианство на Руси.

Именно неумение терпеть, достойно переживать удары судьбы и тяжелые обстоятельства были и остаются главной бедой русского народа.

Церковь учила и учит, что нет для человека страшнее врага, чем он сам, что если хочешь изменить свою жизнь, окружающий тебя мир, то нужно прежде всего изменить себя. В этом и есть революционность всеобъемлющего учения Христа: мир вокруг тебя таков, каков ты сам. Подави в себе зло, и оно исчезнет в окружающих.

«Не судите да не судимы будете» – это значит, что в любых ситуациях не ищи виноватых. Ничто не происходит без твоей собственной вины. Даже если она и не очевидна. «Не противься злом насилию» – значит, не позволяй страстям возобладать над разумом. Даже насилие воспринимай, как испытание: сможешь не ответить на него злом – сохранишь себя, не сможешь – разрушишь сначала себя, а уже потом противника.

Девятьсот лет подряд Церковь по кирпичику выстраивала души россиян, девять столетий внушала: «Да прилепится жена к мужу и станут они одна плоть», «Возлюби ближнего своего, как самого себя» (а кто ближе мужу, чем домашние его?) и добилась-таки успеха в семейном строительстве, а вот в государственном – проморгала. И на долгие сто лет вместе с государством начала рушиться и семья.

Поверили большевикам, а не Церкви: убьем царя и жизнь станет лучше, перережем буржуев и сами разбогатеем, утопим в крови белую контрреволюцию и будем счастливы.

А потом были кулаки, враги народа, отречение от родителей, доносительство на жену и детей. И утвердилась абсолютная уверенность, что справедливости и счастья можно достигнуть только насилием, только борьбой, только силой.

Через четыре поколения напрочь выветрились христианские истины. Стремительность, безжалостность и беспощадность, граничащие с жестокостью, становились основными принципами

нашей жизни, а сомнения, сочувствие, сострадание, терпение и терпимость перешли в разряд качеств атавистических, отмирающих и уходящих.

В результате селекции родилась новая общность людей – советский народ, которому свойственно стало мгновенно и только силой решать все внешние проблемы. Да и проблемы внутренние, личные «новая общность» стала решать тоже насилем: хлопнул по организму бутылкой водки – и нет никаких проблем. И пошли тотальное насилие и общенациональный алкоголизм рука об руку. Друг без друга они уже немислимы.

Государственное насилие и безнравственность власти (при полном вырождении культуры) трансформируются во всеобщую алкоголизацию, а алкоголизм взрывается актами насилия в семьях. И опять «живяxu они звериньским образом, живуще поскотски: убиваху друг друга...» Как будто и не было тысячи лет христианства на Руси...

Однако первые годы совместной жизни Инны и Виктора в Бессергеновке не были ознаменованы ни пьянством, ни насилем. Они действительно любили друг друга и стоически выдерживали и сплетни, и злословие, и откровенную вражду окружающих.

Именно тогда Инна, по словам Галины Николаевны, «очень ухаживала» за Виктором, «буквально прислуживала ему». И Виктору некогда было пить, «он только работал, чтобы прокормить семью», как отметит Надежда Григорьевна. Точнее, две семьи: дети от первого брака тоже нуждались в расходах. А прокормить пятерых – дело нелегкое.

Ни Виктор, ни Инна тогда еще не понимали, что взвалили на себя ношу непосильную. Это ведь только кажется, что стоит жениться или выйти замуж по любви, родить ребенка – и дальше сама жизнь начнет одаривать тебя счастьем и благополучием. Ну, а если это не случится, то и развестись недолго.

Инна к тому времени свой лимит разводов уже исчерпала. И после рождения третьего ребенка вдруг со всей ясностью осознала, что она уже до конца жизни лишена права выбора: с тремя детьми ее никто и никогда больше не возьмет замуж. Значит, Виктор – это ее последний причал. И где? Во враждебном окружении, рядом с еще дымящимися развалинами бывшей семьи Виктора, которая ежедневно пытается вернуть его назад, в опостылевшей деревне, где даже сортир в огороде, где нужно

топить печь, таскать из колодца воду, стирать, убирать, готовить еду, гложуть ежедневно от воплей маленьких детей, копать огород, поливать грядки и долгими зимними вечерами и ночами прислушиваться, как волком воет ветер в печных трубах.

Вот это и есть семейное счастье? Ради этого она училась в институте, ходила в театр, читала книги, мечтала?

И она поняла, что это – конец, что она навсегда похоронила себя в этом склепе «семейного счастья».

От желанья наложить на себя руки спасали только деревенские праздники. Когда Инна выпивала, то отступали и боль, и отчаяние, и безысходность. И все казалось не так уж плохо. Водка стала лекарством. И потребовались долгие пять лет, чтобы Инна наконец стала такой, какой, к своей великой радости, ее увидели и односельчане, и родственники Виктора, чтобы наконец смог прорваться наружу их «благородный» гнев.

Если человеку ежедневно внушать, что он свинья, то рано или поздно он обязательно захрюкает. Не оставался в стороне от этого внушения и Виктор. Сплетни, пересуды, злоречие соседей и друзей не обходили его стороной и не могли не сказаться на его отношении к Инне.

Он крепился и терпел, сколько мог. Но когда, возвращаясь домой после работы, стал все чаще заставлять молодую жену в состоянии подпития, ему начинало казаться, что напраслины, возведенные на нее, все-таки имеют под собой какие-то основания. И подозрения ширились и росли, и закипала глухая обида.

Нет, его возмущало не то, что она пьет – ведь пили же они вместе, и немало, а то, что она пьет, без него: значит, есть другие, с кем у нее находятся общие интересы. «Другими» могли быть только мужчины (он даже не подозревал, что пить можно в одиночку). Следовательно, все, что о ней говорят в деревне, справедливо и требует возмездия. Вот так и началось рукоприкладство.

Даже из этой ситуации еще был выход. И даже два.

Во-первых, еще можно было, да и нужно, бежать из деревни. Еще можно было, осознав, в какую беду они попали, вместе пройти курс лечения, вместе, помогая друг другу, наладить семейные отношения, вместе обратиться за помощью к Церкви, которая сделала бы их жизнь осмысленной, милостивой и терпимой. Но не случилось...

Во-вторых, как ни больно, как ни страшно остаться в одиночестве и без поддержки, еще оставалась возможность совершить решительный и единственно верный шаг – расторгнуть брак.

Конечно, это событие было бы драматическим, но оно не привело бы к той трагедии, которая уже была расписана по всем актам и оставалось только открыть занавес.

Виктор и Инна все же переехали в Таганрог. Но произошло это тогда, когда что-либо изменить в их отношениях уже было невозможно.

Инна прошла курс лечения в наркодиспансере. Но, возвратившись из больницы, она снова окунулась в образ жизни, навязанный деревней, и от которого Виктор уже не мог отказаться и в городе.

Накопленные обиды и агрессия требовали сначала алкогольного успокоения, а затем решительного выхода в ссоры, скандалы и драки. Вот тогда и начался тот «послужной список» приводов в милицию, который был перечислен выше: избиения жены, детей, штрафы, судимость, отказ в возбуждении последнего уголовного дела...

До трагической развязки оставалось всего три месяца. И пролетели они мгновенно.

7 июля Инна отмечала свой последний в жизни день рождения. Ей исполнилось 37 лет. Праздновали шумно и весело. Вино и самогон лились рекой. Шутили, смеялись, слушали музыку, и казалось Виктору и Инне, что они возвратились в прошлое, на девять лет назад, в свои первые медовые месяцы безрассудной и безоглядной любви.

«Я тоже пришла на день рождения, – вспоминает дочь Виктора от первого брака Оксана, – и мне кажется, что обстановка в семье у них была хорошая. Никаких намеков на беду. Напротив, они были очень дружны между собой, рассказывали что-то о своих планах по ведению хозяйства. Я даже порадовалась за них».

А потом Оксана ушла. А праздник продолжался.

На следующий день похмелялись. «Поправляли здоровье» и на третий день. Где-то в промежутке этих угарных часов, когда в глубине помутненного сознания снова всколыхнулись обида и агрессия, Инна вдруг внезапно заявила:

– Хватит! Собирайся и уходи. Больше я с тобой жить не буду...

И уже потом, совершенно отключаясь, стала что-то бормотать о своей первой любви, о том, что бывший муж ее до сих пор любит, что он просит ее вернуться, что скоро вернется сам и вообще...

– Сроку даю тебе до сентября. Собирайся и уходи, – подытожила Инна.

А потом снова пили. Утром 10 июля приехали какие-то Евгений и Зина, фамилий которых никто не знал и узнать не пытался. Здесь давно уже никто и никем не интересовался.

Потом гости уехали, а Инна взяла купальник и ушла на пляж.

Виктора окончательно поразило то, что она даже не стала объяснять, куда и зачем уходит. Он понял, что теряет Инну окончательно и навсегда, что ее угроза расстаться с ним – не пьяный бред и не шутка...

Уже поздно вечером, когда Инна вернулась домой, ее ждала сокрушительная и беспощадная встреча. Удары руками сменялись ударами ног, затрещал выбитый зуб.

– Ты изуродовала, уничтожила мою жизнь! Ты не должна жить, – слышала она причитания Виктора между ударами.

А потом почувствовала, что на нее льется какая-то жидкость и по запаху поняла: растворитель. И даже не успев сообразить, что происходит, ощутила, что горит.

Пламя вспыхнуло мгновенно. И живой факел сначала заметался по комнате из стороны в сторону, а затем рухнул на пол.

Только этот всепожирающий чистый и ясный огонь и привел Виктора в чувство. Он увидел, что неосознанно совершил что-то непоправимое, что-то такое, что уже бесповоротно изменит всю его жизнь. Он схватил покрывало, набросил его на Инну и стал сбивать пламя.

...Через двенадцать дней, ни на минуту не теряя сознание, в страшных мучениях Инна умерла в больнице скорой медицинской помощи.

Когда Виктор предстал перед судом, то и судья Васильев, и народные заседатели внутренне содрогнулись, глядя на него. Перед ними сидел человек, по одному взгляду которого было

ясно, какой ад он несет в своей душе. Оказывается, не нужно умирать, чтобы дожидаться наказания за грехи, совершенные в этой жизни. Наказание (и вовсе не судебное) настигает человека и на этом свете. Обвиняемого оно уже настигло.

От него отвернулись односельчане. На допросе, перед смертью, Инна сказала, что не знает друзей мужа и их адреса. Потому что у него не было друзей. Это был кромешно одинокий человек. Его жизнь не интересовала даже любимую жену: Инна не знала, ни где работает муж, ни кем. Знала только, что пьет.

Первая жена Виктора, не выдержав разлуки, умерла. Старшие дети, разлетевшись из отчего дома, тоже унесли с собой обиду и отношений с отцом не поддерживали.

Да и сам отчий дом Виктор продал, а вырученные деньги пропил вместе с Инной. И уже навсегда остался без своей крыши над головой.

За разрушенную семью и пропитый дом стыдно было перед матерью, и в деревне он больше не показывался. Да и Надежда Григорьевна практически отказалась от сына и в город к нему не приезжала.

От несчастных супругов отказались и родственники Инны. Отчим даже не навестил пострадавшую в больнице. А теща ничего не испытывает к зятю, кроме вражды.

Младших девочек бабушка отдала в детский дом, а с собой оставила только внука. Но и судьба Димы весьма туманна. «Очень неприятный ребенок», – говорят о нем соседи. Да уж какая здесь приятность, если пырнул отчима ножом?

Но ведь и это – результат воспитания Виктора, итог его жизни.

Как катком прошла преступная любовь Виктора по трем поколениям: муж остался без жен, дети – без матерей и отца, бабушки – без детей и внуков. И даже соседи, прожив с Виктором и Инной бок о бок почти три года, не знали их фамилии. Исчезла фамилия. Прекратилась.

Перед судом сидел одновременно и преступник, и жертва своего собственного преступления.

Учтя все обстоятельства дела и даже то, как он сам себя наказал, суд приговорил Виктора к шести годам лишения свободы. Через неделю после приговора осужденный отметил в тюрьме свой 49-й год рождения, но радости это событие ему уже принесло. Жизнь закончилась.

Страх

Профессиональные антиквары Таганрога и по сей день боятся обсуждать эту тему. Со многими из них я пытался поговорить, «подкатываясь» издали, намеками, лишь только обозначая предмет разговора, но как только они начинали понимать, о чем идет речь, их общительность и дружелюбие исчезали мгновенно. У всех появлялись неотложные дела, все начинали торопиться, суетиться и, пряча глаза, каждый совал руку для прощания, чтобы больше никогда не встречаться.

И только один из них, после долгих разговоров ни о чем, размякнув от выпитой водки и жаркого полуденного солнца, вдруг ни с того ни с сего брякнул:

– Понимаешь, не убийство это было... Не убийство, а казнь! Чтобы все видели и знали. Чтобы всем в назидание. А поэтому никто и никогда не раскроет это преступление.

Он сам удивился своей храбрости и застыл с полуоткрытым ртом. А потом, то ли извиняясь, то ли оправдываясь и оправдывая тех, других, с фальшивой веселостью добавил:

– А казнь – это вовсе и не преступление. Казнь есть казнь: законный акт наказания...

Но теперь и в его расширенных зрачках заметался пожар настоящего всепожирающего страха. Он понял, что сболтнул лишнее. И мы, конечно же, сразу расстались. И не по моей инициативе.

С версией гибели Валерия Яскевича как казни, я столкнулся впервые, и она меня поразила своей универсальной простотой. Принимая ее как единственную, не нужно ломать голову над тем, почему вот уже шестой год это уголовное дело остается незакрытым и не доведенным до обвинительного заключения. Согласившись с этой версией, начинаешь понимать, почему следственные органы отказываются видеть очевидное и слышать то, о чем галдят уже на каждом перекрестке.

А слухи эти, как вы видите из высказываний «болтливого» антиквара, связывают вместе и накрепко и преступников, и правоохранительные органы. И если для преступников слухи о такой связи более чем лестны, то для правоохранительных органов – отнюдь. А тем более в пору начинающейся кампании по борьбе с коррупцией. И сегодня, как никогда, стоило бы постоять за честь мундира. И не столько перед вышестоящим начальством, сколько перед электоратом, которому скоро снова идти на выборы.

Когда подобные ситуации (если они вообще возможны) складываются в цивилизованных странах, их разрешают предельно просто: и судьи, и прокуроры, и комиссары полиции не гнушаются собирать пресс-конференции, на которых, совершенно не в ущерб тайне следствия, информируют налогоплательщиков о том, как они отработывают их деньги. Тем самым разрушается сама почва для зарождения слухов и гасится никому ненужный ажиотаж. У нас же многозначительным и гробовым молчанием правоохранительные органы не только демонстрируют свою абсолютную независимость от налогоплательщиков, но и свое пренебрежение к ним, тем самым порождая ответную недоброжелательность и самые невероятные слухи.

Однажды в доверительной беседе один молодой лейтенант милиции задал мне наивно-простодушный вопрос, который, как я понял, давно и мучительно не давал ему покоя:

– Скажите, – напористо спросил он, прямо глядя в глаза, – за что нас не любят люди? Мы охраняем их покой. Мы бьемся со всякими отморозками. Мы нередко рискуем и здоровьем, и жизнью. А в ответ получаем если не открытую, то глухую неприязнь...

Тогда я начал в ответ выстраивать какую-то цепь исторических, экономических и психологических доводов, а сейчас отвечу проще: да вот за это самое и не любим, за то, что я только что сказал выше. При этом в круговую информационную оборону становятся только начальники, а нелюбовь и подозрения здесь же, как цепная реакция, распространяются и на всех их подчиненных.

А вот мой хороший знакомый, с которым я общаюсь без малого вот уже четверть века, всю свою жизнь посвятил оперативно-розыскной и следственной работе. Назовем его для простоты Иваном Ивановичем. Так вот, он еще на начальном пути своей милицейской карьеры прослыл человеком кристально чистым и честным. И не только среди своих коллег, но, что самое главное, и в криминальном мире. А такое бывает не часто. Может быть, поэтому и не дослужился до больших звезд, и в отставку ушел еще полным сил и энергии. Однако никаких частных сыскных агентств создавать не стал, а сразу занялся садоводством.

– Не приживутся у нас эти агентства, – отмахивался он от предложений. – Рано или поздно законфликтуют с правоохранительными органами...

– Почему? – допытывался я у него.
– Да потому! – отвечал он с раздражением и окончательно закрывал тему. И до меня наконец доходило, что и друзьям не нужно знать всего. А тем более журналистам.

Вот к нему-то, к Иванычу, я и отправился ранним утром за ответами на мучившие меня вопросы, связанные с делом Валерия Яскевича.

Встретились – будто век не виделись. А после ритуальных рукопожатий, объятий, почмокиваний и похлопываний удобно расположились за столом под огромными развесистыми черешнями. Приступили к дегустации.

– Только не ври, что соскучился, – сразу предупредил Иванович. – Да оно и сподручней о деле поговорить – пока при памяти.

И я не стал юлить.

– О гибели антиквара Яскевича слышал?

– Подробностей не помню, а в газетах читал, – наморщил он лоб. – Древнее дело. И что-то там скандальное было. Закрыли его уже?

– Да вот в том-то и дело, что нет! – хотел я удивить Иваныча, но на его лице не отразилось никакой ответной реакции. Казалось, он был увлечен только яблоком, от которого перочинным ножом отхватывал тонкие ломтики и с вожделием отправлял их в рот.

– Ну, рассказывай, рассказывай.., – не переставая жевать, scomандовал Иваныч. – Только сначала одни голимые факты, – он положил на стол огрызок и нож, – а догадки, предположения и версии – потом.

И я рассказал ему все, что знал сам...

... Валерий Яскевич дожил до сорока лет. Еще лет за десять до этого, в доперестроечные времена, он понял, что заниматься антиквариатом – дело выгодное, а поэтому значительную часть своего времени посвятил этому занятию. Хотя, и это нужно сразу отметить, серьезных успехов на этом поприще он не достиг. Профессиональные антиквары города и по сегодняшний день причисляют его к любителям. Но при этом обязательно отмечают его честность и порядочность в ведении дел.

Вполне возможно, что именно эти качества и не позволили Валерию стать профессионалом. Бизнес агрессивен по своей

природе. А агрессия и порядочность – понятия несовместимые. Тем более в России.

И все же, еще до либерализации экономики, Яскевич приобрел хороший предпринимательский опыт. Он чувствовал запах денег, он слышал журчание их потоков, ручьев, ручейков и интуитивно определял, где на их пути можно поставить запруду. А поэтому одним из первых в городе создал частную коммерческую фирму.

Это мы сегодня, поумнев задним числом, знаем, что создавать производство – дело хлопотное, а главное – невыгодное. А тогда многие стали что-нибудь производить. И сгорели.

Выиграли те, кто строил свои фирмы – как плотины – на денежных потоках. Но в обмелевшем от инфляции городском финансовом русле таких потоков осталось только два: бюджетный и промышленно-производственный, то есть жалкая струйка, текущая из еще не рухнувших окончательно заводов. Вот на этих потоках гроздьями и нависли удачливые фирмы. Основная масса из них называла себя коммерческими, хотя выполняла функции бывших заводских отделов снабжения и сбыта. Покупала на стороне сырье по одной цене, а заводу продавала по завышенной. Покупала продукцию завода по минимуму, а на сторону продавала по максимуму. Активно сбывалось и оборудование останавливающегося производства.

Через эти «коммерческие» фирмы «прокручивалась» и невыплачиваемая месяцами зарплата рабочих, а нарастающие банковские проценты снова оседали в карманах удачливых коммерсантов и руководителей завода.

Наиболее дальновидные основную массу прибыли вкладывали в акции того предприятия, от которого и кормились. И вот на этой стадии «коммерции» между родственными фирмами разгоралась уже не конкурентная, а настоящая гражданская война. А в любой войне, как известно, ценность человеческой жизни опускается до стоимости одной пули.

В гонке за контрольным пакетом акций финиша могла, да и должна была, достигнуть только одна фирма. Остальные обязаны были исчезнуть, погибнуть, разориться, обанкротиться. Побеждал тот, кто не гнушался никакими средствами, кто имел больше денег, кто наладил крепкие связи с властью, кто через собственную службу безопасности, состоящую из бывших работников спецслужб, мог собрать больше информации о своих

конкурентах и точно знал, как их устранить.

– Это что же ты мне лекцию читаешь?! – насмешливо погасил мой публицистический запал Иваныч. – Мы же с тобой договорились: факты и только факты. А «атмосферой» я и сам, без тебя, проникнусь. О Яскевиче рассказывай.

– Но я ведь к тебе не просто на консультацию пришел, – обиделся я, – хочется и поговорить и порассуждать. Ну, а если конкретики хочешь, слушай дальше...

... К 1995 году фирма Яскевича под названием «Ял», созданная, по-существу, при металлургическом заводе, уже достаточно крепко стояла на ногах. От сверхприбылей не жирела, но и не разорялась. Через Яскевича поступал на завод цинк из Екатеринбурга, а с завода он сбывал кое-какое оборудование и продукцию.

Надо особо отметить, что накануне трагедии Валерий получил пакет документов на очередную партию станков для продажи и собирался везти эти документы в Таллин. В день его гибели документы из квартиры исчезли...

Продолжал Яскевич заниматься и антиквариатом. После его смерти остались следы в трех направлениях, которые, вполне возможно, могли бы привести к ответу на вопрос: «Кому выгодно устранение антиквара?»

Во-первых, в Таллине осталась партия картин и икон, которую Валерий продавал совместно с Андреем Чесноковым.

Во-вторых, в Германии у некоего Игоря Пушкарева находилась и находится до сих пор на комиссии редкая антикварная вещица Яскевича, авторство которой приписывают самому Фаберже.

И, в-третьих, буквально за несколько дней до своего конца Яскевич занялся перепродажей бриллиантов. В чем ему усиленно способствовал его сосед по дому Андрей Чернов.

Однако вся эта информация нуждается в серьезной проверке, так как исходит только от родственников Яскевича и не подтверждена никакими дополнительными показаниями.

Но вот что интересно: за все пять с половиной лет следственных действий ни городская, ни областная прокуратура даже не попытались пройти по этим следам. Хотя бы формально. Они, как замороженные, в один голос твердили: «Самоубийство!»

– Просто так твердить не будут, – весомо заметил Иваныч.

– И не настораживайся, как гончая: я не корысть имею в виду. Следовательно, он ведь тоже, если и не под Богом, то под начальством ходит. И любую версию должен не красноречием, а документами доказывать: актами экспертиз, протоколами следственных экспериментов, свидетельскими показаниями. Значит, есть у них все это. Другое дело – насколько полно эти документы отражают происшествие. Здесь уж отбор за следователем или за той версией, которая ему приглянулась...

– Вот-вот, Иваныч, – обрадовался я недоверчивым ноткам в его голосе. – В этом отборе и вся суть. Слушай, что было дальше...

... Валерий Яскевич вместе с женой Викторией и двухлетним сыном жил на Дзержинке, на последнем этаже трехэтажного многоквартирного дома, который стоит несколько в глубине от основной магистрали. Место тихое и нелюдное. Бомжи нам не бродят, хулиганье и пацаны не шалят.

Вот поэтому Виктория и удивилась, когда услышала, что по чердаку кто-то ходит. Никогда такого не было. Но особого внимания этому не придала. А через несколько дней снова услышала глухое, отдающее эхом топанье по потолку. Тогда у нее впервые в тяжелом предчувствии защемило сердце.

А в четверг – 9 февраля 1995 года – около девяти часов вечера (а для зимы это уже поздняя ночь) всполошился весь подъезд. Какая-то бдительная соседка обнаружила, что на всех трех этажах во всех квартирах дверные глазки замазаны черной краской. Во всех, кроме... квартиры Яскевича.

Эту тему сдержанно обсудили, протерли глазки и разошлись по квартирам. В милицию звонить не стали. И зря! Этот звонок наверняка спас бы жизнь Валерию. Или хотя бы продлил ее на неопределенное время.

А на следующий день в 12.45 к Яскевичу приехал на своей машине его тесть – Морозов Валерий Савельевич. Приехал случайно, заранее не предупреждал. Просто решил взять внука на прогулку.

Поговорили минут двадцать. Вспомнили вчерашние страхи, поохали, посочувствовали, оделись и пошли. Вместе с дедом и внуком ушла и Виктория.

Перед самым их уходом Валерий сказал, что тоже идет по делам, вот только оденется и позавтракает. Когда за уходящими

захлопывалась входная дверь, он разыскивал свои носки. Один он уже нашел под стулом, а вот второй куда-то запропастился.

Но надеть носки он уже не успел...

... В 13.45 тело Валерия Яскевича было обнаружено на тротуаре, под открытым окном его кухни...

2

Все, о чем я расскажу дальше, имеет особое значение. А поэтому напрягитесь и постарайтесь не упустить ни одной детали, ни одного штриха. Тот, кто упустил их раньше, вольно или невольно, обрек себя на фатальную необходимость снова и снова возвращаться к этой истории. Он так и не смог похоронить ее вместе с Валерием Яскевичем. Да и ему, даже после смерти, не давали покоя, дважды вскрывали могилу. Скелет рядового криминального сюжета оброс мистической плотью слухов и превратился в привидение, которое вот уже шестой год бродит по городу, пугая рядовых предпринимателей и антикваров. Время от времени оно стучится в двери следственных отделов и управлений прокуратур, и их работники то возобновляют, то приостанавливают предварительное следствие по этому уголовному делу. И это естественно – кровь взывает к возмездию.

А тогда, в пятницу 10 февраля, примерно в 13.10 или в 13.15 все семейство Валерия вышло из квартиры, спустилось с третьего этажа, вышло во двор и спокойно уехало на машине по своим делам. Никто из отъезжающих даже не подозревал, что только что видел Валерия живым последний раз.

А в 13.45 мимо дома Яскевича проходили мужчина и женщина. Случайные прохожие. На их лицах застыл ужас, и они онемели, когда рядом с ними, обрушившись откуда-то сверху, распласталось тело Валерия.

Но упал он как-то странно... Здравый смысл подсказывает, что человек, выпрыгивающий из окна, делает это лицом вперед (даже, если кончает жизнь самоубийством), а значит, и упасть должен на грудь, в крайнем случае на бок. Валерий упал на спину и лежал лицом вверх.

Но, что еще более странно, он лежал, нарушая все законы физики, не по направлению траектории полета (то есть перпендикулярно стене дома, из которого выпрыгивал), а как

бы вопреки ей – параллельно. И лежал, почти касаясь головой ствола высоченной акации, которая выпростала свою верхушку выше крыши дома.

Вот это алогичное положение тела, или его поза, и породили потом первый слух о том, что Валерий не выпрыгнул, а был выброшен из окна. Но не только это.

Потом эксперты на теле Яскевича насчитают 29 тяжелых травм, 16 из которых придется на голову, а остальные – переломы ребер, левой ноги и т. д. И все это результат падения с восьмиметровой высоты?

Когда я все это поведал Ивану Ивановичу и с несколько излишней патетикой задал свой последний вопрос, он изобразил на лице досадливую гримасу и спросил:

– А что пишут эксперты?

– Да, вот так и пишут, Иваныч, «смерть наступила от тяжелой сочетанной травмы головы, туловища, левой ноги, образовавшейся в результате падения с высоты с ударом о плоскость»...

– И какие у тебя есть основания не доверять экспертам? Это ведь, брат, последняя инстанция.

– Так ведь третий этаж?!

Иваныч развел руками и почти нараспев произнес то, что я и ожидал от него услышать:

– Ну-у, дорого-ой! Тут уж кому как повезет. Знаю мужика, который с шестого этажа упал и только испугом отделался. А знаю и покойника, который с первого этажа выпал, – и, перестроившись на серьезный лад, добавил: – Об экспертизах потом поговорим, а пока обрисуй хронологию событий того дня...

– Так вот, – продолжил я, – все скрытые от глаз свидетелей события происходили между 13.15 и 13.45. На все про все 30 минут. На дворе зима, день-деньской, обеденный перерыв. С фасадной стороны дома – транспортные остановки трамвая, троллейбуса, автобуса. Люди толпятся. Остановка «Металлургический завод» никогда не бывает безлюдной. Во двор дома развернуты служебные выходы магазина и «забегаловки». Сюда в любой момент, без графика могут заехать машины для разгрузки товара. Выходят покурить продавцы.

Иными словами – обстановка вовсе не для преступления. Опасная обстановка.

Но как раз в том самом получасовом промежутке, о котором

идет речь, соседи Яскевича, живущие под его квартирой, слышали какой-то странный шум и грохот, доносившиеся из квартиры сверху. Казалось, об пол бросают что-то тяжелое. Даже люстра на их потолке вздрагивала и раскачивалась. А потом все стихло.

А в 13.45 со двора донеслись испуганные крики. Еще двое соседей с первого и второго этажей выглянули во двор и увидели лежащего под деревом Яскевича. А из подъезда в этот момент выбежали двое парней. Впоследствии их так никто и не смог подробно описать. Да ими, собственно, никто и не интересовался.

Они подбежали к Яскевичу, крикнули ошарашенной парочке, что бегут вызывать «скорую», и рванули в сторону частных гаражей. Там к ним присоединился третий, и они, ускорив бег, устремились к офису фирмы «Шельф». После этого их никто не видел.

Около двух часов дня на место происшествия прибыла оперативная группа третьего отдела милиции.

Чуть позже приехал дежурный следователь прокуратуры А. В. Свидлер.

А когда еще через полчаса, оповещенные соседями, приехали родственники Яскевича, дознание уже шло полным ходом.

Во дворе люди в форме и штатском, окруженные зеваками, фотографировали, измеряли, рисовали схемы, искали возможных свидетелей.

В квартире на первом этаже был организован штаб, где уже найденных свидетелей опрашивали и составляли протоколы.

В квартире Яскевичей работала еще одна большая группа специалистов. Когда они туда входили, дверь была открыта. Никаких следов взлома. А уже с помощью Виктории выяснить удалось следующее: исчезли 500 долларов, 100 дойчмарок, три золотых ювелирных изделия, несколько серебряных вилок и ложек, старинная сабля, штора и электрошнур. Почти у самого выхода из квартиры стоял приготовленный к выносу кофр с видеокамерой. Вот и все! Негусто для грабежа, учитывая, что пожить в квартире можно было гораздо большим.

Не свидетельствовала о стихийном разбое и обстановка в квартире: опрокинутая кухонная табуретка в прихожей, перевернутый детский столик, выброшенное на пол из шкафа

белье, несколько измененный порядок посуды в кухне да разбросанные плоды свежей вишни, сок которой был разбрызган даже на стене.

На этом цепь объективных улик и фактов заканчивается и открывается широчайшее поле для догадок, предположений, домыслов и самых фантастических версий. Но из фактов можно разложить любой пасьянс.

Все зависит от того, кто раскладывает карты, с какой психологической установкой он сел играть и к какому результату стремится...

– Вот это ты совершенно справедливо заметил! – оживился мой собеседник, который до этого, казалось, дремал. – Тебе известно дословно, как сообщили Морозову о гибели его зятя?

– Конечно, он везде об этом писал и говорил...

– Ну – ка, уточни, – потребовал Иваныч.

– К Морозову на Русское поле приехал Саша Седов и сказал: «Вашего Валерия убили и выбросили из окна»...

– Вот! – подпрыгнул на месте Иваныч. – Убили! И выбросили! А дальше Морозов все видел и воспринимал только через это увеличительное стекло. Все, что не вписывалось в эту версию, он либо просто не замечал, либо отсекал как ненужное. Первое сообщение всегда действует как гипноз.

– Значит, Иваныч, и вы, менты, тоже ходите загипнотизированными? – попытался я уязвить друга.

– А мы что – не люди? – даже не обиделся Иваныч.

– Я ведь это дело помню. Тогда много о нем говорили. И первую версию вовсе не сыскари выдвинули, а соседка Яскевича. А она тогда сокрушалась: «Ну надо же?! Всего на пять минут родственники к Валерке поднялись. Поговорили. Не успели на машине отъехать, а он взял да из окошка и сиганул. Довели!!!»

– Иваныч! – возмутился я. – Бог с ней, с бабкой! Она юрфаки не заканчивала. А вы – специалисты. Неужели по всей совокупности фактов не видно, что это далеко не самоубийство?

– А что тебя не устраивает? – с хитрой ехидцей спросил Иваныч.

– Да вот хоть способ самоубийства, – накалялся я. – При прыжке с третьего этажа, с восьми метров, вероятность разбиться насмерть минимальная. Гораздо больше шансов остаться калекой. Перспектива мало приятная. Да и больно...

– А я тебе историю расскажу, – сказал Иваныч и поудобнее расселся в кресле. – Поссорился один мужик с женой. И решил для ее наказания самоубиться. Пошел в гараж и, заметь, не стал отравляться выхлопными газами, не стал вешаться, а взял молоток, взял гвоздь на сто пятьдесят и влупил себе этот гвоздь в голову.

Потом спохватился. Передумал умирать и пошел в травматологию. Два часа в очереди просидел. Врачи поудивлялись такой мужицкой выдумке, гвоздь вытащили и положили суицидника в больницу.

Мужик тот помер. Но вовсе не от того, что что-то там в мозгу повредил, а от заражения крови. Ржавый гвоздь оказался, нестерильный...

Это я тебе к тому рассказал, чтобы ты ни сейчас, ни впредь не пытался логику самоубийцы по своей равнять. Им фантазии приходят такие, что тебе и не снилось.

Да и остальные факты вполне спокойно либо отвергаются, либо укладываются в версию о самоубийстве. – Он заметил мои протестующие телодвижения и, как бы отталкивая их всей пятерней, поднял руку: – Ты погоди! Не шебуршись, – и начал загибать пальцы:

– Во-первых, о шуме на чердаке: на каком основании его нужно привязывать к гибели Яскевича?

Ну, был шум! Ходили! И что? Кого искать, где, да и зачем? Зима. В подвалах и на чердаках у расширительных баков систем отопления ночуют сотни бомжей...

Нет, неубедительно!

Во-вторых, покрашенные дверные глазки. Согласен – подозрительно. Но только на первый взгляд. А если вдуматься, то скажи мне: какой дурак с вечера окрашивает глазки, чтобы утром совершить налет на квартиру? Ведь обнаружат – шум поднимут, милицию вызовут. Проще сразу пойти и сдать...

Нет, и это абсурдно. Удобнее предположить, что это пацаны пошутили. А значит, и этот факт не имеет отношения к гибели Яскевича.

В-третьих, из подъезда выбежали двое. Ты настаиваешь, что это убийцы, а я утверждаю, что это случайные алкаши. Купили в магазине, в этом же доме, бутылку водки, вскочили в ближайший подъезд (на дворе зима), а в это время во дворе шум и вопли. Выскочили из подъезда. Подбежали. Испугались

– и наутек.

В-четвертых, шум и грохот в квартире. А кто сказал, что это отзвук разбойного нападения? Не проще ли предположить, что это результат семейного конфликта? Разозлили парня и ушли, а он стал швырять всем, что под руку попадало, а потом в окошко...

Или другой вариант: позвонили Яскевичу и сообщили, что он разорен дотла. И последовала та же самая реакция: шум, грохот.

Вот Боря Ледовской, царство ему небесное, узнал, что его пустили по миру, пошел и повесился. Чем Яскевич лучше?

И, наконец, в – пятых: пропавшие деньги и вещи...

Хочу заострить твое внимание на том, что с момента гибели Яскевича и до приезда опергруппы квартира стояла открытой минут двадцать. Кто мог этим воспользоваться, можно только предполагать.

Кроме того, вполне возможно, что среди ментов кто-то мог оказаться нечистым на руку. А все награбленное, как ты заметил, вполне помещается в одном кармане и под полую шинели. Да и было бы из-за чего шуметь! Серьезный грабитель, да еще и покушающийся на убийство, о такие мелочи и руки пачкать не будет. А случайный, залетный попасть в квартиру Яскевича не мог: дверь-то ведь хозяин открывал ему сам. А зная подозрительность Валерия, убежден, что открыть он мог только человеку, которого хорошо знал, а главное, доверял ему.

Так что, дорогой, и ограбление «не вписывается».

– А бриллианты?! – не удержался я.

– Какие бриллианты? – изумился Иваныч. – Кто их видел? Кто востребовал? Кроме слухов и разговоров, нет ничего. Родственники только предполагали, что они могли быть у него. А могли и не быть. И предполагали не только родственники.

Я тебе замечу, что если даже смерть Яскевича и была насильственной, то она очень круто замешана на этих слухах. Именно они убили Валерия хоть в суицидном, хоть в насильственном случаях. Хотя чему там можно было завидовать, я не знаю... Мне его просто жаль. Сгорел человек в чужих страстях. Сгорел по неосторожности. Иногда этим страстям подыгрывал, иногда сам в них вставал. А в конечном итоге оказалось, что страсти ценнее и выше, чем человеческая жизнь.

Не так мы, брат, живем, не так! Бог подарил тебе

возможность вынырнуть на мгновение из небытия Вечности, позволил осознать себя и восхититься гармонией Вселенной. Через мгновение это все закончится. Навсегда! Пользуйся, радуйся жизни, впитывай ее каждой клеточкой, славь и благодари Бога! А что делаем мы? Во что превратили эту жизнь? Только жрем, жрем и жрем. Кулинарная книга стала дороже Библии. Гурманствуем за обеденным столом, дегустируя деликатесы, гурманствуем в кабинетах, кушая себе подобных, чавкаем на улицах, перекусывая горло проходим.

Ты знаешь, если бы мне позволили поставить памятник нашей цивилизации, я бы воздвиг в столице огромный, выше церетелевского Петра I, золотой унитаз. Разве не ради него мы так злобно усердствуем в этом мире?

– Ну, Иваныч, это ты уж лишку хватил! А культура? А искусство? А творчество? А...

– Так – то оно так. Да только все эти прелести нужны ничтожному количеству людей и, главным образом, самим людям искусства...

– Значит, ты утверждаешь, что это самоубийство?

– Ничего я не утверждаю. Я просто говорю, что такая версия возможна. А если она возможна, то ни один сыскарь от нее не откажется и прокуратура его с радостью поддержит. Какой дурак будет грузить на себя лишнюю работу? Умный в гору не пойдет...

– И ты бы тоже доказывал, что это самоубийство?

– Если бы работал? Конечно!

– А что скажешь как пенсионер?

– А как пенсионер скажу, что это версия гнилая.

– Почему?

– Да потому, что в этой версии все хорошо, кроме двух моментов: куда исчезли документы на продажу станков? И почему входная дверь без следов взлома осталась открытой? Кого впускал Яскевич?

Мы не виделись с Иваном Ивановичем больше недели, а когда я снова появился на его даче, он был неузнаваем. Точнее, внешне он не изменился нисколько. Был так же приветлив,

сдержан, несуетлив. И все же чувствовались перемены и в том, как он подал руку для приветствия, и даже во взгляде, который стал, как прежде, цепким и оценивающим. И еще мне показалось, что его просто распирает какая-то новость. И я не ошибся.

– Так вот, – каким-то бесцветным голосом произнес он, – могу предложить тебе свою версию гибели Яскевича. Но учти! – Иваныч многозначительно поднял палец. – Это только версия. Не более того. Она не хуже и не лучше официальной. И относиться к ней нужно с таким же сомнением, как и к другим. Нет доказательств – нет версии.

– Не томи, Иваныч! – взмолился я.

– Конечно же, это не самоубийство. Открытая без взлома входная дверь – тому подтверждение. Но – и вот теперь внимание – никто Яскевича и не убивал. Не было ни убийства, ни казни!

Увидев мою изумленную физиономию и вдоволь насладившись этим зрелищем, Иваныч, расставляя на столе тарелки и закуски, неторопливо продолжил свои рассуждения:

– ... Я пошел методом исключения. Прежде всего нужно было определить возможный мотив преступления. Если напали, то зачем?

Ты мне предложил четыре варианта: ювелирное изделие Фаберже в Германии, партия икон и картин в Таллине, мифические бриллианты и документы на продажу станков.

В первых двух случаях предполагаемые партнеры не хотели делиться выручкой. Согласись, что для этого совершенно не нужно нападать на квартиру. Тем более, что в квартире гораздо опаснее разделяться с Яскевичем. Дома и стены помогают. Намного проще – киллер, яд, несчастный случай. Арсенал огромен. Нет, ни партнеры Яскевича, ни исполнители их заказа не стали бы рисковать. А значит, эти варианты мотивов нужно отбросить как несостоятельные.

Остаются только бриллианты и документы.

Честно говоря, версия с бриллиантами меня не очень греет. И уже хотя бы потому, что их никто не видел. Даже жена. А вот разговоров вокруг них много. Возможно, что именно эти разговоры и спровоцировали преступников. Но в таком случае не снимается вина и с того, кто стал источником этих слухов.

Не все ясно и с документами. Но это уже теплее потому, что их видела и сама укладывала на полку Виктория. После трагедии они исчезли. Значит, нужно искать либо заинтересованных

партнеров по бизнесу, либо конкурентов.

Но если целью похищения были бриллианты или документы, тогда становится понятным, почему злоумышленникам нужна была не просто квартира, а квартира вместе с Яскевичем. Без него им пришлось бы сутками искать и не находить тайники.

Теперь нужно было определить подступы к квартире и отходы из нее.

Ты уж, старик, меня извини, но я без твоего разрешения сходил на место происшествия и попытался увидеть его глазами преступников.

На такое «дело» ходить меньше, чем втроем, очень рискованно. Валерий был весом в сто килограммов и ростом под два метра. В момент смертельной опасности он, хоть и не боец, двух противников мог бы разметать. А он, заметь, нужен им живым. Значит, трое.

Самым узким местом в этой «операции» была лестничная площадка перед входом в квартиру. В буквальном смысле слова. Ее ширина не более полутора метров, и она вся, включая часть лестницы, просматривается из дверного глазка. А когда открывается дверь, то сразу видна вся лестница.

Целой толпе неожиданных гостей Валерий дверь бы не открыл. Да и одному – открыл бы только в том случае, если бы его хорошо знал и доверял.

Что из этого следует? А то, что первым должен был явиться тот, кто не вызовет подозрений. Но как только дверь откроется, Яскевич сразу же увидит остальных. Что делать?

И вот здесь я понял, что чердак – вовсе не случайность, тем более, что спуск с него находится прямо над входом к Валерию. Такой же лаз есть и в соседнем подъезде. Значит, можно незаметно подняться на чердак с одной стороны дома, спуститься с чердака с другой стороны, прямо перед дверью Яскевича, и так же спокойно вернуться обратно после «операции». Соседи Валерия по нижним этажам даже не знали бы, что в его квартире кто-то побывал.

Единственное неудобство – из слуховых остекленных окон чердака не просматривается весь двор. Значит, движение в нем должен был контролировать еще один человек. Тот самый, который, по свидетельству очевидцев, присоединился потом к двум убегающим парням. Вот он и стоял на «шухере», извещая своих поделников об отъезде родственников Яскевича, то есть

дал команду на начало операции.

– Погоди! – прервал я Ивана. – Что-то у тебя с арифметикой не очень получается. Ты же сам сказал, что в квартире были трое. Позвонил в дверь очень хороший знакомый Яскевича. Валерий ему открыл дверь. Тот вошел в прихожую и прикрыл дверь за собой. В это время с чердака спустились еще двое и ворвались в квартиру. Правильно?

– Абсолютно правильно! – радостно подтвердил Иван.

– Четвертый стоял у гаражей на «шухере». Так?

– Совершенно справедливо!

– Тогда почему же из подъезда выбежали только двое?

– А вот в этом и весь фокус! – просиял Иван. – Вспомни историю с дверными глазками.

Я долго ломал над ней голову и не мог ответить на два вопроса.

Во-первых, зачем замазывать глазки нижних этажей, если к Валерию можно спуститься с чердака и так же уйти?

И, во-вторых, как узнали злоумышленники, что их секрет с глазками раскрыт, поднялся шум, и они вынуждены были отменить «операцию» ночью 9 февраля?

Когда я пытался ответить на эти вопросы, рассматривая их каждый в отдельности, все мысли стопорились. Но когда я их связал вместе...

Вот этот самый третий или первый, как хочешь его назови, должен был не спуститься с чердака, а подняться по лестнице. Валерий его хорошо знал и поэтому у него глазок не замазали. А у всех соседей замазали потому, что они его... тоже хорошо знали.

И «операцию» отменили потому, что этот «первый – третий» был свидетелем паники и шума на всех этажах и своевременно сообщил об этом сообщникам.

И из подъезда убежали не трое, а двое потому, что третьему незачем было убежать. И подтверждается это тем, что в двух убежавших парнях никто не признал знакомого Валерия. А ведь он был. Иначе преступление не состоялось бы.

– Так куда же он делся? – задал я наивный вопрос.

– А меня это не интересует. Это дело следствия. Ты хотел, чтобы я предложил тебе версию? Я ее предлагаю. Не нравится – отвергни. Но докажи, где моя ошибка. Я ее не вижу. А все свидетельские показания слились теперь в стройную картину, и

их не нужно оспаривать каждое в отдельности.

– Ну, хорошо, Иваныч! Дадим такую возможность читателям. А что же, по-твоему, было дальше?

– Что было дальше в квартире, я не знаю и гадать, придумывая детали, не хочу. Но шум и грохот, подтвержденные свидетельскими показаниями, говорят о том, что Валерия серьезно «прессовали», пытаюсь выбить сведения о том, где находятся то ли бриллианты, то ли документы, которых, может быть, и в природе не было. А вот факт «прессовки» был, иначе откуда же взяться шуму?

«Прессовали» его на кухне, откуда он впоследствии и выпрыгнул. Возможно, и часть травм он получил там же. Но вот убивать его – никто не убивал. И из окна мертвое тело не выбрасывали.

Я знаю, и об этом мне рассказали мои бывшие коллеги, что потом проводился следственный эксперимент: из окна кухни выбрасывали тяжелый брезентовый манекен, выбрасывали его мужики дюжие, но ни разу он не упал на линии падения Яскевича, каждый раз намного ближе. А это значит, что следователи были правы: никто в квартире Яскевича не убивал и тело его не выбрасывал. Отсюда и конфликт прокуратуры с тестем Морозовым.

«Убили и выбросили», – твердил и твердит Морозов. А прокуратура ему так же незатейливо отвечает: «Неправда! Прыгнул сам. Значит, самоубийство! А будешь настаивать, мы тебя замордуем обвинением по 107-й статье за доведение зятя до самоубийства!».

И замордовали. Десять месяцев вела Е. Г. Корикова из таганрогской прокуратуры следствие, пытаюсь доказать, что Морозов «урыл» своего зятя. И наконец закрыла дело за отсутствием события преступления. Не «урывал» он его.

А Морозов снова кричит: «Убили и выбросили». А прокуратура отвечает: «Самоубийство». Морозов: «Убили», а прокуратура: «Мы тебя не обвиняем. Дело закрыли. В твоих действиях нет состава преступления...»

И так вот уже шестой год. И дело не в том, что у каждой стороны своя правда, а в том, что они обе не правы.

– А я, – говорит Иваныч, – поверил и тем и другим, и понял, что никто Яскевича не убивал и жизнь самоубийством он не заканчивал...

Не делай снова удивленные глаза. Я хорошо осмотрел место происшествия.

... Яскевича «прессуют». Когда он теряет сознание, двое рыщут по комнатам, а третий, взяв табуретку (помнишь опрокинутую табуретку в прихожей), садится на нее и сторожит жертву. Когда Валерий приходит в себя, снова продолжают пытки.

Потерпевший понимает, что живому ему отсюда не выбраться. «Хороший знакомый» ни при каких обстоятельствах не оставит свидетеля. Мосты сожжены.

И вот в какой-то момент «сторож» из прихожей отвлекается, уверившись в бессознательном состоянии Яскевича, и отправляется помогать подельникам. Вот тогда-то Валерий и открывает окно кухни и становится на подоконник.

Почему не кричит, не зовет на помощь? А вы слышали, чтобы уже измороженный человек кричал? Воят до избиения, до пыток, иногда в их процессе, но никогда после.

Он стоит на подоконнике. От уровня его глаз до земли девять с половиной метров, пять его ростов, и он понимает, что в его состоянии без огромного ущерба для здоровья достигнуть земли нельзя. Гораздо вероятнее смертельный исход.

А немногим более чем в трех метрах от него, чуть левее, находится ствол акации, под которой его потом и нашли. По прямой линии до нее допрыгнуть невозможно. А вот в траектории полета, на уровне второго этажа, она вполне достижима. Там даже есть сук, за который можно ухватиться.

Если бы вы стояли перед выбором, да еще смертельным – девять с половиной или три с небольшим метра – я думаю, вы бы сделали его не задумываясь.

А внизу уже шли мужчина и женщина. А сзади, обнаружив неладное, «сторож», на ходу опрокидывая табуретку, бросился в кухню. И Валерий прыгнул...

И он достиг дерева. А поза, в которой он потом лежал (на спине, головой к стволу, параллельно кухонному окну), говорит о том, что за сук он ухватился правой рукой и здесь же правой стороной головы врезался в дерево (именно там и обнаружены все травмы черепа). Передняя часть тела приняла на себя торможение, а нижняя часть корпуса и ноги по инерции продолжали движение, «выстраивая» Валерия параллельно дому. Резкое торможение правой рукой «включило» вращательный

момент по часовой стрелке. Он резко перевернулся на спину. Так и упал на землю.

Все это длилось пять-шесть секунд. За это время никто ничего не успел увидеть и понять. Как не может понять и сейчас, и все долгие пять с половиной лет.

То, что случилось, нельзя назвать убийством потому, что преступники на это не имели умысла, а если и имели, то не в такой форме.

Это нельзя считать и самоубийством, так как на это не было умысла и у Яскевича, он спасал собственную жизнь.

Нельзя этим негодьям инкриминировать даже доведение до самоубийства потому, что суицид не планировался Яскевичем. Если уж квалифицировать точнее, то это было разбойное нападение, в результате которого произошел несчастный случай, завершившийся гибелью человека. Вот и все.

И все последующие события очень похожи на несчастный случай. Нелепое дознание. Несчастное следствие. Взаимоотношения потерпевших и прокуратуры, взаимно травмирующие друг друга. Вражда, ненависть, ссоры. Да и преступники, взявшие такой грех на душу, хоть и остались на свободе, но вся их оставшаяся жизнь превратится теперь в сплошной несчастный случай. Уж я-то знаю, поверь мне. Видел их сотнями. И никто из них после такого никогда не был счастлив. Им теперь только кажется, что они еще живут, а на самом деле они погибли вместе с Валерием. Бог им судья...

Иваныч замолчал. А наше застолье как-то само собой развалилось. И распрощались мы вяло, чувствуя почему-то неловкость друг перед другом. Будто и мы в чем-то провинились перед Яскевичем. И разошлись.

А я еще долго не мог прийти в себя, размышляя, почему эта неловкость охватила нас по окончании беседы? А потом вдруг меня осенило: мы оба подсознательно устыдились того, что с такой легкостью и азартом вели разговор о гибели человека, как будто решали увлекательную шахматную задачку или обсуждали прочитанный детектив. А ведь произошло событие космического масштаба. Вместе с Валерием ушел целый мир. Единственный, уникальный. По крайней мере, в древних сказаниях и легендах это так и представляется, да и сегодня нормальные люди это так и должны воспринимать. Ведь каждый человек, даже душегуб, понимает, что его внутренний мир неповторим и уйдет вместе с

ним. И еще неизвестно, кто кого покинул: Яскевич – нас или мы – Яскевича. Он теперь там, где все неизменно и постоянно. Он – в Вечности, которая живет помимо нас и нашего сознания. А мы пока еще здесь (пока еще!) – в суете, в пустых и ненужных хлопотах и заботах, во вражде, ненависти, неприязни. Мы считаем главным то, что не стоит выеденного яйца. Созидаем, строим, растим, разрушаем планету, накапливаем, ворует – а кому это нужно? Мы остро не нуждаемся даже в миллионной части того, что прячем в свои закрома.

Жалко и трагично, что этот вопрос мы задаем сами себе только тогда, когда и врачи уже ничем не могут помочь.

Кому, к примеру, сегодня нужны египетские пирамиды? Только специалистам-египтологам да зевакам. Да и где они сами, египтяне, со всей их культурой? Только и осталось, что куча камней. А ведь шуму-то было, шуму!

... А что если жизнь на этом не заканчивается? Что если вдруг за той крайней гранью есть все-таки то, что недоступно нашему жалкому умишке? Кому там потребуются наши истерзанные злобой, суетой и страхом душонки? Сможем ли откупиться бриллиантами, картинами, антиквариатом? Сумеем ли оправдать свои поступки законами конкурентной борьбы?

А что если действительно с каждого спросится по делам его? И встанут вокруг нас немый укором все обиженные нами, все вольные и невольные жертвы наших страстей. И будут стоять не час, не день, не годы, а всегда – Вечность...

... Страшно!

Зазеркалье

В стародавние времена купцы, заключая торговые сделки, не писали никаких бумаг, не составляли расписок, а ударяли через полу рубахи по рукам, и это было весомее печатей, достовернее любых подписей. Нарушить такой договор – значило обесчестить себя до конца жизни. С таким купцом уже никто и никогда не имел никаких дел.

Офицер, нарушивший кодекс чести, дворянин, не сдержавший свое слово, предпочитали смерть бесчестию. Выход у них был только один – стреляться.

Да и для того, чтобы убедиться в правдивости слов простого крестьянина, достаточно было предложить ему перекреститься. Крест святой заменял и доказательства, и свидетелей.

Так куда же все это делось? Почему слово – основа всего сущего – обесценилось и потеряло свой вес и значение? А это значит, что общество лишилось и точки отсчета, и ориентиров, и системы мер, и способности осознавать себя во времени и пространстве, и даже возможности определять свои цели.

Всего за один век Россия лишилась главного инструмента отделения правды от лжи – стыда. И ложь стала профессией, а слово – денежным эквивалентом.

На этой почве произросли многие преступления. В том числе и в экономической сфере.

Недавно завершился очередной судебный процесс. Обвиняемый в совершении мошенничества Игорь Михайлович Тараканов получил свой срок наказания. Значительная часть истцов по этому уголовному делу вышла из зала суда с чувством «глубокого удовлетворения». Осужденный отправился под конвоем в тюрьму дожидаться этапа в исправительную колонию. И закончить такую информацию нужно было бы словами: «справедливость восторжествовала». Да вот беда: во-первых, Тараканов категорически отрицает свою виновность, а во-вторых, трем истцам суд отказал в их претензиях на возмещение ущерба. А если учесть, что потери этих троих составляли 94 процента от общей суммы иска, то и выходит, что вся полугодовая работа следственных органов прошла как бы впустую.

Нет, посадить-то Тараканова, конечно, посадили, но ведь главные пострадавшие остались с носом. Значит, либо они перемудрили, либо следователи недостарались. Хотя кто его знает, что и у тех, и у других было на уме? Ведь, как мы уже выяснили, словам веры нет.

Вот поэтому я и попытался понять: что же произошло? Два тома уголовного дела «перелопачивал» от начала до конца и от конца до начала. Делал это несколько раз, но, кажется, так же, как и судьи, мало что понял. Ибо у каждого была своя правда. А все правды, сложенные вместе, выглядели почему-то, как одна большая и неприкрытая Ложь. Хотя сама фабула уголовного дела предельно проста и незатейлива.

Восемь человек обратились во второй отдел милиции с заявлениями, в которых просили привлечь Тараканова к уголовной ответственности за то, что он мошенническим путем выманил у них (а проще – взял в долг) в общей сложности 226732 доллара и долгое время (от двух до четырех лет) уклоняется от выплаты долга. Чего проще?

Мало того, и сам Игорь Михайлович подтвердил в письменных объяснениях во втором отделе свою задолженность шести из восьми пострадавшим. Так и писал: «Брал. Отдам». И только от расписок двум кредиторам отказывался наотрез. Хотя, забегая вперед, скажу, что их достоверность впоследствии докажут и ростовская, и московская почерковедческие экспертизы.

Теперь дело оставалось за малым: нужно было доказать, что Тараканов брал эти деньги не в долг (то есть вступал в простые гражданско-правовые отношения с кредиторами), а мошенничал, то есть обманывал людей, не имея даже намерений с ними рассчитываться. И сделать это тоже оказалось просто.

На момент возбуждения уголовного дела все имущество Игоря Михайловича было на нем самом. Что-то продать и вернуть долги у него не было возможности. Работал наш будущий мошенник врачом. И даже если его зарплата составляет сейчас двести долларов в месяц (что сомнительно), то и тогда ему придется возвращать все долги...94 года и шесть месяцев. Так под какое же обеспечение он давал свои расписки?

Ответ на этот вопрос не нашли ни следовали, ни судьи, а поэтому единогласно и утвердили: мошенник! И были правы.

Но возникают еще два правомерных вопроса. А под какое обеспечение отдавали свои деньги кредиторы? Ведь они видели, что Тараканов гол как сокол. И еще: куда подевались двести с лишним тысяч долларов? Ведь это не полушка с телушки! В каком огороде закопал их Игорь Михайлович?

И если я правильно понимаю предназначение следственного

отдела нашей городской милиции, то его задача состоит не в том, чтобы доказать очевидное (от чего и сам Тараканов не отказывается), а в том, чтобы вернуть людям их кровные. Однако, и это самое любопытное, ни майор юстиции В. Е. Дикарев, ни его подчиненный старший лейтенант В. Э. Зайцев за все полгода следствия так и не догадались задать этот простодушный вопрос: «Батенька, валюта-то где?». По крайней мере, ни на одном листе, ни в одной строчке уголовного дела он не прописан. Случайность? Или суровая необходимость заставила их обходить этот вопрос стороной?

Вот так, поизумлявшись и поудивлявшись, я и принялся изучать поднаготную и биографию нашего новоиспеченного мошенника. И нужно сказать, что до 1991 года, то есть до начала строительства капитализма в России, ничего в ней необычного не было.

Родился в Таганроге. После окончания школы работал слесарем на «Красном котельщике». Потом – мединститут. Затем пять лет отдал больнице скорой медицинской помощи. Как вы догадываетесь, хлеб не легкий. За год до капитализма перешел в онкодиспансер.

А уже через год свой 31-й день рождения Игорь Михайлович встретил в новом качестве – предпринимателя. Оформил все необходимые документы и открыл две коммерческие фирмы.

Не думаю, что именно медицина и врачебная практика предрасполагают к авантюризму. Скорее, извечная нищета советской интеллигенции пробудила в Тараканове тягу к финансовой независимости. Короче, на дежурствах и приемах был поставлен жирный крест, а человек, еще не очень умеющий отличать дебет от кредита и высчитывать соотношение рубля и валют, пустился в самое рисковое мероприятие.

Новичкам, говорят, везет даже в картах, а потому первые года полтора молодой бизнесмен упивался успехом. У него все получалось. Сначала он купил машину, потом еще одну. Приобрел и отремонтировал квартиру. Впереди маячили новые коммерческие сделки, которые обещали невиданные для него прибыли.

Все шло прекрасно. И его не беспокоило даже то, что специфика нашего российского капитализма на этом этапе ни по каким параметрам не сходилась с начальным этапом западного

собрата. Там он характеризовался ростом промышленного производства, здесь – его спадом. Там – укреплением собственной валюты, здесь – обесцениванием своей. Там – постоянным увеличением рабочих мест, здесь – их стремительным сокращением. Там – укреплением межотраслевых связей, здесь – их разрушением.

Наш капитализм был как бы полной противоположностью или зеркальным отражением своего идеала, к которому стремился. Где у них правая рука, там у нас – левая. И так во всем. Кроме одного: наши «капиталисты» как-то ухитрились богатеть гораздо успешнее своих западных коллег. Если те радовались и радуются всего трем процентам прибыли в год, то наши – не брались ни за какое дело, если оно не приносило ста, пятиста, тысячи процентов. Так, может быть, это и не капитализм вовсе?

Рядовое обескураженное население ничего не могло понять: заводы останавливаются, рубль по сравнению с прежним официальным курсом подешевел в тысячу раз, покупательная способность населения упала, а где-то рядом дороги запрудили иномарки, среди которых шустрила и «Ауди» Тараканова, как грибы стали вырастать частные дворцы, магазины, рестораны, сауны и дискотеки. Но, что еще удивительнее, рынок стал активно насыщаться импортными товарами и продовольствием. Откуда деньги? Откуда они взялись у коммерсантов, у «челноков», которые еще вчера, казалось, доедали свой последний кусок вместе со всеми?

И только люди многоопытные и экономически грамотные таких вопросов не задавали. Они просто знали, что наступил уникальнейший для России момент: товаром наконец-то становились деньги. И при этом выгоднейшим товаром. На их купле и продаже можно было разбогатеть мгновенно. И не нужно заниматься хлопотным и нерентабельным производством, отдачу от которого можно ждать в лучшем случае через полгода, год, когда в результате инфляции все прибыли обесценятся. А здесь нужно только не щелкать клювом.

Две трети населения мечутся в мыле, не зная, куда пристроить рубли, которые с ужасающим постоянством обесцениваются по полпроцента в день. Через месяц от сотни остается восемьдесят пять, через три месяца – только половина. И отдать их кому-нибудь в рост хотя бы под двадцать процентов в месяц – великое счастье.

А с другой стороны, одна треть населения («челноки» и коммерсанты) готовы оторвать эти деньги с руками под сорок-пятьдесят процентов в месяц.

Остановка за организаторским талантом: собрать деньги у одних, отдать их другим, затем через месяц повторить эту операцию в обратном порядке, а тридцатипроцентную разницу положить себе в карман.

Но гораздо интереснее была другая комбинация. Большинство из ныне преуспевающих бизнесменов сделали свой первичный капитал именно на ней. Она проста, а потому – гениальна.

Додумался до нее своим умом и будущий истец по уголовному делу Тараканова Сергей Владимирович Дунин. В ту пору он оставил работу в милиции и стал трудиться генеральным директором акционерного общества «Ломбард Таганрог».

Так вот, Сергей Владимирович заметил две любопытные тенденции в мире финансов.

Первая лежала на поверхности: дешевет только рубль, а доллар даже, наоборот, дорожает или стоит на месте (это с какой стороны посмотреть).

Вторая – не просто плавала, а лезла в глаза, как барышня на выданье: все уезжающие за рубеж за товаром «челноки» и коммерсанты крайне нуждались в долларах и готовы были их брать в долг под тридцать и даже сорок процентов в месяц.

«Ну и что?» – спросите вы. А вот то самое и есть. Не поленитесь, возьмите в руки калькулятор и давайте вместе посчитаем. Обещаю: скучно не будет.

Итак, предположим, что в начале месяца один доллар стоил 1200 рублей. Соответственно к концу месяца он будет стоить (+15%) уже 1380 рублей. Следовательно, если я у вас займу 1 млн. 200 тыс. рублей под 20% в месяц, то возратить вам буду должен 1 млн. 440 тыс. рублей. Вы свои деньги не только сохраните, но и заработаете на них (с учетом инфляции) 60 тысяч рублей или 43 доллара и 48 центов. И, конечно же, вы будете рады до бесконечности, считая себя необыкновенно предприимчивым человеком.

А я, получив ваш кредит, здесь же переведу его в тысячу долларов и ссужу их другому под 30% в месяц. Возвратят мне

уже 1300 долларов, что составит к тому времени 1 млн 794 тыс. рублей. Один миллион 440 тысяч я возвращу вам, а себе оставлю 354 тыс. рублей или 256 долларов и 52 цента. При этом я не ударю палец о палец. Я даже не буду ходить ни к вам, ни к «челноку». Вы сами придете, сами будете заискивать передо мной. Ведь я помог вам обоим, и вы оба счастливы и горды дружбой со мной.

И если таких, как вы, будет хотя бы сотня пар, то мой месячный заработок составит годовой оклад американского строителя. А за три года я стану простым миллионером.

Это если вас будет сто пар. А если тысяча?

Но был, оказывается, и еще более короткий путь к повышению личного благосостояния. И пролегал он, опять-таки, через финансовый рынок.

В ту пору, в начале 90-х годов, доллар еще не был столь популярен в широких народных массах. И спросом он пользовался в основном среди коммерсантов.

Но с каждым годом и даже месяцем ряды умнеющих граждан и «челноков» увеличивались. А долларовая масса в Таганроге оставалась почти постоянной. И наконец была преодолена критическая черта: спрос на доллар превысил предложение. А это значит, что в глазах и умах таганрожцев он стал стоить дороже своей себестоимости. То есть они готовы были уже сразу покупать один «зеленый» не за 1200 рублей, а, скажем, за 1400.

А в Москве в это время доллар оставался в прежней цене. Что из этого следует?

Только ленивый не догадается собрать мешок наших «деревянных», самолетом сопроводить его в Москву, обменять на доллары и уже на следующее утро продать портфель конвертируемой валюты жаждающим.

И не нужно ждать своих процентов целый месяц. За четыре недели можно совершить четыре, восемь рейсов. А значит, даже десятипроцентная надбавка на одну и ту же сумму приносила 40-80 процентов чистой прибыли. Расходы – только на керосин для самолета.

С малыми суммами в Москве делать, конечно, было нечего (транспортные издержки дорогие), а вот с большими... В любом месте, где скапливались тюки «налички», мало кто избегал соблазна.

Не смог устоять перед ним и бывший милиционер, а в ту пору

бизнесмен Сергей Владимирович Дунин. Ломбард – золотое дно для предприимчивого человека. Не хватало только помощников, инкассаторов, «шестерок», которые бы, как пчелки, сносили долларовый нектар в его улей.

Вот здесь-то и пересеклись стежки-дорожки Дунина и удачливого предпринимателя Тараканова. И никто его за руку не приводил, не подталкивал. Сам пришел.

2

... Но привела Тараканова в ломбард не жажда наживы, не необходимость пополнить оборотный капитал, а жесточайшая нужда. И не верю я в то, что Игорь Михайлович не поведал о своей беде Дунину. Слишком доверительные, слишком дружеские отношения у них сложились впоследствии. Да и валюту Сергей Владимирович доверять кому угодно не стал бы. А Тараканову доверял. Значит, знал слабые места молодого предпринимателя. Значит, ведал о том, в какую пропасть он провалился накануне их знакомства. А случилось то, что и должно было случиться в нашем российском бизнесе.

Таганрогский рынок уже насытился импортной продукцией, и настала пора искать более выгодные сферы предпринимательства. И Тараканов их нашел.

Одной из австрийских фирм потребовался редкоземельный элемент скандий. А подольский завод искал возможность сбыть такую продукцию. В качестве посредника и решил выступить Тараканов.

Срочно потребовались восемнадцать тысяч долларов, чтобы расплатиться с заводом. И он их нашел у некоего господина Ромашева Александра Анатольевича из Ростова, который был по образованию экономистом, а по должности – консультантом фирмы «Вернисаж». Но о нем речь еще впереди. Металл был куплен, квота и лицензия приобретены, но здесь случилось непредвиденное. Китайцы завалили рынок необыкновенно дешевым скандием, и австрийские партнеры Тараканова здесь же переметнулись к ним.

А секрет еще в том, что на открытом воздухе скандий долго храниться не может и с каждым днем теряет свои свойства. И закончилось все тем, что подольский завод смиловивился

и принял свою продукцию по остаточной стоимости. Денег у Тараканова едва хватило на обратную дорогу домой. И повис восемнадцатитысячный долг. А к нему – 30-процентный довесок за ссуду. И всего к возврату: 23400 долларов. Чтобы было еще понятнее, скажу, что в ту пору за тысячу долларов вполне можно было купить поддержанную, но хорошую иномарку.

Никакая сверхпредпринимательская деятельность Тараканова не предоставляла ему возможности в короткие сроки возвратить такой долг. А с ростовчанами шутки плохи (да и с нашими кредиторами тоже), там умеют и деньги считать, и «счетчик включать». И выход у Тараканова оставался только один – лезть в долги.

Я понимаю, что не многих смогу разжалобить, разъясняя первопричины всех затруднений Игоря Михайловича. У нас предпринимателей не любят и не уважают. «Сам виноват, – скажут, – никто его не заставлял рисковать. Знал, на что шел!» Но если бы не пошел он, второй, третий, если бы не суетились наши «челноки», если бы все уселись дожидаться пособий по безработице и пенсий, то неужели лучше бы было?

Суть в другом: плохо ли, хорошо, но нашлись-таки люди, которые перестали надеяться на наше прогнившее государство. Они приняли на себя всю полноту ответственности и за свою судьбу, и за судьбы своих близких. Чиновничество с восторгом объявило их средним классом но при этом оставило этот класс и без поддержки, и без защиты.

Они уязвимы со всех сторон. Финансовую помощь они могут получить только от криминальных структур. А грабят их с равным успехом и государство в целом, и его чиновники индивидуально и на всех уровнях, и откровенные бандиты. И они уже не верят никому: ни белым, ни красным, ни зеленым. Они сами по себе. И сдается мне, что они вымрут, как вид, так же тихо, как появились. Разбредутся по погостам и исправительным колониям. И «дело» Тараканова тому яркое подтверждение.

За помощью он пошел не в банк, не к государству, не в фонд взаимопомощи предпринимателей, а в уже сложившийся полукриминальный ломбард. И Дунин ему «помог».

Почти сразу он стал той «шестеркой», о которой и мечтал Сергей Владимирович. Тараканов оформлял на себя ссуды в ломбарде (за один только год на 130 млн. рублей, или примерно 100 тыс. долларов), мотался по кредиторам, собирая их рубли и

оставляя свои расписки, возвращал, накопившиеся за Дуниным долги и, упакованный «деревянными», носился в Москву за долларами.

Понятное дело, что ни он, ни Дунин к общей массе оборотных средств не имели никакого отношения. К ним отпадали только ростовщические проценты, а остальные деньги только переходили из рук в руки.

Но и при переходах какие-то следы неизбежно оставались: где-то забывали уничтожить расписку, где-то долг возвращался не целиком, а частями, и на эти части писались новые расписки в дополнение к старым.

В сущности, претензий у кредиторов не было, не выказывал Тараканову своего недовольства и Дунин, из чего можно сделать вывод, что в целом Игорь Михайлович справлялся со своими обязанностями, но где-то незримо по закуткам в виде маленьких листочков бумаги скапливался его будущий срок наказания.

А он этого не замечал и вертелся, как белка в колесе, почти безвозмездно, так как все, что зарабатывал, отдавал Ромашеву. И за год вернул и долг, и проценты.

«Но ведь за год, а не за месяц...» – резонно заметил Ромашев и, как грамотный экономист, потребовал с Тараканова еще... 17 тысяч долларов. Но и к этой милости он снизошел только по дружбе. При «включенном счетчике» эта сумма может оказаться гораздо больше. И оказалась! Через два года следственному отделу нашего УВД Ромашев предъявил собственноручную расписку Тараканова на 189500 долларов США. Ни много ни мало!

Но сунуться с такой очень доброкачественной, но липой, в УВД Александр Анатольевич в одиночестве не решился. Вот тогда и был организован тот самый грандиозный, но все-таки спектакль, который потом назовут иском к мошеннику. Иначе это действие назвать и нельзя. Судите сами.

В 1995 году Игорь Михайлович закрыл свои фирмы, прекратил всякую предпринимательскую деятельность и снова стал работать врачом. К тому времени у него уже не осталось ни квартиры, ни машины, ни драгоценностей, ни сбережений. Он снова стал советским интеллигентом. Как говорится, из праха – в прах. И целых два года его персону никого не интересовала. Его забыли налоговые инспектора, партнеры по бизнесу, бывшие кредиторы и даже рэкетеры. Он перестал быть всем интересен

на целых 730 дней.

А спустя это время однажды утром обеспамятевшие кредиторы проснулись и вспомнили. И при этом все разом.

15 мая 1997 года Виктор Клевчик обнаружил, что Тараканов задолжал ему гараж за 3000 долларов.

4 июня Андрей Пронин стал искать исчезнувшие два года назад свои 3000 долларов.

В этот же день Сергей Дунин нашел таракановские расписки на 20 тысяч долларов.

9 июня прибежал в ОМ-2 запыхавшийся Сергей Абрамов с нештучным долгом на 5500 долларов.

А уже потом, 10 июня, появился Ромашев со своими 189500 долларами.

18 июня осенило и жену Дунина – Наталью, что Тараканов брал и у нее 1732 доллара. Почему она не вспомнила об этом вместе с мужем? Загадка! Почему порознь явились в милицию с заявлениями? Недоступно разуму!

29 июля Вячеслав Бобикин примкнул ко всем заявителям со своей скромной тысячей...

И вот что любопытно: никто не давал в газете или по радио объявлений об открывшейся платежеспособности Тараканова, а кредиторы двинули почему-то строем и по графику. Никто их не обучал, как писать заявления, а выполнены они, как под копирку. Только суммы разные. И все принесли достоверные собственноручные расписки Тараканова.

Неужели все это не насторожило следователя? Неужели его не удивило то, что Тараканов, добросовестно писавший объяснения во втором отделе милиции, попав в следственный отдел УВД, вдруг замкнулся и замолчал? В чем дело? На любой, даже невинный вопрос он теперь отказывался отвечать, пользуясь правом, предоставленным 51-й статьей Конституции России. Что это: каприз или тактика опытного преступника?

И только в суде Тараканов разговорился.

По словам Игоря Михайловича, после его перехода под крыло Дунина его постоянно преследовали вымогатели и вышибалы долгов Ромашева. А в их поле зрения стоит попасть только однажды, чтобы потом начала слетаться вся стая.

Ему угрожали, его запугивали, его избивали, грозили расправиться с семьей. И он был вынужден отдавать, отдавать и отдавать. Продал машины, продал все, что было в квартире, а

потом уже и квартиру. Все, что получал у Дудина, отдавал, чтобы избавиться от мучений. Почему не обращался в милицию? Да потому, что боялся, что потом придется платить и им.

В начале лета 95-го года его похитили и трое суток держали неизвестно где. И там снова пытали и избивали. Вполне возможно, что именно там и была написана расписка Ромашеву на 189500 долларов. Так же, как под давлением и угрозами была написана расписка Клевчику на покупку гаража...

Для суда подобный поворот событий оказался неожиданным. Ведь слушалось дело о мошенничестве Тараканова, а не о вымогательстве Ромашева и КО. Кроме слов Игоря Михайлова – доказательств никаких. Да и его слова – это только форма защиты.

Он мог обо всем об этом поведать следователю. Тогда и дело могло бы прозвучать совершенно иначе. Но он этого не сделал. И объяснил это предельно просто:

– С исковым заявлением против меня обратился Дунин. Бывший милиционер. Бывший коллега и хороший приятель следователя Дикарева. И если бы Дикарев, как приятель Дунина, по этическим соображениям, отказался от ведения этого дела, то я бы сразу и безоговорочно доверился бы всему следственному отделу. Но он не отказался. Его отстранили только после моих настоятельных требований. Так неужели подчиненный Дикарева Зайцев будет ко мне объективнее, чем его начальник?

Вот так и не состоялось уголовное дело по обвинению Ромашева в вымогательстве.

А суд что ж? Суд принял объяснения Тараканова и учел их, и внимательнейшим образом изучил исковые требования и Дунина, и Ромашева. И усомнился в их обоснованности. И в конечном итоге отверг их как бездоказательные. И даже расписки не помогли. Сомнительные расписки.

Ромашев так и не смог объяснить судье В. В. Васильеву, откуда у него самого взялись 189 тысяч долларов. Где источник их происхождения? Родственники дали, друзья? Где подтверждения?

И Ромашев бросился искать эти подтверждения. Обошел всех родных и знакомых и за полгода собрал письменные объяснения, но они все скопом едва дотянули до 50 тысяч. На остальное сил не хватило. И суд свои сомнения сформулировал в приговоре, как отказ в иске.

Та же судьба постигла и расписки Дунина. Хорошие расписки, но только не похожи они на финансовые документы: лоскуты, обрывки без фамилий и всех необходимых в таких случаях реквизитов. Они скорее похожи на памятные записки при взаиморасчетах. Да, собственно, такими они и были.

И снова меня одолевают наивные сомнения: если во всем этом смог разобраться суд, то почему этого не смог сделать следователь? Неужели следственный отдел – это только конвейер, в задачу которого входит «сборка» уголовного дела, а «наладка», «обкатка» – это дело суда? Но ведь не о машине идет речь, а о людях, о их судьбах, о судьбе России, в конце концов!

Да лучше пусть у вас останутся нераскрытые «дела», чем раскрытые через пень-колоду! Да лучше пусть вы не будете «передовыми» во всей области и во всей стране, чем ваши «показатели» проедутся, как катком, по душам живых людей. И подозреваемые, и обвиняемые, и подсудимые, и осужденные – это тоже люди.

И Тараканов – человек. И он достоин если и не уважения, то хотя бы сочувствия и сострадания. Он не душегуб, не маньяк, не грабитель и не разбойник. Он даже не мошенник в полном смысле этого слова, хотя его действия можно квалифицировать и таким образом. Он просто несчастный, запутавшийся человек, искренне поверивший нашему государству, что ему нужны предприимчивые люди, что оно действительно хочет вырастить средний класс, который возродит Россию.

А ведь государство – это не что-то абстрактное. Это не только президент, дума, совет федерации, генеральная прокуратура, армия. Это и более приземленные величины: мэр, администрация, налоговая инспекция, милиция, следственный отдел...

Так нужны ли вам предприниматели? Не как дойная корова бюджетных доходов, не как источник спонсорско-меценатских вливаний, а как люди, личности, способные поднять с колен Таганрог? Если нужны, то отношение к ним должно быть иное. Одного предпринимателя вы уже потеряли...

В своей кассационной жалобе Тараканов написал: «Я совершил много ошибок в своей жизни, но самая грубая из них – мое хождение в бизнес. Я потерял все: имущество, накопления, квартиру, свободу. И не потому, что оказался плохим предпринимателем, а потому, что был изначально поставлен

в условия, в которых совершенно не ощутима грань между законом и беззаконием, где на равных участвуют и государство, и криминалитет, где жить означает только выживать...»

Уверен, что после выхода на свободу Игорь Михайлович уже никогда не займется предпринимательством. Врачи нам, конечно, тоже нужны. Но отныне он будет только потреблять бюджетные деньги и как огня будет избегать возможностей пополнять этот бюджет. Кто окажется в выигрыше: пенсионеры, учителя, студенты, артисты, милиционеры, следователи?

Виноват, конечно же, виноват Игорь Михайлович. И суд наказал его правильно. Слишком сурово, но правильно. Да только и суда этого могло просто не быть. Если бы следователь своевременно отсекал фальшивые финансовые претензии, а оставшимся нашел иную, их истинную квалификацию, глядишь – и долги бы вернулись, и человек был бы на свободе, и умирающие больные получили бы своевременную помощь.

Да только в нашем Зазеркалье все наоборот: где право, там лево...

СЫР

Избиения и грабежи на улицах Таганрога стали привычными признаками его быта только после того, как первые волны чубайсовской приватизации докатились наконец и до этого всегда тихого и законопослушного при всех властях городка. О том, что здесь извечно, но не очень успешно стремились к большому и настоящему богатству, свидетельствуют и Антон Павлович Чехов, и местный историк Филевский, и веселый и остроумный писатель Званцев. Между желаниями и возможностями всегда пролегла глубочайшая пропасть (а если хотите – вершина) сначала российских, а потом советских законов, преодолеть которые удавалось считанным единицам.

И сегодня, полтора века спустя, у всех на слуху знаменитое дело контрабандиста Вальяно, которому удалось с помощью адвокатских ухищрений сохранить от посягательств государства и свои миллионы, и незапятнанную репутацию предпринимателя.

Известнейший юрист того времени преподал на века вперед всем таганрожцам поучительный урок, что с правительственными указами можно и нужно бороться их же собственным содержанием. И если незнание закона не освобождает от ответственности, то как раз его глубокое и всестороннее знание, наоборот, может позволить человеку избежать любых неприятностей, исходящих от слепой Фемиды.

К сожалению, в советских школах всем ученикам усиленно вдалбливали только первую часть этого умозаключения, а поэтому после получения аттестата зрелости выпускники подсознательно испытывали страх перед законами, которых, конечно же, не знали. Ну, а раз уж не знали, то, соответственно, на всякий случай, и считали себя заранее виноватыми перед неосвобожденной ответственностью.

Вторую часть умозаключения постигала на практике только номенклатура, которой ежедневно приходилось и лояльность демонстрировать, и фигу в кармане держать в постоянной готовности. Такой же двойной стандарт сохранялся и по отношению к законам: не пойман – не вор! А поэтому ежечасно и оттачивалось умение не попадаться.

Исходя из этого, вполне понятно, что к началу крупномасштабной приватизации работяги и номенклатура пришли с разными уровнями подготовки. Одни – испытывающие непреходящее чувство вины и гегемонический комплекс неполноценности – старались действовать коллективистским

нахрапом. Они проводили собрания трудовых коллективов, принимали решения, резолюции и постановления, стучали кулаком по столам в чиновничьих кабинетах и строчили жалобы во все инстанции.

Другие – на кошачьих лапках входили и выходили из этих собраний, вдали от политических баталий подготавливали с помощью юристов нужные бумаги и огораживали себя частоколом сравнительно законных договоров и учредительных документов.

А когда первые – ошалевшие от «демократических свобод» – пришли в себя, то оказалось, что вторые уже давно и удобно сидят за великолепным забором. Там же почему-то оказалась и вся народная собственность. И им ничего не оставалось, как только долго и внимательно изучать новые ворота этого архитектурного сооружения.

Я думаю, нашим потомкам будет небезынтересно узнать, как становились богатыми и знаменитыми их высокочтимые предки, в каких «каторжных» трудах они добывали свои первые миллионы, а поэтому и взял на себя труд рассказать всего одну историю. Я думаю, она убедит всех, что наши выдающиеся политические деятели начинали вовсе не с чистки обуви на улицах и не с изготовления дешевеньких печатей и штампов...

А начиналось все в уже далеком 1992 году, когда председатель недавно созданного городского комитета по управлению имуществом (КУИ) Александр Кабицкий с торжественной дрожью в голосе и небывалым чувством собственной значимости заявил, что перед его конторой правительством России поставлена невиданная в истории задача: в кратчайшие сроки создать в Таганроге новый класс собственников.

Я сам слышал эти слова и почему-то сохранилось ощущение, что сразу же после них загремел туш духового оркестра. А может быть, его и не было вовсе, но вот дрожь нетерпения перед неожиданной возможностью разбогатеть совершенно бесплатно пронеслась по всем трудовым коллективам. Призыв к приватизации был воспринят, как ленинский наказ в семнадцатом году: «Грабь награбленное!»

И в этом была своя логика. Ибо все прекрасно знали, что наше социалистическое государство всегда оставляло рабочему человеку лишь десятую часть от того, что он добыл своим

трудом. Вот поэтому и хотелось возвратить свои кровные девять десятых.

Особенно нелегкой была доля простых швей, которые совсем уж за копейки горбатились и теряли зрение, одевая тех, кто побогаче в совсем небогатом СССР. А поэтому когда в ателье по пошиву женской одежды «Ярославна» затеялось приватизационное движение, то его подхватил весь коллектив.

26 ноября 1992 года швеи торжественно отнесли в КУИ заявку на приватизацию своего предприятия. К заявке соответственно приложили и протокол общего собрания.

Однако в школе наши швеи учились, надо полагать, не очень хорошо, а поэтому протокол не пронумеровали и дату проведения собрания забыли поставить. В КУИ им не указали на их ошибку, а заявление здесь же зарегистрировали и отправили их с Богом.

Между тем, маленький зазорчик, нарушающий закон, был оставлен как повод для дальнейших нарушений, но уже со стороны чиновников. Мина замедленного действия была установлена именно 26 ноября.

Объясню и для чего это было нужно.

Дело в том, что принять решение о приватизации (на основании заявления) КУИ должен был в течение месяца. Затем в трехдневный срок он должен был известить коллектив о своем решении. А те, в свою очередь, должны были срочно создать свою комиссию по приватизации, подготовить план этой акции, согласовать его с трудовым коллективом, и закончить всю эту организационно-юридическую суету нужно было не позднее 26 февраля 1993 года. Таков закон: на все про все три месяца с момента подачи заявки.

Но швеи, как и положено законопослушным советским гражданам, об этом ничего не знали, а поэтому и спокойно ждали от КУИ благосклонного решения свыше. Им виднее!

А куишная «братва» никуда и не торопилась. Во-первых, отдавать такой жирный кусок, как «Ярославна» (центр города – ул. Ленина, 54), она кому попало не собиралась. А во-вторых, даже в случае крайне суровых проверок они могли отбиться: документы-то не в порядке, цифры и даты не проставлены. Кто их накажет за такое нарушение? Ведь прохлопали-то не они, а швеи.

И началась нормальная комсомольско-партийная свистопляска. Швеи ждут, а куишники посмеиваются. И заодно

подыскивают клиента на жирный кусок.

То, что к концу июля следующего, то есть 1993 года, такой клиент был найден, можно говорить с полной уверенностью, так как решение о приватизации «Ярославны» было наконец-то, восемь месяцев спустя, принято и 29 июля утверждено.

Швеям сразу бы спохватиться. Опротестовать это решение. Отказаться от него и затеять свою приватизацию заново. Но они, как и положено гегемону, промолчали. И подписали себе приговор.

К началу сентября был разработан план приватизации. Но кем был выполнен этот титанический труд и как он выглядел, мы уже не узнаем никогда. История не сможет отблагодарить своего героя. Об этом плане до сих пор ничего неизвестно ни бывшему трудовому коллективу «Ярославны» (хотя по закону это необходимо), ни суду, который будет заниматься этим гражданским делом начиная с 1994 года и далее долгих шесть лет подряд.

Первой в начале ноября 1993 года забила тревогу директор ателье Татьяна Владимировна Ковалева. Ее, честно говоря, не просто обеспокоили, а по-настоящему испугали те скрытые подводные течения, которые по чьей-то злой воле начали размывать некогда крепкий коллектив. Кто-то и где-то о чем-то беседовал с людьми и подготавливал их к глобальным переменам.

Люди уже знали, что по закону в процессе приватизации они будут иметь право получить бесплатно только 30 процентов материальных ценностей своего предприятия. Остальные семьдесят нужно выкупать. Да еще и нужно победить в аукционе, чтобы иметь право на эту покупку.

А решение о приватизации уже принято. Отступить некуда. И впереди, кроме торгов, ждать нечего.

Таким образом, их подтолкнули и поставили перед дилеммой: либо сложить лапки и ждать того, кто их купит, а потом сотворит с ними что угодно, либо нужно срочно искать деньги, чтобы на законных правах самим выкупить все предприятие. Иного не дано.

Но где взять деньги? Какие такие запасы могут быть у швей-мотористок? Взять в банке? Но это 360 процентов годовых. И если они получают ссуду в размере 190 тысяч долларов, а именно столько и нужно для выкупа, то только процентами нужно вернуть

через год 684 тысячи, а общий долг достигнет 874 тысяч. Откуда возьмется такая сумма? Чтобы ее выручить, ателье должно в день зарабатывать 2394 доллара, что равносильно двум подержанным иномаркам...

Таким образом, самовыкуп исключался полностью. Вот тогда Татьяна Владимировна и обратилась с письмом в городскую прокуратуру. Ей хотелось только одного: чтобы запущенная машина приватизации стала в исходное положение, чтобы все уже произведенные с огромными нарушениями действия были признаны незаконными и были отменены. А еще чтобы «Ярославна» из объекта торговли снова перешла в статус муниципального предприятия. Только и всего. Но за этим крылась действительная забота о коллективе, который уже в ближайшее время мог лишиться работы.

Однако в коллективе к этому времени царствовал уже совсем другой дух. Предчувствие наживы всегда заглушает инстинкт самосохранения. И если впереди маячит каждому (но бесплатно) хотя бы один процент от общей стоимости предприятия, а именно на это они и могли рассчитывать, то разве можно уже остановить человека?

– Ну и пусть нас покупают, – кричали самые азартные. – Зато я сразу, автоматически, стану владельцем имущества на тысячу девятьсот долларов. Да я уволюсь и сразу машину куплю!

И как ни пыталась Татьяна Владимировна объяснять, что это богатство прозрачное и несправедное, ее уже никто не слушал.

Позиции директора ателье еще больше пошатнулись, когда вдруг неизвестно откуда, как черт из табакерки, появилась удивительнейшая фигура добрейшего и всепонимающего однофамильца Татьяны Владимировны – Вадима Эдуардовича Ковалева. Казалось, не было проблем, которые он не мог бы решить.

Вам нужны деньги? Они у меня есть. Вы хотите выкупить предприятие? Бог вам в помощь! Делаем простейший заем. И без всяких процентов. Деньги мне вернете в течение трех лет. Однако я тоже должен иметь какие-то гарантии.

Вы можете умереть, уволиться, уехать, а я останусь «на бобах». И не смогу возместить свои убытки даже вашим оборудованием. Кто мне его, как частному лицу, отдаст?

Поступим разумнее. Вы со мной заключаете договор о

совместной деятельности, и мы, таким образом, становимся так называемым полным товариществом. Гарантией возврата моих денег будет то, что вы возложите на меня руководство этим товариществом и выделите мне в нем долю в размере моих денег, то есть 70 процентов.

Теперь даже если с вами что-то случится, я всегда смогу вернуть свою ссуду имуществом. Согласны?

Но это все простая формальность. Вы как были «Ярославной», так ею и останетесь. А по мере возвращения долга моя доля участия в ваших делах будет сокращаться. Пока вы не станете через три года полными хозяевами.

Да, вот я еще что забыл: когда мы выкупим «Ярославну», то она автоматически перестанет быть муниципальным предприятием, а значит, на ее основе нужно будет создать ТОО. Но это все просто. Это я все сделаю. В новом ТОО, конечно, и имущество, и голоса делим по тому же принципу, что и в нашем полном товариществе. Согласны? Ну и ладушки.

И, наконец, еще одна предосторожность: денег на покупку ателье у меня лично нет. Даст их мне одна хорошая фирма. А я, как и вы, человек смертный, а фирме тоже нужны гарантии. Поэтому, я думаю, вы не будете возражать, если в критической ситуации – все может случиться – я свои права в новом ТОО передам этой фирме-благотворительнице. Да вам, собственно, какая разница? Главное, чтобы дело делалось да людям было хорошо...

На том и сговорились. Вадим Эдуардович подготовил текст договора о совместной деятельности и собрал на нем подписи пятнадцати работников из двадцати имеющихся в наличности. Одиннадцать человек были в декрете, а поэтому и остались за рамками договора. Не вошла в список и строптивая директор.

Вот здесь-то Татьяна Владимировна и поняла, что поезд может уйти без нее, и уже на ходу вскочила в последний вагон. Ее фамилию уже после отправления впечатали в договор, и она расписалась.

Дальше все происходило, как в счастливом или дурном сне. Только время могло определить его качество.

25 ноября Ковалева приняли на работу в ателье по совместительству, чтобы договор о совместной деятельности с Вадимом Эдуардовичем не выглядел совсем уж незаконной липой. Ковалева знала, что этим нарушает закон, но по волосам

уже не плакала.

В этот же день окончательно оформили договор, заверив его у нотариуса.

В этот же день оформили на Ковалева доверенность, вручив ему тем самым на целых три года (так записано в доверенности) и свои судьбы, и все свое имущество. Теперь один его голос стоил в два раза больше, чем мнение всего коллектива.

А уже 26 ноября состоялись торги, на которых Ковалев блестяще победил всех конкурентов и стал почти полноправным владельцем «Ярославны».

В радостной эйфории все как-то и не заметили письма, которое пришло в ателье в этот же день из прокуратуры. В нем ныне покойный прокурор города Ю. Н. Несмеянов извещал Ковалеву, что ее жалоба проверена и все нарушения подтвердились. Исходя из чего сделка приватизации может быть в дальнейшем признана недействительной.

Копия этого письма легла и на стол главы администрации С. И. Шило. Несмеянов требовал наказать виновных в беззаконии кушников.

Все только начиналось...

2

Если бы закон хоть каким-то образом влиял на вялотекущую жизнь Таганрога, то, я думаю, уже к сегодняшнему дню он мог бы обрести хотя бы внешне более цивилизованный вид. Однако тем и гордились, что сохраняли его неизменным с аракчеевских времен. И по виду, и по духу.

В дореволюционные времена вершили судьбы градоначальник и полицмейстер. В советские – круг несколько расширился, и за ломберный столик были допущены расписывать «пульку» не только начальник милиции, но и прокурор, и председатель суда, и директора промторга и продторга. Очевидно, сказывался дефицит товаров. Там и решалась жизнь горожан.

Сегодня власть децентрализовалась и расплзлась по углам и офисам, в которых сидят наиболее удачливые приватизаторы. А начала она расплзаться 26 ноября 1993 года, когда письмо бывшего прокурора Несмеянова о судьбе ателье «Ярославна» на столе главы администрации так и осталось незамеченным.

А может быть, оно туда и не попадало вовсе. Но это еще хуже, ибо означает, что истинная власть находилась уже тогда в других руках.

А может быть, оно было направлено для проверки «по принадлежности» (как это принято), то есть в само КУИ. И ребята долго веселились, придумывая ответ, как они «устранили недостатки» и наказали самих себя.

Думаю, что, скорее всего, так оно и было. И об этом свидетельствуют дальнейшие события.

Комитетчики от имущества, которым для раскочки потребовалось целых 240 дней, чтобы только дать разрешение на приватизацию «Ярославны», вдруг в течение трех недель оформили все необходимые бумаги для того, чтобы узаконить сделку.

А она была незаконной изначально и во всех отношениях. Во-первых, коллектив так и не увидел плана приватизации. И одного этого хватило бы, чтобы возбудить уже не гражданское, а уголовное дело. Во-вторых, нарушены все сроки приватизационного процесса. И, в-третьих, появление подставного лица, его незаконный прием на работу за день до торгов тоже пахнет уголовщиной.

Об этом Ковалева стала кричать уже на следующий день после прочтения прокурорского письма, но на нее повсюду смотрели как на умалишенную. Возможно, действительно не понимали, о чем идет речь, и видели в ней только человека, теряющего власть и желающего сохранить свое директорское кресло. Если так, то это просто недалёковидность и глупость, которой отличаются многие чиновники. А если молчали умышленно, то это уже преступление, которое, к сожалению, уже никогда не будет наказано.

А события, между тем, развивались с поразительной быстротой и в духе балаганного фарса.

В день торгов, то есть 26 ноября 1993 года, уже не Ковалева – директор «Ярославны», а Ковалев Вадим Эдуардович – руководитель полного товарищества заключает с КУИ договор № 482 на аренду помещения ателье. При этом еще неизвестно, найдутся ли у «электрика» Ковалева (так он значится в штатном расписании) и у его товарищей деньги, чтобы оплатить свой победный лот. Денег нет, а договор на аренду уже есть, и на целых пятнадцать лет.

Основанием для заключения этого договора, как в нем сказано, послужило свидетельство о собственности.

Особо заметьте: договор заключен 26 ноября 1993 года, а свидетельство собственности Ковалев получит только 18 июля 1994 года. Улавливаете ясновидящие способности куишного клерка?

20 декабря 1993 года подписан и договор о купле-продаже между Ковалевым и председателем фонда имущества О. В. Шуляком. Обратите внимание, никаких денег Вадим Эдуардович еще никуда не вносил, но уже согласно пункту 6.1. этого договора он приобрел «... право собственности на «Объект».

Но главный пункт этого документа, ради которого и затевался весь сыр-бор, скромно прятался среди десятков остальных. Он заслуживает того, чтобы его процитировать хотя бы частично.

«3.1.... Покупателем является полное товарищество «Ковалев В. Э. и «Ярославна», созданное трудовым коллективом М. П. «Ярославна», которое в соответствии с п.5.4. «Государственной программы приватизации...» не пользуется льготами при выкупе муниципального имущества...»

Вы поняли, о чем идет речь? Нет, этот пункт пока еще не лишал несчастных швей их доли имущества, а только уточнял, что на «бесплатный сыр» им уже рассчитывать не придется. За свою долю они должны платить так же, как и Ковалев. А это по уровню цен того времени 84 тысячи долларов. Сущие пустяки для швей-мотористок!

И они возмутились. И поддержали Ковалева, когда тот предъявил КУИ протокол разногласий на договор купли-продажи. И вместе с ним, воодушевленные правдоискательством, обратились с иском к КУИ в суд.

Им казалось, что это только куишные борзописцы строят против них козни. И даже не догадывались, что инициатором этих хитрых маневров был сам Ковалев, который прекрасно знал, в чем смысл пункта 5.4. «Государственной программы...», на который ссылалось КУИ.

Знали и куишники, но почему-то не предупредили своевременно наших модисток, что этот пункт в программу приватизации введен законодателями неслучайно. Ибо он как раз и был призван охранять муниципальную собственность от жадных чиновников и загребущих частных фирм.

Если трудовой коллектив хочет выкупить свое предприятие – пожалуйста! – вносите деньги и получаете 30% имущества бесплатно. Но если вы это делаете совместно с частниками или их подставными лицами, то не надейтесь на льготы.

Правда, наше лукавое государство не подумало, откуда у рабочих, живущих от зарплаты до зарплаты, могут взяться миллионы. Не предусмотрело ни продажи в долгосрочный кредит, ни обязательных беспроцентных ссуд – ничего! И стали появляться Ковалевы.

Но если Вадим Эдуардович действительно честный человек и, предположим, даже не знал сути пункта 5.4., то почему же, узнав, не отказался от несправедливой грабительской сделки? Чем его действия и мотивы лучше «гоп-стопника», вырывающего сумочку из рук зазевавшейся жертвы? Разница только в размере добычи. Да еще, может быть, в последствиях. Ворюгу, если схватят, посадят на нары. А Ковалев и его покровители обязательно потребуют к себе уважения, займутся политикой и будут претендовать на руководящие роли в обществе. И очень будут обижаться, если их станут называть не бизнесменами, а ворами. Но это все еще впереди.

А тогда, в декабре 1993 года, практически завершилась первая стадия захвата «Ярославны». Операция вступала в завершающую фазу.

Пока шведы бегали по чиновничьим кабинетам, выяснилось, что на шестой день после торгов, то есть 2 декабря 1993г., Ковалев по подложным документам уже зарегистрировал на основе бывшей «Ярославны» новое ТОО «Силуэт-2». Иупрекнуть-то его было не в чем: ведь они так и договаривались. А что протокол собрания поддельный, тоже понять можно – торопился: попробуйте за неделю узаконить новое предприятие.

Все остальное уже было предрешено и выглядело, как простая и предсказуемая многоходовая шахматная комбинация.

4 мая 1994 года суд отклоняет иск полного товарищества «Ковалев и «Ярославна» и обязует выплатить полную стоимость предприятия.

14 июля добротная фирма, которую и представлял Ковалев, перечисляет в фонд имущества эти деньги, и Вадим Эдуардович становится полноправным владельцем всего имущества, на которое с таким вожделием поглядывали

швей.

18 июля полное товарищество, в котором теперь только один владелец, получает от администрации города свидетельство о собственности № 70.

В этот же день Ковалева по акту передает свое предприятие своему однофамильцу.

8 декабря 1994 года наша доблестная противопожарная служба вдруг вспомнит, что помещения по ул. Ленина, 54 непригодны для безопасной работы, и лейтенант Кузнецов Г. Г. выпишет постановление-протокол, запрещающий их эксплуатацию. Электроприборы и входные двери будут опечатаны, а женщин просто выставят.

Все! Круг замкнулся. Приватизация фактически состоялась. Новые собственники уже не стеснялись и никому не выражали сочувствия. Они теперь не скрывали ни своих лиц, ни своих фамилий.

Впервые на противопожарном постановлении-протоколе появится подпись того, кто был истинным инициатором грабежа швей-мотористок и все время стоял за спиной Ковалева.

Но он явно погорячился. Да, он уплатил свои деньги по договору купли-продажи. Но ведь Ковалев еще жив и не передавал своих полномочий в «Ярославне», да и в «Силуэте-2» тоже своему боссу. А значит, босс и не имел никакого права на подпись в бумаге пожарного.

С точки зрения закона, он и для пожарного, и для швей-мотористок никто. Но так велика сила денег, что, отдав их, сразу же хочется почувствовать себя хозяином. И он «засветился». Мелко, подло, но «засветился».

Он узаконит свое положение, поняв ошибку, гораздо позже.

7 апреля 1995 года босс подаст свое заявление собранию участников ТОО «Силуэт-2» с просьбой принять его в состав участников ТОО на долю выбывающего Ковалева.

14 апреля якобы пройдет такое собрание, и частную фирму примут в совладельцы.

Потом, уже 2 августа 1995 года, босс получит на руки постановление главы администрации № 2421 о внесении изменений в учредительные документы «Силуэта-2», где будет значиться уже и его фирма.

И только 10 декабря 1996 года (по акту приема-передачи)

«Силуэт-2» вручит своему боссу, как подарочный торт, помещение по улице Ленина, 54.

Вот теперь он действительно имел право гнать взашей всю эту рвань и нищету из своего дома. А тогда, ровно два года назад, он, конечно же, поторопился и погорячился, выставив свои уши.

Но вот можно ли его осуждать за это? Ведь не высказали же ему своего презрения ни наши выборные представители в коридорах городской власти, ни профсоюзы, твердящие, что они защищают права трудящихся, ни широкая «общественность» в лице своих политических партий, ни вездесущие журналисты, утверждающие, что они борются за чистоту нравственности. Не вмешались ни прокуратура, ни милиция.

И только суд в силу своих должностных обязанностей занялся гражданским делом швей-мотористок с их иском к Ковалеву. Но, собственно, и он не вынес ни одного частного определения, в котором черным по белому подлость была бы названа своим собственным именем.

А начали свой судебный марафон обездоленные женщины еще за полгода до того, как босс выпнет их на улицу. Но фактически он не закончен и по сегодняшний день. Шесть лет потребовалось для того, чтобы хоть как-то прояснить ситуацию. Тринадцать судебных заседаний и многократные вмешательства Ростовского областного суда потребовались для того, чтобы в конечном итоге были признаны недействительными все сделки и договоры, начиная от полного товарищества «Ковалев и «Ярославна» и заканчивая передачей здания в «подарок» боссу.

Но радости это решение судьи Л. Ф. Устиновой почему-то нашим истцам не принесло. Нет, конечно же, они благодарны человеку, у которого хватило храбрости в нашем городе назвать беззаконие – беззаконием. Их воодушевляют слова приговора: «привести в первоначальное положение». Но вот как это сделать?

Первоначально эти женщины никого не трогали. Они честно зарабатывали свой хлеб и никому не мешали. Мало того, они приносили радость людям, получая за это сущие копейки сначала от государства, а потом и от нашего муниципалитета. То оборудование, на котором они работали, и то жалкое помещение, в котором они скрывались от непогоды, пропитаны их потом и

здоровьем. Они стали и были их собственностью, так как их стоимость уже многократно перекрыта теми налогами, которые они отдали государству. И кто теперь конкретно вернет все в «первоначальное положение»? Кто вернет им их оборудование, которое уже давно стоит в Доме быта? Кто вернет им помещение, в котором весьма символично находится сегодня «Учреждение юстиции по государственной регистрации недвижимости». Как оно туда попало, Бог весть! Сдано ли в аренду? Продано? Подарено ли, как борзые щенки?

Кто возместит швеям их вынужденный прогул? Кто вернет деньги, потраченные на лекарства, без которых ни одно заседание суда не было бы возможным? Кто вернет им здоровье?

Суд не ответил на эти вопросы. Суд только юридически вернул все в «первоначальное положение». А фактически преступники гуляют на свободе и посмеиваются над униженными женщинами.

А между тем, гражданское дело № 2-222-99 изобилует документами, о которых истицы говорят, что они – откровенная подделка. Особо это касается протоколов собраний. А разве у нас не карается законом подделка документов? А разве предъявление таких документов в суд не является фальсификацией доказательств? А разве вообще вся эта история не тянет на мошенничество?

Я не юрист, а поэтому не берусь квалифицировать действия приватизаторов. Но полагаю, что профессионал сделает это более умело и достойно. Вот поэтому и рассчитываю, что наша городская прокуратура обратит внимание на мое выступление. Надеюсь, что, может быть, хоть прокуратуре совместно с городской администрацией действительно удастся помочь суду выполнить его решение. А как иначе можно вернуть все в «первоначальное положение»?

Надеюсь, что и письмо прокурора Несмеянова будет наконец-то извлечено из архива, и его требование будет исполнено. Просил он не так уж и много: «наказать виновных».

Вот и вся моя незатейливая история. Хотя – да! – я, кажется, забыл еще одну деталь. Везде и всюду я поминал недобрым словом Вадима Эдуардовича Ковалева. И наверное, не совсем справедливо. Он просто хороший исполнитель. Ему приказали – он сделал.

А вот босса-то я и не назвал. Каюсь и тороплюсь исправиться.

Вы его хорошо знаете. Это – Сергей Бидаш. Наш депутат и генеральный директор «Тагмета».

Теперь-то он, конечно, такой мелочовкой, как ателье, и заниматься не станет. Но ведь это теперь... А тогда «Шельф» делал только первые шаги.

Эпидемия

Он умирал долго и мучительно. А может быть, это только казалось Раисе Васильевне, которая сидела рядом с постелью сына в реанимационном отделении и, убитая горем, жадно ловила малейшие перемены в лице Виталия.

Иногда он приходил в себя. Его веки вздрагивали и приоткрывались, а суженные зрачки, как начальные точки сигнала SOS, звали о помощи. Она склонялась к его уху и горячо шептала:

– Витасик, сыночек, я здесь! Ты слышишь меня?

Но он молчал: или не слышал, или уже не хватало сил, чтобы подать знак. И только перед самым уходом он наконец разжал спекшиеся губы и на последнем выдохе произнес:

– Как я устал, мама... Если бы ты...

Но вот что «если бы», она так и не смогла понять. Не успела. А поэтому и тогда, и потом винила только себя.

Если бы она вовремя заметила, что сын пристрастился к наркотикам, то все было бы иначе...

Если бы она проявила настойчивость и поломала дружбу Витасика с Сашкой, то он был бы сейчас жив...

Если бы она купила сыночку компьютер, как он просил, то это отвлекло бы его от улицы...

Если б отец, как другие, жил бы одной жизнью с сыном, а не пропадал бы сутками то на работе, то на деловых фуршетах, то у любовницы...

И эти десятки «если б» выстаивались в длинную цепочку причинно-следственных связей, оба конца которой почему-то все равно при любых комбинациях и раскладах тонули в бессмысленной тьме небытия. Сердце отказывалось принимать неизбежность смерти Виталика, а разум говорил другое. «Ну и что? – вопрошал он с сарказмом. – Спасла бы ты его от Сашки, а здесь же нашелся бы Ивашка. Сошелся бы ближе с отцом? Стал бы распутным алкоголиком. А там и снова полшага до иглы. Компьютер? Так он есть и у Сашки. Но это не мешает ему не вылазить из наркодиспансера...»

Нет, что-то здесь не сходилось. За пределами ее логических построений все равно оставалось что-то темное, огромное и непознанное, как Вселенная, Вечность, Смерть. И тогда она обращалась в эту пустоту, к этому Ничто только с одним вопросом: «Почему именно я? Почему моего Виталика?»

Но и здесь она ошибалась. В тот самый момент, когда

она кричала эти вопросы, бригада врачей «скорой помощи» констатировала смерть девушки, которую у мусорных баков на Русском поле нашли милиционеры. Первичный диагноз – передозировка наркотиков.

В это же время на кладбище за Николаевским переездом еще одна мать прощалась со своим сыном, который два дня назад после очередной дозы опия вышел на балкон шестого этажа, задумчиво посмотрел вниз, перелез через перила ограждения и прыгнул.

Не слышал криков отчаяния Раисы Васильевны и Леша Труфанов. Два часа назад его отпустили из стационара наркологического диспансера, чтобы он сходил домой и поменял нижнее белье. Но домой Леша не пошел. Он сразу же направился по адресу, который знают все наркоманы. В грязной полутемной комнате он жгутом перетянул себе руку у предплечья, торопливо отшлепал внутренний локтевой сгиб и в разбухшую вену трясущейся свободной рукой жадно вонзил иглу. Кайф пришел мгновенно.

Он посидел еще две-три минуты, покурил, купил еще одну дозу и вышел из вонючей лачуги.

Уколоться хотел в одном из двориков, окружающих железнодорожный вокзал, но был задержан нарядом милиции. Думал – не повезло. И не догадывался, что черное Ничто уже коснулось его своим крылом: следующая порция должна была стать смертельной. И его уже ждала освободившаяся постель Витасика в реанимации. На этот раз не случилось...

А вокруг полыхал август. Под нестерпимым зноем Таганрог, как блин, распластался на сковороде своего полуострова. Пенился пожухлой от пыли листвой садов и скверов. Шипел тысячью шин по извечным ухабам дорог. Покрывался золотистой корочкой загара на телах аборигенов и гостей, разбросанных по всему побережью.

В этой общей кухне бряцали, как пустая посуда, трамваи и троллейбусы. С сумками и ящиками овощей для заготовок на зиму, с мешками соли и сахара сновали во все стороны люди. Жареные пирожки, семечки, сосиски, бутерброды, гамбургеры и хот-доги здесь же готовились и съедались. И все это заливалось нескончаемыми потоками газированной воды. И никто никого не замечал. Все, как влюбленные на лавочках, в публичном одиночестве упивались сами собой.

Никто не знал, да и не хотел знать, ни о горе Раисы Васильевны, ни о девушке, которую уже перевезли в морг, ни о самоубийце, с которым недавно попрощалась его одинокая мать, ни о нечаянно спасенном Леше Труфанове, ни о стайке проституток, которые прямо сейчас, сверкая бикини из-под мини-юбок, галопом несутся вверх по переулку Антона Глушко. Они только что заработали деньги и теперь спешат в скромный дворик на углу улицы Розы Люксембург, где им прямо из оконной форточки выдадут взамен на купюры уже запровленные опиум одноразовые шприцы.

Никто не обращал внимания и на неприкайные фигуры юношей и девушек, которые с полуприкрытыми глазами, как сомнамбулы, хаотически, по всем направлениям перемещаются по городу. Никто даже не подозревал, что во всем этом хаосе есть строгая логика и упорядоченность.

Сначала они бредут в поисках денег. Занимают, воруют, продают вынесенное из дома или награбленное на улице, получают гонорар за сданных в наем жен-проституток, отбирают у беспризорных детей выручку за пустые бутылки, «обносят» сады и домики дачников. Короче, не брезгают ничем. И готовы на все, что обещает взамен деньги. Если нужно убить – убьют.

А потом, в том же заведенном порядке, отправляются по притонам. На угол Греческой, на Октябрьскую площадь, где Ленин заглядывает в окно маковой фабрики-кухни; на перекресток улиц Чехова и Транспортной, на Русское поле, на улицу Сергея Лазо, на 10-ю линию... Адресов десятки и десятки, где их ждут, где их уважают, где их готовы принимать круглые сутки...

А оглушенные жарой, бытом и мирскими заботами таганрожцы даже не замечают, что в их исторический город пришла эпидемия. И она страшнее холеры или чумы, потому что пожинает свой урожай не стихийно и одноразово, а постоянно и в геометрической прогрессии. Ибо таков принцип и закон распространения наркотиков.

Первую дозу наркоторговец всегда отдает бесплатно. За вторую каждый вновь приобщенный должен привести двух новичков. Затем новички, каждый в свою очередь, для своей бесплатной второй дозы должны откупиться приобщением удвоенного количества любопытствующих. При хорошей постановке дела только за одну неделю этот «закон удвоения» способен собрать под крылом одного торговца свыше 120

человек.

Чтобы «сесть на иглу» бесповоротно, достаточно пяти уколов. Но и из тех, кто попробовал только один раз, редко кто отказывается повторить этот опыт. Значит, за неделю по крайней мере половина из вновь приобщенных начнет стабильно и за деньги выкупать свою «радость жизни». Вторая половина пока еще около недели будет заниматься приобщением новеньких. А затем тоже вступит в армию приносящих прибыль. И так без конца.

Но это только в теории. На практике процесс втягивания в наркотический омут происходит несколько медленнее. Начинают с курения конопли (марихуаны), совмещая ее со спиртными напитками, затем, не удовлетворяясь ощущениями, начинают колоться хотя бы раз в месяц ацетилированным опиумом, который в просторечье называют «ханкой». И уже через пару лет доходят до точки. За эти же два года происходит и полнейшая деградация личности, которая на начальном этапе характеризуется лишь повышенной агрессивностью и откровенной асоциальностью. Потом пройдет и это.

Леша Труфанов, которого я уже упоминал выше, и его друг Денис Варванин, по их собственному свидетельству, начали интересоваться наркотиками еще года три назад. Они учились в одной школе, но свели их, надо полагать, не однокашнические интересы, так как Алексею в ту пору было двадцать три года, а Денису – всего девятнадцать. В этом возрасте разница в четыре года – непроходимая пропасть. Значит, сошлись на том, что и свело их в этом году на одной скамье подсудимых.

А начиналась их преступная судьба почти безобидно. Встретились как-то они в январе 1998 года. Алексей был при девушках, которых звали Инна и Валерия, а Денис – с дружкой Романом. Решили посидеть в закуской «Заря». Тем более что и повод был серьезным – день рождения Инны.

Роман уже был достаточно пьян, а поэтому заснул после первой рюмки. А остальная четверка потихоньку да понемногу «усидела» за три часа три бутылки водки, то есть почти четыреста граммов на нос.

Все анекдоты, которые знали (а знали они немало), уже были рассказаны, говорить было не о чем, и начался второй этап застолья.

Сначала задирали мужичков, сидящих за соседними

столиками. Потом Варванин придумал игру интереснее. Они сидели рядом со входом в закусную, и Денис стал ногой загораживать дверной проем, требуя от входящих плату за посещение.

Закончилось все общей потасовкой, в которой была переломала казенная мебель и побита посуда, а Алексею и Денису изрядно помяли ребра и «отрихтовали» физиономии. Мужички посчитали себя стороной пострадавшей и сдали друзей наряду милиции.

Замечу, кстати, что неадекватность поведения и Варванина, и Труфанова была во многом обусловлена тем, что они уже год употребляли наркотики. А водка только усугубляла начало распада.

Как бы то ни было, но с тех пор Варванин уже не рисковал выходить «в люди» без ножа.

Следующий преступный эпизод произошел всего полгода спустя. Но он уже воспринимается как обострение серьезных нарушений психики Дениса. Ни «травка», ни «ширка» даром не проходят. И проявляются эти нарушения, как правило, лишь в одном направлении – в безудержном стремлении к удовольствиям. Любым способом и во что бы то ни стало.

В последний день мая Денис встретился со своим одноклассником Вячеславом Бородавкой. Слава всего месяц назад демобилизовался из армии и теперь занимался только тем, что радовался свободе и праздновал это событие.

Пить самогон начали в час дня и к десяти вечера «оприходовали» два литра. Денег не было, а поэтому опустошали запасы знакомых. Но когда сивуха стала уже поперек горла, решили искать новые удовольствия.

Остановили легковую машину и тоном «крутых» и богатых заказали: «Новый вокзал». Прибыли на место, проехали по кольцу и, не увидев «работающих» девушек, заказали следующий маршрут с конечной остановкой на улице Греческой.

Однако водитель запротестовал, требуя оплату вперед, и Денис, недолго думая, приставил к его горлу нож. Этот аргумент оказался убедительным.

Возле редакции «Таганрогской правды», где символическим образом объединились две древнейшие профессии, Варванин привел в машину проститутку и приказал ехать в Самбек.

Почему именно в это село, Денис объяснил Славе раньше:

«Денег нет, а проститутка потребует оплату за услуги. Вот мы ее и оставим в лесопосадке...» Но не уточнил, собирается он оставить ее там только на этот вечер или... навечно.

В любом случае «ночной бабочке» повезло, так как водитель ухитрился выскочить из машины и позвать нечаянно подоспевший наряд милиции.

Но и после этого Варванин не успокоился. И уже в апреле прошлого года, опять же вместе с Бородавкой, был задержан за драку, весьма похожую на обыкновенный грабеж. Однако стороны договорились, и уголовное дело было прекращено. И, кажется, напрасно.

Дважды, уже в течение прошлого года, Дениса задерживали и с марихуаной, и с опиумом. А это значит, что сел он на иглу уже вполне стабильно и теперь везде и всюду будет искать деньги на наркотики. Думаю, что его не остановят ни родители, ни милиция, ни суд. И как ни прискорбно и даже страшно об этом говорить, но спасение от этой болезни только в ней самой, а передозировка – логический и закономерный конец начала. Ибо традиционное лечение в наркодиспансерах помогает лишь пяти процентам от охваченных эпидемией. Остальные получают только временное облегчение.

Об этом свидетельствует и история болезни уже известного нам Леши Труфанова. С завидным постоянством работники ОБНОНа задерживали его с одноразовыми шприцами, заполненными «ханкой». Сначала он объяснял свое пристрастие болезнью печени, которой необходим опиум как анестезирующее средство. Потом и просто перестал оправдываться. Да и кто поверит в искренность человека, которого прихватили с наркотиком почти на выходе из наркодиспансера, где он проходит курс лечения?

Значит, и лечение, и милицейские задержания, и следствие, и суд – это простые формальности, которые, конечно же, усложняют жизнь наркоманов, но несколько не изменяют ее.

Дай бог, чтобы и Варванин, и Труфанов, получившие по четыре с половиной года лишения свободы (условно), сделали из этого выводы. Но мне кажется, что сегодня крик плоти стал гораздо внятнее испуганного шепота разума. И это подтверждают скорбные процессии за Николаевским переездом. В одну из таких я и попал недавно.

Хоронили Витасика, которого так и не удалось спасти Раисе

Васильевне. Рядом со мной оказался друг покойного. Он был испуган и подавлен. С удивлением разглядывал свежие могилы и наркомана-самоубийцы, и девушки найденной у мусорных баков, и более ранние могилы, на которых уже были установлены памятники с портретами и фамилиями. И его глаза наполнялись нескрываемым ужасом. Походка становилась прерывистой, нервной. Казалось, он кого-то ищет в толпе провожающих. И не найдя, вдруг глухо забубнил, повернув ко мне свое посеревшее лицо:

– Все здесь.. Все мои друзья... все до последнего... Один остался...

Он затих. Успокоился. Шел рядом, понуриив голову. Но выпаленные фразы как будто соединили его со мной, и до конца траурной церемонии он уже не отходил от меня ни на шаг. А когда его горсть земли упала в могилу, он выпрямился, с грустной улыбкой посмотрел на меня и, как бы ставя последнюю точку своим мыслям, добавил:

– Значит, где-то здесь и мое место...

Он знал, о чем говорил.

2

По официальным данным Министерства здравоохранения сегодня в России на учете состоят три миллиона наркоманов. И при этом само собой разумеется, что речь идет не об общем количестве россиян, вовлеченных в потребление наркотиков, а только о тех людях, которые уже нуждаются в экстренной медицинской помощи, которым без медикаментозного вмешательства грозит неминуемая смерть.

Общее число потребляющих ядовитое зелье значительно больше. Однако методика их подсчета еще не определена, и здесь мнения специалистов расходятся.

Заведующая наркологическим отделением таганрогского диспансера Любовь Павловна Круглова, как и многие ее коллеги, с которыми она встречается на всевозможных семинарах и конференциях, считают, что «эпидемия» наркомании – это точная модель айсберга: на поверхности только его одна десятая часть, девять десятых скрыты от наблюдения. Значит, и общее число потребляющих наркотики в десять раз больше, чем количество

зарегистрированных.

Возможно, эта методика справедлива для населенных пунктов, где «эпидемия» началась недавно. В целом же на Россию она вряд ли распространяема, так как ее итог подсчетов окажется убийственным. В результате умножения по этому принципу мы приходим к выводу, что у нас в стране «сидит на игле» 30 млн. человек, а именно столько у нас молодежи от 14 до 25 лет. Что же, все они наркоманы? Исключено!

Скорее всего, не более трети прошли испытание на предрасположенность к активному потреблению. Но ведь и это, согласитесь, немало. Если каждый третий из молодых уже курит «травку» или колется, то это значит, что у страны нет будущего.

А вот на Таганрог методика айсбергаы вполне распространяема. Модное увлечение сюда пришло не очень давно. И доказать это весьма просто.

По среднестатистическим данным, в России один зарегистрированный наркоман приходится на каждые 46,7 жителя. Значит, в Таганроге на учете должно состоять более шести тысяч человек. А их, между тем, у нас всего около тысячи. Следовательно, наша «эпидемия» молода и началась недавно.

Нетрудно подсчитать и тенденцию ее развития. Для этого необходимо определить отрезок времени, за который общее число зарегистрированных начнет удваиваться. «Закон удвоения».

По данным Л. П. Кругловой, в начале 2000 года на учете состояло около 700 человек. К середине года их было уже около тысячи. Значит, к концу года мы и получим искомые 1400 человек. Удвоение происходит за год.

Следовательно, в декабре 2001 года на учете уже будут состоять 2800 человек. В декабре 2002 года – 5600. А примерно к весне 2003 года мы как раз и достигнем среднестатистического уровня России.

Справедливость этого вывода подтверждается и извечной тенденцией провинциальности: все – вплоть до вкусов и образа мыслей – приходит к нам из Москвы два – три года спустя.

Значит, основная «вспышка» болезни еще впереди. Но это не должно располагать к благодушию. Даже то, что мы имеем сегодня, приобретает устрашающие размеры.

Если следовать методике Кругловой, то число приобщенных к наркотикам в Таганроге сейчас достигло десяти тысяч. То есть

каждый пятый из молодых людей в возрасте от 14 до 25 лет уже имеет наркотическую «прививку». Каждый пятый! Один из пяти!

Не все из них попали в абсолютную зависимость от наркотиков. Таких, как мы знаем, пока только тысяча человек. Они-то и стоят на учете. Еще примерно две тысячи человек потребляют зелье регулярно. А семь тысяч – это резервная армия, которая «балует» пока от случая к случаю. У них все впереди.

Если бы разговор шел не о наркомании, а о какой-нибудь другой болезни, то эпидемиологи уже давно объявили бы город на осадном положении. Все входы и выходы из него были бы перекрыты, а все жители прошли бы амбулаторную проверку. По радио два раза в день объявляли бы результаты этих проверок, а на всех углах висели бы санбюллетени.

Но наркомания – это не холера и не чума (хотя и страшнее), а поэтому о ней говорят либо стесняясь, как о венерических болезнях, либо с полицейской суровостью, как о форме бытового преступления. При этом врачи считают ее компетенцией милиции, а милиция – компетенцией врачей.

И в самом деле, Уголовный кодекс не предусматривает наказания за потребление наркотиков. И это справедливо: каждый волен сам, по своему усмотрению распоряжаться своими жизнью и здоровьем. Ведь не судят же самоубийц! Но вот изготовление, сбыт, хищение, вымогательство, склонение к потреблению наркотиков, культивирование и возделывание сырьевых растений, организация и содержание притонов и даже выдача и подделка рецептов на наркосодержащие вещества – все предусмотрено и сформулировано в шести статьях УК РФ.

Это и есть тот самый инструмент, то самое могучее оружие, которое выдала наша законодательная власть всем отделам по борьбе с незаконным оборотом наркотиков (ОБНОН), созданным при управлениях внутренних дел. В том числе, конечно, и при таганрогском.

Скажу сразу, что, на мой взгляд, это единственное оружие, которое способно победить наркоманию. Надежда на врачебное подавление «эпидемии» минимальная. Ибо практика показывает, что после медикаментозного вмешательства только пять процентов от прошедших курс лечения возвращаются к нормальной жизни. Остальные рано или поздно возвращаются

на круги своя. Следовательно, из той тысячи таганрожцев, которые сейчас стоят на учете, только пятьдесят человек будут в дальнейшем дееспособными.

И, судя по статистике, наш ОБНОН понял, что вся встревоженная общественность возлагает надежды именно на него, а поэтому действует решительно. Только за прошедшие два года таганрогские суды, с подачи ОБНОНа, рассмотрели и вынесли приговоры почти по тысяче уголовных дел, связанных с наркотиками. То есть, десятая часть всех наркопотребителей уже не только попала в поле зрения нашей милиции, но и понесла наказание. И если в таком темпе все пойдет и дальше, то через двадцать лет у нас не останется ни одного наркомана без срока наказания. Если, конечно, «эпидемия» не разрастется.

Но меня, как это и положено, заинтересовало не столько количество, сколько качество этих уголовных дел. Мне хотелось понять, с кем же или с чем конкретно борется наш ОБНОН.

Наугад, совершенно произвольно я достал в архиве суда из стопки уголовных дел, которые занимают всю стену, всего шесть тоненьких папок.

... Арсан Казанов задержан с 0,5 грамма марихуаны и осужден на полгода условно.

... Игорь Жаворонков хранил при себе 1,2 грамма гашиша. Учитывая неоднократность подобных преступлений, получил четыре года (условно).

... Собиравшие коноплю у железнодорожного полотна пэтэушники Игорь Клименко и Алексей Бобров приговорены соответственно к полутора и одному году условно.

... Учащийся техникума Дмитрий Гнуцевич рядом с вокзалом купил за двадцать рублей одноразовый шприц с «ханкой» (сухой вес 0,09 г). Задержан. Полтора года условно.

... У Виктора Васильева при обыске в квартире обнаружили 32 грамма маковой соломки и 10 граммов марихуаны. Это даже более чем солидно. Учитывая предыдущий срок наказания, суд назначил Васильеву, во-первых, принудительное лечение от наркомании и, во-вторых, три года лишения свободы в колонии строгого режима.

... У Анатолия Подгорбунского нашли в квартире 0,5 грамма марихуаны и 0,33 грамма (сухой вес) опия. Присоединив предыдущее условное наказание, суд определил Анатолию три года лишения свободы.

– Простите, – обратился я к секретарю суда, – кажется, я не очень удачно выбрал дела. Здесь мне какая-то мелочевка попалась...

– А что вас интересует?

– Ну, наркобароны, наркокурьеры, содержатели притонов...

– А у нас нет таких дел...

– То есть как?

– А вот так! Суд ведь не возбуждает уголовные дела, а только рассматривает их. Что от ОБНОНа получили, на том приговор и поставили.

– Значит, все дела такие же, как эти?

– Примерно.

И вот здесь, надо вам сказать, я испытал легкий шок. Это что же творится? Если даже предположить, что каждый из осужденных был задержан не с 0,1 или 0,3 грамма опия, а имел при себе по целых два грамма, то и тогда получится, что за два года всех задержаний, обысков, засад и перестрелок наш героический ОБНОН вывел из оборота не более двух килограммов травы (в сухом остатке). Мало это или много?

Давайте еще раз займемся арифметикой. Три тысячи плотно «сидящих на игле» наших наркоманов колетса по меньшей мере два раза в день. А это значит, что их общий дневной рацион составляет (0,1 г x 2 x 3000) шестьсот граммов. Или 219 килограммов в год.

Семь тысяч начинающих, будем считать, потребляют только раз в месяц. Следовательно, их годовой рацион – 8,5 килограмма. А в общей сложности по кровеносным сосудам Таганрога в год проплывает, ну, никак не меньше 227,5 килограмма. И если из этой массы выведен всего килограмм, то с чем же борется ОБНОН? С оборотом наркотиков или с наркоманами? Если с последними, то тогда он не ОБНОН, а ОБН, и его пора переименовывать. А если в первом, то тогда результативность работы отдела не просто скромна, а плачевна.

Я понимаю, у милиции своя система показателей. Она вполне надежна, и с ее помощью можно завоевать первое место не только в области или в России, но даже и в Европе вкупе с Азией. Потому что разработана она еще при большевиках, когда боролись не с явлением, а главным образом с людьми. С помощью этой системы и по сегодняшний день таганрогские вытрезители

собирают ежегодно по 12 тысяч подвыпивших граждан. Дело нехитрое: стань у магазинчика «Вина Анапы» и загоняй в «невод» зазевавшихся посетителей.

Но ведь всем, кто надел милицейские погоны, пора сообразить, что все мы сейчас имеем дело не с пагубной привычкой, с которой так нелегко расстаться, как с курением, не с болезненным явлением, как алкоголизм, приводящим только к нарушениям психики, а с серьезной и большой бедой, грозящей вырождением всей России. Кроме милиции, ее никто не остановит.

В этой борьбе устаревшие большевистские методы массовых отловов неприемлемы. И пятьсот уголовных дел в год наркоманов, схваченных в ста метрах от притонов, проблему не решат. Для отчета это хорошо, для дела – плохо. Ибо эти пятьсот дел не высушат слезы всех тысяч матерей, которым еще предстоит увидеть своих детей в гробах и проводить их до могилы.

Если вы берете на себя ответственность перед Богом и перед будущим страны за эти загубленные жизни, тогда продолжайте в прежнем духе бороться с наркоманами: отлавливайте, изымайте, сажайте, отчитывайтесь за ноль-ноль граммы, как за особо крупные размеры.

Но если ваша совесть все же заговорит, то вы не только себе, но и нам скажете, что дело не в наркоманах, хотя и их нужно наказывать, а в НАРКОБИЗНЕСЕ. Нигде в мире эта «эпидемия» не развивалась стихийно, а наркоманы не занимались самоснабжением.

Даже те скромные 227 килограммов опия, которые выведены гипотетически и значительно занижены от истинных размеров, приносят сегодня таганрогским наркодельцам прибыль от двух до пяти миллионов долларов в год. И конечно же, именно на эти деньги содержатся и наркокурьеры, и переработчики сырья, и кладовщики, и содержатели притонов, и охрана, и служба собственной безопасности. Безусловно, есть и наркобарон, так как такое огромное предприятие не может полноценно действовать без присмотра. Следовательно, есть и менеджеры, и экономисты, планирующие расширение предприятия и обеспечивающие рентабельность бизнеса, и люди, получающие «налоги» с этого производства.

И что, по сравнению с этой машиной, тысяча осужденных

несчастных наркоманов?! Их не только вовлекли в потребление, на них не только обогатились, их не только лишают обманным путем всякой недвижимости, но их же еще и сделали виноватыми! Необыкновенно безбожная и бесчеловечная позиция!

... Но пока я возмущался, считая, задавая вопросы, и пытаюсь на них ответить, закончилось лето. Утреннее радио России сообщило о том, что сегодня 20 миллионов детей сели за парты. Из них в первый класс пришли полтора миллиона.

Мне показалось, что я ослышался. Но уже через час в новостной программе эти же цифры снова прозвучали в эфире. Значит, вот до чего мы дошли! Одиннадцать лет назад первоклассников было в три раза больше. Значит, в 2011 году закончат школу примерно 800 тысяч юношей. По состоянию здоровья уже сейчас половина из них непригодна для службы в армии. И если каждый третий из второй половины пристрастится к наркотикам еще в школьные годы, то к призыву останутся готовы только 267 тысяч человек. Значит, российская армия сама собой, без всяких реформ и реорганизаций, сократится в десять раз. И если такое же количество солдат уже сегодня не может справиться даже с Чечней (а сейчас начинается разворачиваться полномасштабная война и в Средней Азии), то о какой России мы пытаемся думать и мечтать? Заканчивается Россия. «Веселое» будущее ей готовят наркоторговцы...

В похожей ситуации две тысячи лет назад Иоанн Креститель кричал иудейскому народу: «Одумайтесь и покайтесь!». Не прислушались. И через несколько десятков лет Римская империя разметала иудеев по всему миру.

С этими невеселыми мыслями я и отправился в город. А вокруг действительно бушевал праздник. Торжественная детвора с букетами цветов гордо несла себя по тротуарам. Старшеклассники солидно и сдержанно делали вид, что их не касается вся эта суета. Они собирались тройками, пятерками и деловито обсуждали прошедшее лето и планировали сегодняшний вечер, который, как сказал один из них, нужно обязательно отметить. Решался вопрос, где и как.

Неуютно себя чувствовала только средневозрастная «шпана» с шестого по восьмой класс. Она явно стеснялась первоклашек и побаивалась будущих выпускников. А поэтому сбивалась в самостоятельные стаи и, как воробьи, шурша

перемещалась с одного насиженного места на другое.

Одну из таких «стай» я и увидел в ближайшем к улице углу школьного двора, мимо которого проходил. Они толпились за решетчатой чугунной оградой, как за стеклом аквариума, и выглядели заговорщиками. Воровато поглядывая по сторонам, пацаны жадно затягивались, передавая друг другу окурки. А когда дунул легкий ветерок, я сразу почувствовал приторно-портяночный запах гашиша.

Значит, сегодняшний праздник отмечает не только детвора, но и наркоторговцы. Ряды их потребителей пополняются.

3

А начиналось все мирно и обыденно. Плотный мужчина с копной вьющихся седых волос и залысинами почти до затылка читал газету. Две женщины со скорбными лицами тихо, наклоняясь друг к другу, обменивались новостями. А у самого окошка примостилась старушка с церковными свечами в руках и картонной иконкой святого блаженного старца Павла.

Электропоезд тронулся. Стук колес начал заглушать вагонный гомон. И женщины, только что почти шептавшие, повысили голоса. Их диалог невольно стал достоянием ближайших соседей.

Та, что помоложе, как я понял, ехала домой из наркодиспансера, где лежал ее сын. Колется уже два года. Отраву покупает у цыган, которые живут здесь же, в деревне. Молодая жена ушла к родителям. Дважды побывал в реанимации после передозировок. Теперь вот уговорили с отцом лечиться. Поможет ли?

Вторая женщина, которая постарше и внешне похожая на учительницу, выражая сочувствие, искренне удивлялась:

– И откуда на нас эта пошесть свалилась? Двадцать-тридцать лет назад мы только слышали о наркоманах, а теперь вот на каждой улице беда...

– С Запада, голубушка, с Запада, – не отрываясь от газеты, многозначительно промолвил рывастый мужчина. – Хотели капитализма? Получайте!

– Что! Мак с запада везут? Коноплю? – с грустной иронией спросила мать наркомана. – Вы чепуху-то не мелите. Все свое,

под рукой растет...

– И раньше росло, да никого не интересовало, – возразил мужчина, – потому что порядок был, работа и уверенность в завтрашнем дне.

– Да! – уже с откровенной злостью согласилась женщина. – Только почему-то ваши порядок и уверенность не помешали моему мужу спиться до основания. И вся деревня у нас такая – трезвенников по пальцам одной руки можно пересчитать. И спились-то не сегодня, а лет двадцать назад. Еще перед капитализмом каждого третьего в ЛТП сажали лечиться.

– Не от горя, как сейчас, пили, а от недостатка! – едва сдерживая раздражение, ответил мужчина. Его руки непроизвольно стали складывать газету, а багровеющие залысины демонстрировали непреклонную готовность к схватке. – Да разве при коммунистах посмели бы барыги на каждом углу «ханку» в шприцах продавать? Только бы подумали – вмиг бы на лесоповале оказались!

– И то верно, – включилась в разговор женщина, похожая на учительницу, – нельзя нашему человеку вот так, сразу, свободу предоставлять. Как водолазы, резко вытасненные из глубины, от кессонной болезни погибнуть могут. Разорвет...

– Да уж и так все в клочья, – почувствовав поддержку, успокоился мужчина. И, чтобы увеличить число своих сторонников, обратился к старушке:

– Вот ты, мать, скажи, когда тебе лучше жилось – тогда или теперь?

Старушка посмотрела на мужчину с откровенным сочувствием, перевела взгляд на женщин и тихо сказала:

– А все едино, сынок. Что тогда, что теперь. Что здесь, что там...

Ее ответ был столь неожиданным, что все притихли. А мужчина явно пожалел, что вовлек эту блаженную в разговор. Он боялся, что она начнет развивать свою мысль и затеет религиозную пропаганду. Но старушка молчала.

Поразил и меня ее ответ. И, размышляя над ним и тогда, и потом, много дней подряд, я пытался понять, почему она с такой легкостью поставила знак равенства между капитализмом и социализмом, между Россией и Западом. Что общего, на ее взгляд, между, казалось бы, непримиримыми идеологиями?

Этот вопрос я успел-таки задать старушке в тамбуре при выходе из вагона. Но она, как я понял, усмотрела в моей

заинтересованности только праздное любопытство, а потому лишь скупобронировала:

– Библию читай, милый. Там про все сказано. А особо пойми, в чем грех Адама...

И я стал читать. Перечитывать. Но количество не переходило в качество. Древняя библейская легенда о первочеловеке не открывала в себе ничего нового. А тем более не давала никаких поводов связать ее с современностью.

Ну, послушался Бога, съел яблоко с дерева познания добра и зла, ну и что? С добром и злом вообще не все благополучно! Для наших людей эти понятия совершенно расплывчатые. И то, что для одних зло, для других оборачивается добром. Значит, не здесь разгадка.

Может быть, в том, что послушался? Но ведь и это не новость. Кто сегодня исполняет заповеди? Да и посылны ли они для современного человека? Значит, и добро, и зло, и послушание – это хоть и важные, но общие места в этой легенде. И их совершенно по-разному (каждый по-своему) будут трактовать и коммунисты, и капиталисты.

Значит, из истории об Адаме и Еве нужно вообще убрать идеологическую подоплеку, чтобы понять мою старушку-попутчицу? И что же тогда остается в «сухом остатке»?

И вот здесь меня осенило! А ведь до того, как съесть запретный плод, у Адама все было. Он ни в чем не нуждался. Бог, а если хотите – природа, дал ему все необходимое. То проклятое яблоко было просто лишним. Но он рискнул лишиться необходимого, чтобы попробовать лишнее.

Вот оно! Значит, Адам не только грешник, но еще и первооткрыватель закона о постоянно возрастающих потребностях человека. С тех пор он уже никогда не сможет удовлетвориться достигнутым. Значит, корень зла не только в послушании, но и в сверхпотреблении.

А ведь в этом отношении, действительно, нет никакой разницы между социализмом и капитализмом, между Россией и Западом. Способы достижения, средства – разные, а цель у нас одна. И там, и здесь – стремление к росту благосостояния, к созданию обществ сверхпотребления. Только у нас хотели все поровну, а у них – нижним от щедрот верхних. Только и всего!

И не зря у нас был лозунг: «Догнать и перегнать Америку!». Соревнуются только равные или примерно равные, а антиподы

отрицают и цели, и средства, и пути друг друга. Они воюют до победного конца, а не соревнуются.

Ну, и чего же мы достигли? «Мы» – это в целом, все вместе сверхиндустриальные общества. Все вкупе мы создали монстра сверхпроизводства, высасывающего недра планеты, чтобы добыть энергию и сырье. Энергия нужна, чтобы монстр жил, сырье – чтобы он рос и расширялся. Он работает сам на себя, отплевывая лишь малую толику, чтобы согреть, одеть, накормить и доставить наслаждение человеку. И еще он создает богатства и деньги, которые снова расходуются на наслаждения и удовольствия.

В сущности, если вдуматься, то окажется, что вся история нашей цивилизации, весь ее путь, все жертвы человечества были направлены только на то, чтобы в итоге искать и находить все новые и новые развлечения и наслаждения и предаваться им все сильнее и сильнее, все интенсивнее и интенсивнее, доводя и выводя себя за грань болевого порога. Ибо боль тоже может быть наслаждением не только для мучителя, но и для жертвы. Наркотики – только одно из средств этого порядка.

При этом мы ничего не придумываем нового (за редким исключением), а лишь модернизируем и усложняем уже давно найденное. Как говорит Библия, «нет ничего нового под солнцем».

Древние греки изобрели спортивные соревнования. Мы усовершенствовали их до кровавых схваток фэнов (болельщиков-фанатов), разносящих в щепу стадионы, головы и города.

Древние иудеи и эллины наслаждались дегустацией сухих вин, обязательно разбавленных наполовину водой. Пьющий чистое вино подвергался осуждению и считался пьяницей. Нас уже не удивишь и чистым спиртом в любом количестве.

Мелодичный клавесин Моцарта заглушен тысячеваттными усилительными колонками и шабашем «металлистов».

Когда «важнейшее из искусств» впервые показало на экране прибытие поезда, многих дамочек в глубоком обмороке выносили из зрительного зала. Сегодня нам не щекочет нервы ни один фильм ужасов.

Эпистолярный жанр заменен телефоном. Радость общения с себе подобными – телевизором и интернетом.

Говорят, что после недавнего пожара на Останкинской башне многих пенсионеров в Москве увезла «скорая помощь».

Их психика и сердце не выдержали потери картинки на экранах. Их жизнь в одно мгновение стала пустой и бессмысленной.

Своих предков-первохристиан на Руси мы считаем варварами потому, что на их кухнях не было сложной бытовой техники, а под копытами лошадей гибло гораздо меньше людей, чем под колесами автомобилей и в авиакатастрофах.

Мы смотрим на них свысока и не понимаем, как они могли жить без Чернобыльской АС, без атомных подводных лодок «Комсомолец» и «Курск», без высотных домов, способных складываться, как карточные, от одного нажатия кнопки террориста.

Мало того, мы поражены их неприязнительностью в половых отношениях. И не можем уразуметь, почему в их время не выстраивались миллионные очереди на лечение импотенции и фригидности.

Нас уже не возбуждает и не греет традиционализм. Мы заглядываем дальше и ищем утешение в гомосексуализме, лесбиянстве, скотоложстве, некрофилии.

Во многих западных цивилизованных странах жизнь заставила создавать общества защиты от педофилов. Значит, скоро это ждет и нас. Ростовский Чикатило – наш пионер мирового движения некрофильствующих педофилов. Он не урод. Он просто «созрел» чуть раньше остальных.

Мы развращены и изуродованы нашей цивилизацией. Специалисты утверждают, что современный человек, помещенный в сурдокамеру и лишенный всяких звуков и новых зрительных образов, уже через неделю не в переносном, а в буквальном смысле слова сходит с ума.

Вот здесь, как говорится, и зарыта собака. В этом основа противоречий и конфликт отцов и детей, который подметил, но не объяснил Тургенев.

А суть его в том, что каждое новое поколение еще во младенчестве адаптируется к уже достигнутому родителями уровню удовольствий и наслаждений. И к отрочеству перестает их ощущать и замечать. Ему нужны новые, более острые впечатления. Оно как бы попадает в сурдокамеру и, лишенное внешних раздражителей, начинает испытывать дискомфорт и агрессию. А поэтому разбавленное вино заменяется чистым, чистое – водкой, водка – наркотиками. И так во всем.

Значит, постоянное снижение порога чувствительности

из поколения в поколение – это тоже закон развития нашей цивилизации, который является производным от адамова закона постоянно возрастающих потребностей человека.

Сегодня мы пришли ко всеобщей алкоголизации и к началу наркотической «эпидемии». Что будет завтра?

Глупо и бессмысленно осуждать и преследовать алкоголиков и наркоманов, не осуждая в целом ошибочный путь развития этой цивилизации. Нельзя поклоняться одному закону, а производный от него – выжигать каленым железом. Так не бывает. А если происходит и случается, то это значит, что цивилизация, нацеленная на призрачное богатство, на развлечения и удовольствия, ко всему прочему еще и не делает нас ни умнее, ни добрее, ни духовнее.

Но ведь не вся же у нас молодежь ударилась в наркотики, возраят мне. Да, не вся. А пока только та, которая в силу генетических, наследственных причин, в силу образования и воспитания уже достигла критического порога чувствительности. Точнее, бесчувствия. Как Чикатило. Остальные пока вне опасности. И давайте дождемся следующих поколений... Если, конечно, дождемся...

То, что моя гипотеза верна, подтверждает и неэффективность всех официально существующих способов борьбы с наркоманией и ее лечения. Так же, как и алкоголизма.

Лечат алкоголиков в наркодиспансерах, гипнотизируют, кодируют, подшивают. Многих ли вы знаете, кто категорически отказался от вредной привычки? Из всех моих знакомых я могу назвать только одного. Остальные многопьющие успешно кодируются каждые полгода.

С наркоманией еще сложнее. Ибо сгорает человек не за всю свою жизнь, а за два-три года. Редко кто из них доживает до тридцати пяти лет. А эффективность лечения еще меньше.

И уж тем более абсурдно (хоть и законно) ловить этих людей и сажать. Впустую потраченное время. Они себе не принадлежат.

Но вот что любопытно: те из них, кто правильно понял происхождение своей болезни, кто набрался смелости отказаться не только от наркотиков, но и от этого образа жизни, от этой цивилизации и мыслей, которые она диктует, от ее системы ценностей, тот выздоравливает обязательно и бесповоротно.

Уже во многих телевизионных передачах были показаны

репортажи из стихийных христианских общин, в которых под руководством священников собрались бывшие наркоманы. Они приходили туда, страдая от мучительных «ломок», и там, вдали от всех благ цивилизации, без газет и телевизоров, без общепринятых развлечений, работая от зари до заката, чтобы прокормить себя, наедине с природой и молитвой, снова становились людьми.

Но меня, честно говоря, удивило даже не это. В конце концов я и сам теперь убежден, что наркомания – это болезнь именно этой цивилизации, ее производственные издержки. А значит, и излечиться от нее можно, только отказавшись от ее «благ».

Более удивительным и даже странным было другое: вылечившись, из общин не хотят уходить. И не потому, что боятся вновь сорваться. Нет! А потому, что обрели уверенность в несправедности своей жизни. И даже без наркотиков.

С одним из таких «общинников» мне и довелось побеседовать недавно. Антон Мовруга приехал домой откуда-то из-под Новгорода за зимними вещами. А уехал он ранней весной, спасаясь от своей болезни.

– А остаться в Таганроге боишься? – спросил я.
– Снова дружки одолеют и на «иглу посадят»?
– Нет, – ответил он просто. И без всякой позы и эффектов добавил: – Я просто умер для этой жизни.

Потом, как та старушка-попутчица, посмотрел на меня оценивающе и, очевидно, почувствовав недоверие, объяснил свою позицию:

– Раньше я тоже все о свободе кричал, от родителей независимости требовал, а когда добился ее, то в еще большую несвободу попал. Зависимость от наркотиков гораздо более худшее рабство, чем социальное, политическое или экономическое. Но это мне, правда, уже отец Никодим объяснил.

Если человек не может контролировать свои физиологические потребности и всю свою жизнь тратит на их ублажение, то чем отличается он от обычной свиньи? Только тем, что умеет читать и писать? Тем, что у него есть квартира, машина, дача, телевизор, радиотелефон, компьютер? Суть-то ведь не меняется. Между вилкой и корытом нет особой разницы. Жить ради удовольствий – глупо и грешно.

... Эта незатейливая логика бывшего наркомана сначала меня покорила. Но со временем я с ней свыкся и понял, что он

во многом прав. Разве вся наша политическая борьба, которой мы придаем высокое нравственное значение, ведется, в конечном итоге, не ради равноправия на получение удовольствий, которых сегодня на всех не хватает? А если так, то зачем лицемерить?

Мы ведь знаем, что от удовольствий и развлечений уже никто не откажется. А значит, научно-технический прогресс будет развиваться до упора, пока не погубит все живое на этой планете. А значит, гибель этой цивилизации неизбежна. И конец света – не придумка темных людей.

А потом будет новая цивилизация. И снова люди, как и в прежние времена, будут выбирать между телом и духом. И снова будет написана новая Библия. И снова Господь будет предостерегать людей. И если они снова разопнут его на кресте, то, значит, не о чем жалеть и сегодня. За все надо платить. И не в будущей загробной жизни, а прямо сейчас. Ведь не зря патриарх Алексей II назвал наше нынешнее мировоззрение – атеизм духовным Чернобылем России.

По свидетельству городского отдела статистики, общая численность населения за 1999 год сократилась на 3,2 тысячи человек. Это самое существенное сокращение численности в нашем городе с 1996 года. В первом полугодии 2000 года тенденция к сокращению численности населения сохраняется.

ОМУТ

Старому Джамалу показалось, что он ослеп и оглох от горя, когда невестка Патимат сообщила ему о том, что его сына Гунаша посадили в тюрьму. «Почему? За что?» – кричал он в телефонную трубку и ничего не мог понять. А Патимат что-то говорила, говорила и тоже кричала в ответ, но из всех ее бессвязных слов Джамал только смог понять, что сын присвоил чужие деньги. И он не поверил.

«Этого не может быть, – думал старый Джамал. – Кого угодно спросите в селе Хариколо и вам скажут, что в роду Идирисовых никогда не было воров. Все честно зарабатывали свой хлеб. И вообще, для аварца даже подозрение в воровстве – огромный позор и оскорбление для всей семьи. Как она могла сказать такое? Как сама могла поверить в эту клевету? Гунаш – вор? Это исключено! Да он сам кому угодно свою последнюю рубаху отдаст. Вы только попросите. И он отдаст. И когда в сельской школе учился, был таким. И потом, когда поступил в Новочеркасский политехнический институт. Все раздаривал друзьям-студентам. Всем, что у него было, делился. И его друзья о нем так и говорили: «добрый, отзывчивый». Правда, потом еще добавляли, что доверчивый очень. Плохо это или хорошо?».

Сразу же сорваться и уехать в Таганрог к сыну старому Джамалу не позволили ни гордость, ни выдержка аксакала. И он почти два месяца стойко носил в себе свою беду. Он не хотел верить в банальное воровство, а поэтому мысли сами собой скатывались в политическое русло.

Конечно, после первой чеченской войны русские сильно осерчали на кавказцев. И они уже не спрашивают, чеченец ты или ингуш, аварец или осетин, грузин или азербайджанец, а всех называют лицами кавказской национальности. Хотя, конечно, у них есть на то причины, и они по-своему правы.

Разве большинство из них видели настоящих кавказцев? Тех, которые не отрываются от своих корней и выросли в свою землю, которые сеют и пашут, возделывают виноградники, пасут скот, добывают нефть, учат детей и пишут книги, лечат, играют, творят...

Они встречаются только с теми, кто бросил свою землю, свой народ и подался в чужие края искать свое счастье. А еще чаще они видят тех, кто толчется на рынках, кто становится «героем» криминальной хроники и других телевизионных передач. А ведь лучшие с родины не бегут.

А разве не обидно русским, когда о них судят по криминальным хроникам американских передач? А там, что ни день, то «русская мафия». Так неужели же после этого всех русских считать бандитами? Грех это! Великий грех по кончику хвоста судить о буйволе... И не по-христиански. Ибо Сам Христос сказал, что нет эллина и нет иудея. Для Бога не существует национальностей.

И если посадили Гунаша в тюрьму, значит, опорочили его честное имя эти кавказские отщепенцы, эти перекасти-поле, у которых нет ни рода, ни племени. Может быть, он по доброте своей чем-нибудь помог им и сразу же попал на заметку властям? Может быть, каким-то образом его честные деньги перетасовались с их ворованными?

Джамал задавал себе эти вопросы и не находил на них ответа. И не было уже ни одной зацепки, чтобы испытывать тревогу.

Сколько раз за последние годы приезжал Гунаш в отпуск в Хариколо, и каждый раз Джамал не испытывал ничего, кроме гордости.

Первый раз Гунаш приехал домой после окончания института и сообщил, что получил направление в Таганрог в «Центрдомнаремонт». Это был 1986 год. Время было спокойное, если не считать разгара антиалкогольной кампании и порубок виноградников.

Начинал Гунаш мастером. Потом стал начальником участка. И казалось, что его карьера вовсе не зависит от грозных событий, которые происходили в стране.

А дела разворачивались нешуточные. Старая испытанная власть теряла почву под ногами. Журналисты, как и сто лет назад, снова закричали о свободе, равенстве и братстве.

Джамал не одобрял эти призывы, так как знал, что в истории они всегда заканчивались кровью. Он помнил, что еще его дед старательно объяснял ему, что истинно свободен только тот, кто освободился не от внешних, а от внутренних личных проблем. Свободен тот, кто смог подавить в себе зависть, алчность, злобу, гордыню и честолюбие, похоти и пороки, лживость и болтливость. Потому что все беды человека не вокруг него, а в нем самом. Каков человек, таким и мир он видит вокруг себя. Нечестному кажется, что все вокруг лжецы. Злой страдает от людской злобы. Тоскующий по доброте сам не умеет отдавать ее людям. И это великий труд – удержаться от осуждения других, не ответить

злом на зло, подавить дурную мысль.

И отец Джамала – Усман, тоже, слушая бредни о свободе, в свое время, пожимал плечами: разве можно освободить человека от ответственности перед Богом и перед самим собой? Разве можно освободиться от традиций и обычаев отцов и дедов? Как избавиться от нравственных обязательств? Кто может быть свободен от требований уважать стариков и женщин, любить детей, почитать гостя, сочувствовать немощным, помогать бедным?

Тот, кто призывает к такой «свободе», дьявол, толкающий человека в омут. А тот, кто освободился от всего этого, уже утопленник. И ничего, кроме трупного яда, не может от него исходить.

Вот и боялся Джамал, что из-за своей доверчивости попадет его Гунаш в Таганроге под влияние дурных людей, которые затащат его в этот губительный водоворот.

И он поехал к сыну.

Уже в поезде, несущем его из Махачкалы, он снова вспоминал редкие, но праздничные приезды сына домой. И каждое его появление означала новую ступеньку в карьере.

На должности начальника участка Гунаш решил круто поменять свою судьбу. Стал учиться на бухгалтера. Потом женился. И, что больше всего порадовало отца, взял себе в спутницы жизни не какую-нибудь таганрогскую красавицу, а свою землячку – скромную девушку из Хариколо – Патимат.

1991 год – драматичный для всей страны и России – в семье Идирисовых оказался особенно урожайным на праздничные события.

Во-первых, Патимат родила внука. А в Дагестане это особое торжество. И его отметили очень красиво. И нарекли внука Магомедом. Такое имя ко многому обязывает.

А во-вторых, сына назначили главным бухгалтером предприятия. Вы только вдумайтесь! Мальчику всего 26 лет, а он уже занимает такую должность. И старый Джамал особо наказывал своему сыну чтить директора предприятия за то, что он сделал такой выбор.

Хакимов – директор «Центрдомнаремонта» – был почти ровесником Джамалу, а поэтому счастливый отец был спокоен.

– Люби и уважай Дамира Салихзяновича, как меня, – говорил он сыну. – Слушайся его во всем. Учись у него. Он мудрый

человек. И передай ему, что он теперь для меня как брат.

И видел Джамал, что сын выполняет его наказ. Стал более сдержанным, по-мужски немногословным, научился не только сам жить широко, но и не забывал нуждающихся родственников. Вот и Магомед Джамалудинова – мальчика из Хариколо – устроил учиться в радиотехнический университет Таганрога. Сам оплатил его учебу. И отдал деньги немалые на то время – тринадцать миллионов рублей.

Но Гунаш мог себе позволить такие расходы. Он много работал и много зарабатывал. Кроме основных обязанностей на предприятии, еще в трех фирмах по совместительству вел бухгалтерский учет. Мало того, открыл собственное частное предприятие «Контраст». И по всему видно, оно приносило ему хорошую прибыль – три машины купил, квартира – полная чаша. Молодец мальчик! Умеет трудиться.

Может быть, завистники чем-нибудь очернили сына? Всего год назад выбрали Гунаша генеральным директором акционерного общества «Домнаремонт», и вот нате, пожалуйста, тюрьма. А в чем он мог провиниться за этот год? Пять лет управлял всеми денежными оборотами предприятия, и все было честно и чисто. А всего за год, когда и финансы ушли из его рук, вдруг стал преступником. Нет, это какая-то политика!

Хоть и объявили демократы равенство, а только его как не было, так и нет. Да и откуда ему взяться? Разве может дурак по указу стать умным? Разве бездарный человек сможет, хоть по приговору суда, создать то, что, играючи сотворит талантливый? Разве обернется дурнушка красавицей? Разве лодырь полюбит труд, а прожорливый откажется от еды? А если те, кому не повезло в равенстве, окажутся еще к тому же и людьми несвободными от своих собственных пороков, то разве они дадут остальным жить спокойно? Значит, хоть объявляй, хоть не объявляй «свободу, равенство и братство», а снова начнутся и зависть, и ложь, и сплетни, и интриги, и доносы, и новые революции. И так без конца, пока человек сам не победит свои страсти. С себя нужно начинать! Каждому...

Уж как ни пытались коммунисты утвердить равенство между людьми, а что из этого получилось? Сами же сначала разделили население на партийных и всех остальных, а потом не знали, как избавиться от карьеристов. Первым – все привилегии и льготы, а вторым – право на «свободный и почетный труд». И

поперли в партийные ряды агрессивные и пробивные дураки, бездари, лодыри и воры. А куда им еще деваться? Где они еще могли уравниваться в правах с умными, талантливыми и трудолюбивыми?

Конечно, были в партии и умные, и честные – и было их немало но сам способ отбора на руководящие должности не по уму и честности, а по лояльности и подбострастности привел к катастрофе. Всего за четыре поколения в этом «авангарде» сложился такой альянс, что оградить от него страну уже никто не мог, а в руководстве партией никто и не хотел. И начался грабеж.

С этими тяжелыми мыслями Джамал Усманович и прибыл в Таганрог. От невестки он толком так ничего и не узнал. Она только плакала и причитала. Женщина, одним словом. И решил он пробиться в тюрьму, чтобы все узнать от сына. Но его дальше входной двери этого мрачного сооружения так и не пустили.

– Только с разрешения следователя! – гаркнул лениво развалившийся на стуле за стеклянной перегородкой охранник. А второй, с резиновой дубинкой, здесь же плечом выжал просителя в проем двери и захлопнул ее на замок.

На улице перед входом толпились еще какие-то люди с сумками, и Джамал понял, что это родственники посаженных людей. Они-то ему и рассказали, что нужно сделать.

– Значит, так, отец, слушай, – начал объяснять вертлявый парень, на пальцах которого красовались синие татуированные кольца. – Если за экономические преступления, то ищи, в натуре, по территориальности. Как, говоришь, называется? «Домнаремонт»? Это металлурги. Значит, тебе надо в третий отдел мусоровки. А там спроси ОБЭП. Ну, короче, которые с экономикой борются, понял? А там уже узнай, кто дело сына ведет. Будь здоров, папаша! Бабки готовь!

И снова Джамал отправился на поиски. Но ходить долго не пришлось. Третий отдел оказался почти рядом с квартирой сына, только улицу перейти. Здесь же, на Заводской.

У приземистого одноэтажного здания, как и у тюрьмы, толпилось множество людей.

«Это что же здесь творится? – подумал Джамал. – Ничем не лучше, чем у нас в Дагестане. Но у нас рядом Чечня. Людей воруют, скот угоняют, дома грабят, вот поэтому и собирается народ у отделений милиции. А здесь что? Кто кого грабит?»

Он быстро нашел нужного ему человека. И очень боялся, что тот даже не захочет с ним разговаривать. Или того хуже – наругает, обругает, выгонит из кабинета. Но следователь майор Стеганцев оказался человеком внимательным, серьезным и вежливым.

Он даже, как показалось Джамалу, с сочувствием выслушал, что тот рассказал ему о сыне. Отпечатал на машинке протокол допроса свидетеля и не выбросил из его текста ни одного хвалебного слова о Гунаше. Мало того, в самом конце протокола он отразил мнение отца о возможных мотивах преступления сына. Так и записал: «Если Гунаш и мог совершить преступление, связанное с хищением, то, я думаю, он это сделал только под воздействием каких-то обстоятельств или не совсем добрых людей». Хороший человек, справедливый.

И Джамал проникся полным доверием к Стеганцеву.

– Скажи, дорогой, неужели все это правда? – спросил Джамал.

– Похоже, что да... – ответил майор и отвел глаза в сторону, как будто ему самому было неловко видеть позор Джамала. – По крайней мере, первый эпизод мошенничества доказан полностью.

– Как первый? Почему первый? – испугался Джамал. – Их разве много, этих эпизодов?

Стеганцев молча и с сожалением кивнул головой.

– Нет, ты мне только первый эпизод расскажи, и я тебе докажу, что Гунаш не мог сделать плохого, – настаивал Джамал.

– А что здесь рассказывать? Все просто.

Был у Гунаша личный шофер Сергей Закутний, который вместе с семьей жил в «гостинке» и нуждался в квартире. Он еще к Хакимову приставал с просьбами улучшить его жилищные условия. Но Дамир Салихзянович ему отказал. Тогда он начал просить Идирисова, когда тот стал директором...

– Конечно! – обрадовался Джамал. – Мой сын добрый, не откажет.

– Он и не отказал, – подтвердил следователь. – Ваш земляк Курбаков как раз свою квартиру на 1-й Котельной улице продавал, вот Гунаш и уговорил его продать эту квартиру «Домнаремонту». Заключили договор купли-продажи. Курбаков передал ключи от квартиры шоферу Гунаша.

– Доброе дело сделал Гунаш, – просиял Джамал.
– Доброе-то доброе, – согласился майор, – да только дальше все некрасиво обернулось.

Шофер свою «гостинку» продал. Деньги отдал Гунашу, а сам переехал в новую квартиру. Полгода Курбанов ждал оплату по договору. А когда не дождался, стал шофера из квартиры выгонять. А тот, недолго думая, обратился с жалобой в прокуратуру. И он был прав. «Гостинку» – то ведь он продал. Куда ему выезжать? На улицу?

– Ну, а деньги-то, деньги где? – разволновался Джамал.

– Согласно квитанции к приходному ордеру № 128 эти деньги поступили в кассу «Домнаремонта», – каким-то бесцветным голосом ответил Стеганцев и пристально посмотрел на Джамала.

– Вот видишь! – с укором ответил тот. – А ты говоришь...

– Это если верить квитанции, – уточнил следователь. – А на самом деле квитанция есть, а самого ордера № 128 мы в документах бухгалтерии так и не нашли. Фальшивая квитанция оказалась. А деньги так в кассу и не поступили...

Джамал сидел с полуоткрытым ртом и чувствовал, как отнимаются у него ноги, как зашумело в голове, а в комнате предметы потеряли свои очертания и поплыли по кругу.

– Украл... – едва выдавил он из себя.

– Как потом выяснилось, этот эпизод мошенничества – мелочь по сравнению со всем остальным. Мы сейчас тщательно изучаем всю документацию, но я об этом пока не имею права ничего говорить. Тайна следствия.

